

ВЕРА ВОЛЬФ

АКАДЕМИЯ
СВЕТЛЫХ

ВЫЖИТЬ НЕЛЬЗЯ
ПОМИЛОВАТЬ

Вера Вольф
Академия Светлых.

Выжить нельзя помиловать
Серия «Академия Светлых», книга 1

<https://litres.ru/73880233>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня зовут Марго Касс. В прошлой жизни меня казнили как главную злодейку королевства. Теперь магия времени вернула меня в Академию Светлых — за три месяца до переворота.

Я знаю, кто предатель. Я знаю, как умру. И я не собираюсь играть по их правилам.

Мне нужно выжить, не попасться принцу Лионелю и не дать Магистру Себастьяну Валору понять, что я помню прошлую жизнь.

Но чем сильнее я меняю будущее, тем быстрее стираю саму себя.

Академия магии. Временная петля. Роман с врагом.

Готова ли я переписать сценарий, если цена — моё собственное существование?

Содержание

Глава 1. Как эффективно провалить собственную казнь	5
Глава 4. Овсянка и предрассудки	12
Глава 5. Церемония Очищения	19
Глава 6. Тень куратора	27
Глава 7. Завтрак с «принцем»	35
Глава 8. Лабиринт стеллажей	43
Глава 9. Резонанс	51
Глава 10. Урок Боевого Света	60
Глава 11. Лазарет и ментальный след	70
Глава 12. Кабинет инквизитора	77
Глава 13. Подготовка к Малому Балу	86
Глава 14. Малый Бал. Танец с врагом	95
Глава 15. Первая кровь. Тренировка с Магистром	103
Глава 16. Слезы Справедливости	111
Глава 17. Ожоги правды	119
Глава 18. Привкус пепла поутру	128
Глава 19. Эффект искажения	137
Глава 20. Теневая вуаль	144
Глава 21. Клятва молчания	154
Глава 22. Пропажа принца	166
Глава 23. Горгульи-сплетницы	173

Глава 24. Встреча в подземелье	181
Глава 25. Урок медитации	189
Глава 26. Изолятор	198
Глава 27. Рынок артефактов	207
Глава 28. Покушение	216
Глава 29. Гнев Пепла	226
Глава 30. Признание	235
Глава 31. Игра в две руки	243
Глава 32. Званный ужин у тёти	254
Глава 2. Дорога, портал и первый ступор принца	263
Глава 3. Первый порог	270
Конец ознакомительного фрагмента.	276

Вера Вольф

Академия Светлых.

Выжить нельзя помиловать

Глава 1. Как эффективно провалить собственную казнь

Перед смертью жизнь не пролетает перед глазами. Пролетает жирная муха.

Я проводила её взглядом, не шевелясь и почти не дыша. Холодные кандалы впивались в запястья, напоминая, что я — Марго Касс, «ужасная тёмная ведьма» и, по версии короны, предательница. Казнь назначена на завтра.

Дверь скрипнула.

В камеру вошёл принц Лионель. Белый камзол, безупречная осанка, лицо, на котором скорбь сидела так же фальшиво, как позолота на дешёвой раме.

— Ещё жива? — спросил он тоном сладким, как патока.

Я медленно улыбнулась.

— Решила насладиться твоим отсутствием совести, Лео.

Он слегка наклонил голову, будто оценивая не меня, а удачную покупку.

— Ты могла бы стать моим инструментом, Марго. Если бы не твоя Тьма.

— Мой дефект, — ответила я, — это не разглядеть в тебе подонка раньше, в Академии.

Его улыбка не дрогнула.

— Завтра от тебя останется только история для первокурсников.

— О, Лео, — я откинулась к сырой стене. — Эта история будет длиннее, чем ты думаешь.

Он ушёл так же спокойно, как пришёл. Слишком спокойно. Именно так уходят люди, уверенные, что уже победили.

А потом началось утро.

Когда меня вывели на площадь, солнце било в глаза безжалостно и слишком ярко для такого дня. Толпа гудела. Люди всегда любят зрелища, особенно если зрелище — чья-то чужая смерть.

На трибуне стоял Себастьян Валор.

Не шелохнувшись, с руками за спиной, в чёрном мундире магистра. Его взгляд был холоднее камня. Он верил в закон. Верил в Свет. И был уверен, что я заслужила это окончание.

«Ну уж нет, магистр, — подумала я, стиснув зубы. — Сегодня вы провалите экзамен».

Палач поднял меч.

Я не стала ждать удара.

Внутри меня что-то щёлкнуло.

Тьма, до этого притихшая под цепями и болью, рванулась вверх — не наружу, а внутрь, прямо в осколок артефакта, который я спрятала так глубоко, что даже сама иногда забывала о нём.

Мир дрогнул.

Гул толпы распался на бессмысленный шум. Золото солнечного света выцвело, стало тусклым, серебряным. Воздух пошёл трещинами, как тонкое стекло. Я увидела, как расширились глаза Себастьяна. Он резко поднял руку, пытаясь перехватить поток.

Поздно.

Время рухнуло на меня ледяной волной.

Боль была такой, что я даже не смогла закричать. Меня будто выдрали из тела и бросили в чёрную яму, пахнущую озоном и старой бумагой. Последнее, что я почувствовала, — падение. Долгое, бесконечное.

— Марго! Ты опять спишь?! Вставай немедленно, карета будет через час!

Я подскочила так резко, что едва не ударилась лбом о полог кровати.

Сердце колотилось. Запястья всё ещё помнили холод кандалов. Я опустила взгляд на руки. Чистые. Никаких следов. Только тонкие пальцы, которые едва заметно дрожали.

Комната была знакомой до отвращения.

Розовые обои. Дурацкие рюши на занавесках. Запах ла-

ванды, от которого меня всегда мутило. Моя спальня в доме тётки.

День до отъезда в Академию Светлых.

— Жива... — хрипло выдохнула я.

Голос был тоньше, чем я помнила. Моложе. Слабее. Значит, всё правда.

Я вскочила, подбежала к зеркалу и застыла.

Оттуда на меня смотрела Марго Касс образца прошлого года: бледная, тёмноглазая, с копной каштановых волос и выражением лица, которое так любили называть кротким. Ещё не сломанная. Ещё не преданная принцем. Ещё не казнённая.

Но в глубине собственных зрачков я увидела другое.

Тьму.

Она не исчезла. Не осталась в прошлом. Она вернулась вместе со мной — и, кажется, стала только плотнее.

На тумбочке лежало приглашение в Академию, скреплённое золотой печатью со львом.

— О нет, — простонала я, падая обратно на подушки. — Опять эти тесты по этике Света. Опять овсянка на воде. За что мне это?

Я потерла лицо ладонями.

Путешествие во времени — это, конечно, редкий магический феномен. Но почему никто не предупреждает, что за него придётся снова проходить весь этот кошмарный учебный год?

В дверь постучали.

— Марго! Если ты не выйдешь через пять минут, я велю вылить на тебя ведро ледяной воды!

Голос тётушки Гертруды мог бы служить сигналом тревоги в магической крепости.

Я криво усмехнулась.

В прошлый раз я бы тут же пискнула: «Уже бегу!» — и судорожно натягивала чулки. В этот раз всё было иначе.

— Тётя Гертруда! — крикнула я в ответ. — Если вы выльете на меня воду, я велю своим теням связать из ваших любимых шалей морские узлы. Дайте мне одеться спокойно!

За дверью воцарилась тишина.

Даже слишком долгая.

Я почти слышала, как у тётки отвисает челюсть.

— В этот раз, господа Светлые, — прошептала я, глядя на герб Академии, — гореть будете вы.

Шкаф встретил меня лавиной кружев и накрахмаленного безумия.

Корсеты, юбки, туфли, созданные явно не для жизни, а для страдания. В прошлой жизни я тратила часы на то, чтобы вписаться в приличия семьи Касс. Сейчас на это не было ни желания, ни времени.

Я выдернула из вороха платье цвета испуганной нимфы и бросила его в угол.

— Нимфа сегодня не придёт. Сегодня приду я.

Я помнила этот день. Тётя Гертруда заставит меня надеть парадное платье с воротничком-стойкой, чтобы я выглядела «кроткой». В итоге воротничок натрёт шею, а корсет мешает дышать уже к первой проверке магического резерва.

Я достала дорожный костюм для верховой езды — тёмно-синий, плотный, удобный. С нормальными штанами под юбкой.

Дверь распахнулась без стука.

На пороге замерла Клара, моя горничная. Единственный человек в доме, который ещё не смотрел на меня как на проблему.

— Леди Марго? — её глаза округлились. — А... что это на вас? Вы же не собираетесь ехать в этом?

— Именно в этом, Клара. И подай мне сапоги на шнуровке. Те самые, которые тётя называет «обувью для конюхов».

— Но, леди... Там же будут магистры. Там будет сам...

— Сам принц Лионель? — я приподняла бровь, затягивая ремень на талии. — Поверь, Клара, он переживёт отсутствие моих кружев. А вот я отсутствие воздуха — вряд ли.

Клара суетилась, стараясь навести порядок, но я видела, как дрожат её руки. В прошлой жизни я была для неё тихой мышью, которую нужно опекать. Сегодня мышь, кажется, отрастила зубы.

— Леди Марго, вы... какая-то другая сегодня. Словно подменили.

— Просто я наконец-то выспалась.

Я улыбкунула и поймала в зеркале собственный взгляд. Он показался мне слишком спокойным. Почти опасным.

— Клара, хочешь фокус?

Я не должна была этого делать. Ограничители ещё не надеты, а магия времени внутри меня уже зудела, требуя выхода. Я щёлкнула пальцами, и крошечный сгусток Тьмы скользнул с ладони.

Тень под ногами Клары ожила, вытянулась и аккуратно подхватила упавшую шляпку.

Клара отшатнулась.

— Она... сама?..

— У неё просто хорошие манеры, — сказала я и забрала шляпку. — Привыкай. В Академии Светлых будет и не такое.

Я подхватила саквояж. Внутри тяжело лежал дневник — чистый, готовый для другой истории. Без казней. Без предательства. Без глупых жертв.

На лестнице уже гремел голос тёти Гертруды.

Я глубоко вдохнула запах озона, всё ещё витавший вокруг пальцев.

— Ну что ж, — пробормотала я. — Идём ломать стереотипы.

Глава 4. Овсянка и предрассудки

Академия Светлых не просто любила белый цвет - она возвела его в абсолют, граничащий с патологией. Коридоры женского общежития сияли так неистово, будто их каждое утро полировали слезами раскаявшихся грешников и закрепляли закланием вечной чистоты. Мои ботинки, пережившие пыльную дорогу и еще более грязное прощание с родственниками, оставляли на этом идеальном мраморе почти кошунственные следы. Каждый шаг отдавался гулким эхом, которое, казалось, шептало мне в спину: «Чужая. Грязная. Темная».

- Адептка Касс, ваша комната триста двенадцать. Ключ активируется кровью и благочестием. Надеюсь, у вас в наличии хотя бы первое, - бросила мне вслед секретарь, даже не потрудившись поднять взгляд от идеально разлинованного журнала.

Я сжала в ладони тяжелый серебряный ключ. Он обжигал кожу холодом, напоминая кусок льда, выточенный специально для того, чтобы вымораживать любые проявления жизни. Здесь, в Этернии, всё - от высоты потолков до формы дверных ручек - транслировало одну мысль: ты в обители совершенства, а значит, ты априори недостаточно хороша.

Я заставила себя выпрямить спину. Внутренний щелчок - и я снова Марго, «серая мышка» из обедневшего рода, кото-

рой несказанно повезло оказаться среди избранных. Я медленно втянула носом воздух, стараясь не морщиться от едкого запаха озона и сухих трав, который здесь заменял нормальные человеческие ароматы.

Дверь триста двенадцатой комнаты распахнулась с едва слышным мелодичным звоном. Она не просто открылась - она впустила меня в пространство, где даже тени казались подстриженными по линейке.

- О, еще одна жертва светлого режима, - раздался резкий, сухой голос со стороны окна.

На кровати, бесцеремонно закинув ноги в поношенные ботинках на спинку, сидела девушка. Рыжие волосы торчали в разные стороны, напоминая взрыв на алхимическом складе, а в руках она вертела яблоко, которое грызла с вызывающим, почти демонстративным хрустом.

- Тильда, - представилась она, не меняя позы. - Сразу предупреждаю: если планируешь по ночам молиться или рыдать по мамочке, лучше сразу переезжай в правое крыло к Элоизе. Там сейчас как раз групповой сеанс массового смирения и коллективной депиляции совести.

- Марго, - я с грохотом поставила тяжелый саквояж на свободную кровать, отчего облако дорожной пыли взметнулось вверх. - И я предпочитаю тратить ночи на планирование мести, а не на слезы. Но здесь, я смотрю, полы слишком чистые для нормальной ненависти.

Тильда замерла. Яблоко застыло у самого рта. Она мед-

ленно перевела взгляд с моих запыленных ботинок на мое лицо, и в её прищуренных глазах вспыхнул искренний, почти хищный интерес.

- А ты мне нравишься, Касс. Дерзкая «темная лошадка» в стаде белых овец. Но учти: Фырк тебя уже приговорил.

- Фырк? - я вскинула бровь, и в ту же секунду за спиной раздалось зловещее шипение.

Магический пылесос - гордость светлой инженерной мысли, напоминающий помесь золотого краба и распухшего самовара - сорвался с места. Его щетки завращались с бешеной скоростью, выбивая искры из мрамора. Он не просто убирал - он атаковал. Мой саквояж, полный вещей, которые пахли домом и запретной магией, стал для него красной тряпкой.

- Эй, железка, притормози! - я попыталась отодвинуть багаж, но пылесос воспринял это как объявление войны.

Он заложил крутой вираж и с разгона врезался мне в щиколотки. Металл больно впился в кость. Внутри меня мгновенно отозвалась магия - колючий, ядовитый холод потек по венам к кончикам пальцев. Мои «Слезы Справедливости» на запястье среагировали немедленно: браслет раскалился, впиваясь в кожу ледяным пламенем. Это была не просто боль, это было предупреждение: «Сдерживайся, или я тебя уничтожу».

Я стиснула зубы так, что челюсть свело судорогой. Воздух вокруг моих пальцев едва заметно подернулся дымкой, тени в углах комнаты удлинились, стремясь к моему защитни-

ку-саквояжу.

- Он ненавидит беспорядок, - меланхолично прокомментировала Тильда, продолжая жевать яблоко. - А еще он чувствует «неправильные» эманации. Магистр Валор лично калибровал этих монстров на поиск любой чужеродной магии. Ты для него сейчас - как пятно мазута на свадебном платье.

Валор. Это имя ударило под дых сильнее, чем металлический корпус пылесоса. Я представила его лицо: холодное, высеченное из прозрачного кварца, и эти глаза, которые в моей прошлой жизни смотрели на меня с балкона суда, не выражая ничего, кроме ледяного приговора.

- Ну уж нет, - прошептала я.

Я не стала бить магией. Вместо этого я резко наклонилась, перехватила беснующуюся машину за декоративную золоченую ручку и с силой припечатала её к полу. Пылесос забился в моих руках, выпуская струи горячего озонного пара, но я держала крепко. Браслет на запястье продолжал жечь, но я игнорировала его. Я смотрела прямо в оптический сенсор Фырка, вкладывая в этот взгляд всю ту ярость, которую копила в камере смертников.

- Еще раз коснешься меня, - тихо, так, чтобы слышал только он и Тильда, проговорила я, - и я разберу тебя на шестеренки голыми руками. И никакая светлая магия Валора тебя не соберет.

Агрегат издал жалобный писк, дернулся в последний раз и затих, мелко вибрируя под моей ладонью.

- Ого, - Тильда наконец соизволила спустить ноги на пол.
- А ты знаешь толк в дрессировке артефактов. Комендант за такое по головке не погладит - эти штуки стоят как небольшой замок.

- Я привыкла платить по счетам, - я отпустила пылесос, и тот, обиженно «фыркнув», отполз в самый дальний угол, продолжая подозрительно вращать щетками.

- Тогда начни оплату с этого, - Тильда указала на стол.
- Твой приветственный обед. Овсянка. Официальное блюдо «чистых душой». На вкус - как измельченный устав Академии, размоченный в святой воде.

Я посмотрела на тарелку. Серая, липкая масса выглядела так, будто её уже кто-то ел до меня. И, судя по запаху, этот кто-то тоже не был в восторге.

- Ешь, - Тильда сочувственно поморщилась. - Холодная она превращается в строительный раствор. Светлые верят, что пустой желудок способствует просветлению. Я же считаю, что он способствует исключительно желанию кого-нибудь придушить.

Я взяла ложку. Первый же кусок подтвердил мои худшие опасения. Это было... стерильно. В горле встал ком, а магия внутри протестующе взывала. Темная сила всегда требовала плотной, сытной пищи, ярких вкусов, жизни. Эта овсянка была самой сутью Этернии: правильная, полезная и абсолютно мертвая.

Внезапно реальность качнулась. Не физически - это было

то самое ощущение «временного резонанса», которое я научилась узнавать.

Дежавю.

Мир вокруг потерял четкость. Я увидела эту же комнату, но залитую кроваво-красным закатом. Тильда не грызла яблоко - она стояла у окна, закрыв лицо руками, а её плечи мелко дрожали. На моей кровати лежало нечто, накрытое белой простыней, сквозь которую медленно проступало черное пятно - след темного проклятия, которое не смог остановить ни один светлый лекарь. И я... я стояла рядом, бессильно сжимая кулаки, чувствуя, как время утекает сквозь пальцы.

Вспышка боли в висках заставила меня выронить ложку. Та с мелодичным звоном ударилась о край тарелки.

- Эй, Касс! Ты чего, позеленела вся? - голос Тильды выдернул меня из видения. - Овсянка настолько токсична?

Я тяжело дышала, чувствуя, как по спине стекает липкий холод. Цена перемен. Каждое видение, каждое напоминание о будущем, которое я пришла уничтожить, вытягивало из меня силы.

- Просто... голова закружилась, - я вытерла губы салфеткой, рука заметно дрожала. - Наверное, избыток Света после дороги.

- Привыкай, - хмыкнула соседка, но в её голосе впервые прорезалась тень сочувствия. - Тут от местной ауры у многих сначала искры из глаз сыплются. Пойдем, я покажу тебе,

где в этом храме чистоты можно достать нормальный чай. Если, конечно, твой новый фанат в углу позволит нам выйти.

Я посмотрела на Фырка. Тот замер, направив на меня свои датчики, словно записывая каждое мое движение для своего создателя.

- Позволит, - я поднялась, чувствуя, как внутри снова разгорается холодный огонь. - Или он станет первым в списке моих безвозвратных потерь.

Я вышла на балкон, чтобы глотнуть воздуха, и замерла. В корпусе напротив, за ажурной колоннадой, стояла высокая фигура. Себастьян Валор. Он не прятался - он стоял прямо, скрестив руки на груди, и смотрел точно в мои окна. Расстояние было приличным, но я готова была поклясться: он видел всё. И усмирение пылесоса, и мой минутный обморок, и ту тьму, что я так тщательно пыталась скрыть.

Он не просто наблюдал. Он ждал ошибки.

Я не отвела взгляд. Напротив, я оперлась на перила, позволяя ветру трепать мои волосы, и едва заметно улыбнулась.

Игра началась, Магистр. И на этот раз эшафот приготовлен не для меня.

Глава 5. Церемония Очищения

Утро в Академии Этерния наступило не с нежного пения птиц, а с резкого, дребезжащего звона колокола, который ввинчивался прямо в череп, словно раскаленное сверло. Светлые адепты верили, что дисциплина - это высшая добродетель, кратчайший путь к очищению духа. Я же, разлепив веки, в очередной раз убедилась: заставлять людей просыпаться в такую рань - верный способ пополнить ряды сторонников Тьмы.

- Подъём, Касс! - Тильда спрыгнула с кровати так бодро, будто всё лето только и делала, что тренировалась вставать по армейскому свистку. - Сегодня нас будут «мыть». И поверь моему опыту, это гораздо хуже, чем ледяной душ в подвалах инквизиции.

Я открыла глаза и тут же зажмурилась, прикрывая лицо ладонью. Солнце бесцеремонно заливало нашу комнату, отражаясь от белоснежных стен с такой яростной силой, что на мгновение я почувствовала себя внутри раскаленной стеклянной лампы. Внутренний щелчок - привычный, почти инстинктивный - и я выстроила первый контур ментальной защиты. Тьма внутри меня, густая и вязкая, как деготь, недовольно заворочалась. Она свернулась тугим, вибрирующим клубком в районе солнечного сплетения, глухо протестуя против этого торжества белизны. Ей не нравилось это место.

Ей не нравился этот день. И больше всего ей не нравился запах озона, пропитавший коридоры общежития.

- Церемония Очищения? - я поднялась, стараясь, чтобы мой голос звучал максимально буднично, без предательской хрипоты.

- Она самая, - Тильда с ожесточением натягивала форменную мантию, которая топорщилась на её костлявых плечах. - Магистры в красках расписывают, как этот светлый поток настраивает наши каналы на частоту мироздания. На деле же они просто сканируют нас, как подозрительные свертки на таможне. Ищут «плесень». Ну, ты понимаешь, о чем я.

Я понимала. В моей прошлой, бездарно растроченной жизни эта церемония была лишь утомительным формальным ритуалом. Тогда во мне не было ничего, кроме звенящей пустоты и рабского желания угодить Лионелю. Теперь же во мне бурлил целый океан запретной, колючей силы. Для меня нынешней этот ритуал превращался в танец на лезвии бритвы, где каждый неверный вдох мог стать последним.

Мы вышли во внутренний двор. В самом его центре, окруженная кольцом из двенадцати колонн белого нефрита, возвышалась Ротонда Очищения. Воздух вокруг неё не просто вибрировал - он гудел, словно потревоженный рой электрических ос. Это не был тот «плотный воздух», к которому привыкли поэты. Это была агрессивная, стерильная пустота, от которой ныли корни зубов и пересыхало в горле.

Адепты выстраивались в безупречные колонны. Я видела

Лионеля - он стоял в авангарде первого курса, сияя золотом волос и своей фирменной, слегка снисходительной осанкой. Рядом с ним, словно побитая моль, жалась Элоиза. Её бледное лицо выражало одновременно фанатичное благоговение и едва скрываемую тошноту от магического перенапряжения.

А на возвышении, прямо под шпилем Ротонды, замер Себастьян Валор. Его черная мантия - единственный темный штрих в этом море белизны - казалась провалом в пространстве. Он стоял, скрестив руки на груди, и его взгляд медленно, почти ощутимо физически, скользил по рядам первокурсников. Каждый, на ком останавливался этот холодный взор, невольно выпрямлялся, затаив дыхание.

Когда его глаза нашли меня, браслет «Слез Справедливости» на моем левом запястье ощутимо потяжелел. Металл за секунду стал ледяным, впиваясь в кожу морозными иглами. Это было предупреждение: мой внутренний хаос вошел в резонанс с его присутствием. Валор не отвел взгляд. Он смотрел на меня так, будто видел не адептку в серой робе, а опасную трещину на идеально отполированном стекле своего мира.

- Приступить к Очищению, - коротко бросил он, и его голос перекрыл гул магии.

Старшие магистры синхронно вскинули руки. Купол Ротонды над нашими головами вспыхнул ослепительно-белым, лишая мир теней. А затем сверху обрушился столб перво-

данного Света.

Это не напоминало тепло солнечных лучей. Это напоминало концентрированную щелочь, которая начала впитываться в мои поры, выжигая всё на своем пути. Светлые адепты вокруг меня начали издавать блаженные вздохи, закидывая головы и подставляя лица сиянию. Они впитывали «благодать». Я же чувствовала, как мои магические каналы начинают плавиться. Тьма внутри вздыбилась, готовая выплеснуться наружу и поглотить этот свет, чтобы просто прекратить боль.

«Сдерживай. Прячь. Имитируй пустоту», - я буквально вгрызлась в эту мысль.

Я заставила холод внутри коснуться кончиков пальцев. Мир вокруг мгновенно потерял остатки красок, став серым и плоским. Тени у моих ног, вопреки законам оптики, стали гуще и длиннее, послушно всасывая в себя излишки светлого потока, которые я пропускала сквозь свое тело. Это была смертельно опасная эквилибристика: я не сопротивлялась Свету, я позволяла ему «промывать» себя, приказывая своей сути на время стать прозрачной, невидимой, несуществующей.

Браслет на запястье начал мелко вибрировать. Я чувствовала, как под металлом вздувается кожа. Если артефакт сменит цвет с серебристого на алый - Магистры уничтожат меня на месте, даже не дожидаясь объяснений.

Внезапно реальность вокруг меня подернулась маревом,

словно от сильного зноя.

Временной след.

Я увидела ту же самую Ротонду, но в другом времени. Колонны повалены и обуглены, белые плиты залиты чем-то темным, подозрительно похожим на кровь. Небо затянуто пеплом, сквозь который не пробивается ни один луч. В центре этого разорения стою я - настоящая я. Мои руки по локоть объаты черным пламенем, которое не жжет, а ластится к коже. А передо мной, на коленях, замер Лионель. Он что-то кричит, его лицо искажено ужасом и ненавистью, но я не слышу ни звука. Его рука тянется к обломку меча, но я вижу его движение за секунду до того, как он его совершает.

Вспышка острой боли в висках была такой силы, что я пошатнулась. Это была цена за право видеть «тени» прошлого-будущего. Каждое мое действие в этой петле, каждое слово, меняющее предначертанное, вырывало кусок из моего резерва.

- Адептка Касс? - ледяной голос Валора прозвучал прямо над моим ухом, заставляя видение рассыпаться в прах.

Свет исчез так же внезапно, как и появился. Церемония была окончена. Я обнаружила себя стоящей на коленях на гладком мраморе. Сердце колотилось в ребра, как пойманная птица, а по спине стекал холодный пот. Мои магические каналы гудели, словно высоковольтные провода под дождем.

Себастьян Валор стоял в двух шагах от меня. Он не пытался помочь мне подняться. Он просто наблюдал. В его гла-

зах отражалось подозрение, отточенное до остроты хирургического скальпеля.

- Вам нехорошо? - спросил он. В его тоне не было ни капли сочувствия, только холодный, препарирующий анализ.

- Слишком много... благодати... на один квадратный метр, Магистр, - я с трудом выдавила из себя подобие улыбки, пряча левую руку в складках широкого рукава мантии. Браслет медленно остывал, но я кожей чувствовала, что на месте контакта остался багровый ожог. - Видимо, мой организм еще не адаптировался к такой концентрации чистоты.

- Чистота либо есть в самой сути человека, либо её там нет, Марго, - он произнес мое имя медленно, словно пробуя на вкус старое, терпкое вино. - Третьего состояния не существует, как бы вы ни пытались его изобразить. И я настоятельно советую вам быть осмотрительнее. Некоторые... чужеродные структуры... крайне плохо переносят прямой контакт со Светом. Они имеют свойство разрушаться. Или взрываться.

Он развернулся на каблуках и направился к выходу из Ротонды, чеканя шаг. Его мантия взметнулась, как крыло огромной ночной птицы.

- Ну ты и даешь, подруга, - Тильда возникла рядом, бесцеремонно хватая меня за плечо и помогая встать. - Ты в какой-то момент вообще побледнела так, будто из тебя всю кровь выкачали. А Валор... он теперь от тебя не отвяжется. Ты видела, как он на тебя смотрел? Будто ты редкий экзем-

пляр ядовитой козявки под микроскопом.

- Главное, чтобы он не решил раздавить этот экземпляр прямо сейчас, - я посмотрела в широкую спину уходящего Магистра.

Моя рука под тканью всё еще пульсировала болью. Я знала: это было лишь первое официальное предупреждение. Академия начала свою охоту, и Ротонда была всего лишь пристрелочным залпом. Валор что-то зацепил - тот секундный «всплеск» временного резонанса, который я не сумела подавить в момент видения.

Я перевела взгляд на Лионеля. Он уже всю обаял группу первокурсниц, что-то весело рассказывая и картинно поправляя плащ. Он ни разу не оглянулся в мою сторону. Моя «роковая ошибка», мой личный палач даже не догадывался, что его жизнь теперь висит на волоске, который удерживает та самая «козявка», которую он в ином будущем хладнокровно отправил на плаху.

Я сжала кулаки, чувствуя, как Тьма внутри довольно, покошачьи урчит, слизывая остатки светлой боли. Первый раунд остался за мной, но праздновать победу было рано. Видение разрушенной Ротонды было слишком детальным, слишком реальным. Оно не было прошлым. Оно было предупреждением о том, что случится, если я проиграю.

- Идем, Марго, хватит дырывать спину куратора взглядом, - Тильда потянула меня за рукав к дверям столовой. - Нам еще нужно пережить завтрак. Говорят, сегодня овсянка осо-

бенно «светлая» - повар добавил в неё щепотку святого благословения. Главное, чтобы нас от неё не вывернуло прямо на стол Лионеля.

Я усмехнулась, чувствуя, как к горлу подкатывает горькая волна иронии. Благословение или проклятие - в стенах Этернии грань между ними была тоньше паутины.

Я сделала первый шаг по ослепительному мрамору, стараясь не хромать. Но внезапно я замерла. На белой колонне, прямо на уровне моих глаз, из ниоткуда проступило мокрое темное пятно, напоминающее отпечаток ладони. Я моргнула - и оно исчезло.

Время начало свой обратный отсчет, и теперь оно не просто шло. Оно дышало мне в затылок холодным запахом тлена.

Я обернулась к Ротонде. Себастьян Валор стоял в дверях и смотрел прямо на меня. Он не ушел. Он ждал этой моей реакции. В его руке я заметила небольшой кристалл, который пульсировал тем же синим светом, что и мой ожог под браслетом.

Ловушка захлопнулась. Он знал, что я видела тень. И теперь он собирался заставить меня заговорить.

Глава 6. Тень куратора

Ноги слушались плохо. После столба Света, который в Ротонде казался не благословением, а попыткой содрать с меня кожу заживо, каждый шаг по мрамору отдавался в висках дребезжащим звоном. Я наблюдала, как другие адепты покидают зал. Их лица светились почти глупым восторгом, словно им только что залили в черепные коробки теплый мед. Они переговаривались, смеялись, и этот смех казался мне набором мелких стекол, впивающихся в уши.

Тильда семеняла рядом, подозрительно бодрая для человека, которого только что прополоскали магической радиацией. Она то и дело поправляла воротничок своей безупречно выглаженной формы, и это движение - ритмичное, правильное - раздражало меня сильнее, чем гул в голове.

- Марго, ты бледная, как несвежий зефир, - прошептала она, железной хваткой вцепившись в мой локоть. - Давай отведу тебя в лазарет? Там дают настойку на солнечных искрах, она отлично восстанавливает баланс.

- Мне нужно лишь одно: чтобы этот мир перестал сиять так, будто у него лихорадка, - я огрызнулась, отворачиваясь от солнечных зайчиков, которые яростно плясали на позо-

лоченных карнизах.

Мой браслет «Слез Справедливости» больше не жег запястье, но налился невыносимой тяжестью. Он словно впитывал остаточную радиацию зала, превращаясь в свинцовую гирию. Скверный знак. Тьма внутри меня не растворилась после «очищения» - она просто спряталась глубже, затаилась в костях, сжавшись в колючий, злой комок. Она ждала. Она требовала выхода. Я чувствовала, как под кожей пульсирует черный холод, вступая в конфликт с липким, навязчивым теплом Академии.

- Адептка Касс, задержитесь.

Голос Себастьяна Валора разрезал гул толпы, как холодный скальпель. Поток студентов мгновенно обтек нас, оставив в образовавшемся вакууме. Вдоль позвоночника потянуло могильным холодом - тем самым, что сковал меня на плахе, когда он зачитывал приговор. В этой жизни он еще не стал моим палачом. Пока он лишь мой куратор. Но его взгляд не изменился: он смотрел не на девушку, а на досадную системную ошибку, которую нужно либо исправить, либо удалить.

Я медленно обернулась. Мышцы лица застыли в маске вежливой покорности.

- Слушаю вас, магистр Валор.

Он замер у высокой колонны, заложив руки за спину. Черный мундир куратора выглядел зияющим провалом в ничто на фоне ослепительно белых стен. Правила строго велели Светлым носить светлое, но Валор плевал на правила. Его личный Свет был настолько концентрированным, что не нуждался в цветовых подтверждениях. Он сам был источником радиации, от которой моя Тьма сворачивалась в узлы.

- Ваша реакция на Церемонию была... специфической, - он сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию до опасного предела. - Обычно адепты испытывают подъем сил. Вы же выглядите так, будто вас пытали на дыбе. У вас расширены зрачки, а пульсация на шее говорит о запредельном уровне стресса.

Я заставила себя дышать ровнее.

- У меня слишком чувствительная кожа, магистр, - я позволила себе тень ироничной улыбки. - Избыток святости вызывает у меня зуд. К тому же, ваши «Слезы Справедливости» сегодня необычайно капризны. Видимо, артефакт сбоят, принимая мою усталость за что-то иное.

Валор не принял иронию. Его серые, прозрачные глаза сузились.

- Артефакты не сбоят, адептка. Сбоят люди. Подойдите ближе.

Я подчинилась. С каждым моим шагом браслет на запястье вибрировал всё яростнее. Валор медленно поднял руку. Я едва не отшатнулась, ожидая удара или заклинания, но он просто коснулся пальцами поверхности «Слез». Его кожа была холодной, как лед в склепе. Контакт вызвал мгновенную вспышку: внутри меня Тьма взвилась раненой коброй. Браслет на мгновение потемнел, став цвета грозового неба.

- Интересно, - почти прошептал он, не убирая руки. - Металл реагирует на вас слишком остро. Словно пытается что-то удержать внутри, но не справляется. Вы ведь помните историю своего рода, Марго? Кассы всегда отличались... нестабильностью. Ваш дед закончил свои дни в кандалах из подавляющего камня.

- Мой дед был болен, магистр. А я - просто не выпалась. - Мы все имеем свои недостатки, магистр. Даже у самого чистого мрамора бывают трещины. Просто некоторые умеют их лакировать, а некоторые выставляют напоказ. Вы ведь тоже не носите белое, не так ли? Это ваш способ спрятать тре-

щину?

Валор на мгновение замер. Моя дерзость была для него чем-то новым - в прошлой петле я была лишь дрожащей тенью, умоляющей о пощаде. Теперь же я стояла перед ним с прямой спиной, чувствуя, как внутри закипает ядовитая гордость.

- Вы дерзки, адептка. Это редкое и опасное качество для первокурсницы вашего уровня, - он убрал руку, и браслет тут же перестал пульсировать, хотя кожа под ним горела. - Лионель Галлант упомянул, что вы отказались от его покровительства. Глупый поступок для той, чья репутация висит на волоске. Принц мог бы стать вашим щитом.

- Принц Лионель слишком переоценивает свои способности защищать, - ядовито бросила я. - Я предпочитаю стоять на собственных ногах, даже если они дрожат от вашей хвальной магии Света. К тому же, покровительство Лионеля всегда имеет слишком высокую цену. Я не торгую собой.

- А чем вы торгуете, Марго Касс? - он склонил голову набок, и прядь темных волос упала ему на лоб. - Ложью? Или тайнами, которые вы привезли с собой из дома?

- Я привезла только свои учебники и желание закончить

эту Академию живой.

- Живой - это правильный приоритет. Многие здесь об этом забывают, - он вдруг выпрямился, и его аура Света стала почти физически ощутимой, вытесняя воздух из моих легких. - Я буду присматривать за вами. Лично. Академия Этерния не терпит теней в своих углах. Если внутри вас скрыто нечто, что резонирует с Первородным Светом так... мучительно, я выжгу это вместе с носителем. Это не угроза. Это должностная инструкция.

- Постарайтесь не обжечься сами, магистр. Говорят, Тьма иногда бывает заразной, а высокие посты не дают иммунитета к правде.

Я сделала безупречный реверанс. Точный расчет глубины: ровно столько, чтобы соблюсти этикет, но достаточно мало, чтобы это выглядело как плевок в лицо. Повернувшись на каблучках, я зашагала прочь. Спина буквально горела под его взглядом. Я кожей чувствовала, как он смотрит мне вслед, анализируя мою походку, мой разворот плеч, ритм моих шагов.

Этерния гудела. Адепты спешили на первые лекции, а я чувствовала себя призраком на чужом празднике. Магия «временного следа» выпивала силы, требуя оплаты за каж-

дое измененное слово. Я знала: в прошлый раз этого разговора не было. В прошлый раз я склонила голову и пролепетала извинения. Сегодня я изменила узор судьбы, и цена уже начала капать из моего резерва, отдаваясь тупой болью в коленях.

Я остановилась у той самой колонны, где в моем недавнем видении проступило темное пятно. Сейчас мрамор был чист. До тошноты, до звона в ушах идеален. Я коснулась его пальцами - холодный, мертвый камень, не знающий ни жалости, ни сомнений.

- Ты видишь это? - ко мне подошла Тильда, заглядывая через плечо. - Ты так на неё смотришь, будто там дыра.

- Там будет дыра, Тильда. Огромная, черная дыра, которая поглотит этот замок вместе с его кураторами, - тихо ответила я, не оборачиваясь.

Я знала, что Валор всё еще смотрит. Знала, что мой путь в Этернии превратился в прогулку по тонкой нити над бездной. Но страха больше не было. Было только ледяное предвкушение.

- Идем, - я сорвалась с места, почти переходя на бег. - У нас первая лекция по теории Света. Пора узнать, как именно

они собираются меня сжигать.

Я не просто пришла сюда учиться. Я пришла сюда выжить, и если для этого мне придется превратить этот храм чистоты в пепелище - я это сделаю. Валор ищет во мне дефект? Что ж, я покажу ему, на что способна сломанная деталь, которая отказалась подчиняться механизму.

Игра окончена, магистр. Началась война, о которой вы даже не подозреваете.

Глава 7. Завтрак с «принцем»

Столовая Академии Этерния больше напоминала операционную палату, чем место для приема пищи. Белоснежные скатерти хрустели так вызывающе, будто их накрахмалили самой гордыней. Серебряные приборы отражали каждый блик магических светильников, бьющих по глазам безжалостной чистотой. Здесь всё - от высоты потолков до формы тарелок - было создано для того, чтобы подчеркнуть: ты в храме Света, и если твоя душа не сверкает так же ярко, как этот кафель, тебе здесь не рады.

- Если я увижу здесь еще хоть одну белую вещь, я начну рисовать на стенах углем, - пробормотала я, с трудом опускаясь на жесткий стул.

Ноги всё еще подрагивали. Встреча с Валором у колонны в коридоре выпила меня досуха. Магия «временного следа» - капризная и жадная дрянь. Она не просто открывает мне окна в будущее, она требует оплаты натурой. Каждый раз, когда я решаюсь хотя бы на миллиметр сдвинуть пласты реальности, мои собственные силы утекают, словно вода в песок.

- Ешь, Марго. Овсянка сегодня пахнет почти как еда, а не

как клейстер для обоев, - Тильда уже всю орудовала ложкой.

Она умудрялась болтать и одновременно коситься на стол старшекурсников, где восседала элита Академии.

- Говорят, сегодня десерт выдают только тем, у кого после Очищения нимб не потускнел, - Тильда понизила голос до заговорщицкого шепота. - Нам с тобой, видимо, светит только стакан святой воды и порция презрения.

Я заглянула в свою тарелку. Жидкая субстанция сероватого цвета подозрительно пузырилась. В моей «прошлой» жизни, в той петле, которую я так отчаянно пыталась разорвать, я бы покорно съела это месиво. Я бы улыбалась, старалась быть тише воды и ниже травы, лишь бы не вызвать гнева сительных лордов. Но та Марго умерла на плахе под улюлюканье толпы.

- Эта овсянка так чиста, что в ней, кажется, утопилась соевая местная повариха, - я решительно отодвинула от себя тарелку. - Или его здравый смысл.

- Здесь свободно, Касс? - над ухом раздался голос, от которого у меня между лопатками прошел ледяной разряд.

Лионель. Мой личный палач в сияющих доспехах.

Он стоял у нашего стола, удерживая поднос с издевательским изяществом. На его тарелке красовался золотистый омлет с травами и пара спелых яблок. Лионель сиял. Его улыбка была выверена до миллиметра: ровно столько тепла, чтобы влюбить в себя наивную первокурсницу, и ровно столько снисходительности, чтобы напомнить ей о её никчемности.

Лионель не ждал ответа и опустился на стул напротив, обдав меня ароматом сандала и дорогого парфюма. В прошлой петле я бы покраснела до корней волос и едва не подавилась воздухом. Тогда его внимание казалось мне высшим благословением. Теперь же я видела каждую трещинку в его маске. Видела, как он аккуратно поправляет манжеты, чтобы не дай бог не коснуться нашего «грязного» стола.

- Ты выглядишь бледной, Марго, - произнес он, и в его голосе зазвучала та самая «фальшивая скорбь», которую я так хорошо запомнила по камере смертников. - Церемония Очищения была тяжелой? Я видел, как ты пошатнулась. Магистр Валор бывает излишне строг к тем, чей внутренний свет... нестабилен.

Я медленно подняла взгляд. Браслет «Слез Справедливости» на моем запястье ощутимо потеплел. Тьма внутри ме-

ня, моя истинная суть, встрепенулась, узнав старого врага. Артефакт начал покусывать кожу мелкими иглами холода, предупреждая: не смей, сдерживайся.

- Мой свет в полном порядке, Лео, - я оперлась подбородком на ладонь. - Просто у меня аллергия. На избыток патоки в воздухе и на людей, которые путают завтрак с проповедью.

Тильда рядом со мной подавилась кашей. За соседними столами воцарилась тишина. Лионель, будущий наследник светлого рода, не привык, чтобы ему хамили. Его идеальное лицо на мгновение дернулось, обнажив искру истинного, неприкрытого раздражения.

- Я лишь хотел предложить помощь, - его голос стал тише, приобретая те вкрадчивые нотки, которыми он заманивал меня в ловушку в прошлый раз. - Академия - опасное место для девушки с твоей фамилией. У меня есть влияние. Я мог бы поговорить с кураторами. Твои учебные нагрузки стали бы... менее травматичными.

«Поговорить». «Договориться». Как же это знакомо. В прошлой реальности за это «договориться» я заплатила всем: своей магией, своей свободой и, в конечном счете, жизнью.

- О, неужели? - я изобразила крайнюю степень восторга, хотя браслет уже просто жег руку. - И какая же цена у твоего великодушия? Мне нужно будет каждое утро поливать твои сапоги святой водой или достаточно просто падать ниц, когда ты соизволишь пройти мимо?

Лионель сжал вилку. Его магия Света, обычно мягкая и обволакивающая, сейчас хлестнула в мою сторону коротким, острым импульсом. Он пытался подавить меня, заставить подчиниться на инстинктивном уровне.

- Ты ведешь себя глупо, Марго, - отрезал он. - Я единственный здесь, кто готов закрыть глаза на твою тьму.

- Тогда закрой их поплотнее, Лео, - я вернула ему его же холодную улыбку. - А еще лучше - развернись и иди тренировать свою святость за другой стол. Твой омлет начинает пахнуть лицемерием, а у меня очень чуткий нюх.

Лионель поднялся так резко, что нож звякнул о тарелку. В столовой стало по-настоящему тихо. Я чувствовала на себе десятки взглядов, но один из них был тяжелее прочих. Он давил на затылок, заставляя волосы на шее встать дыбом.

Я не оборачивалась, но знала: на балконе второго этажа, в тени колонн, стоит Себастьян Валор. Магистр-куратор, ко-

торый видел меня насквозь. Для него я была аномалией. Серая мышка из рода Касс, которая в прошлой петле заикалась в его присутствии, сегодня публично вытирала ноги о достоинство «золотого мальчика» академии.

- Ты пожалеешь об этом, - тихо, одними губами произнес Лионель.

Его маска благородства окончательно сползла. Теперь передо мной стоял не принц, а хищник, которому только что наступили на хвост.

- Свет не прощает тех, кто отвергает его руку, - бросил он напоследок и зашагал прочь.

- Свет просто не любит, когда его путают с дешевой позолотой, - прошептала я ему в спину, хотя он уже не слышал.

В ту же секунду мир вокруг меня качнулся.

Перед глазами поплыли серые тени. Я увидела эту же столовую, но залитую не солнечным светом, а багровым заревом пожара. На одной из белых скатертей - темное, почти черное пятно. Перевернутый золотой кубок. И Лионель. Он стоял над чьим-то телом, и в его руке был кинжал с черным лезвием. Оружие, которое ни один Светлый не должен даже

держат в руках.

Вспышка боли в висках была такой силы, что я зажмурилась, едва сдерживая крик. Когда я открыла глаза, всё вернулось на свои места: гомон студентов, звон посуды и испуганное лицо Тильды.

Цена за изменение истории снова капнула из моего резерва. Я знала: мой публичный отказ Лионелю запустил цепную реакцию. Я только что вырвала кусок из его сценария триумфа. Теперь он будет действовать иначе. Грубее. Быстрее. Опаснее.

- Марго? У тебя кровь! - Тильда дрожащей рукой указала на мое лицо.

Я коснулась пальцами верхней губы. На подушечках осталась алая капля.

- Всё в порядке, - я заставила себя улыбнуться, хотя внутри всё дрожало от слабости. - Просто поняла, что завтрак закончился. Идем, у нас Теория Света. Пора узнать, как именно они собираются нас «исправлять».

Я поднялась, вцепившись пальцами в край стола, чтобы не рухнуть. Прямая спина, ровный шаг. Это была моя первая

победа, и она стоила мне половины резерва.

Проходя мимо лестницы, я всё же подняла голову. Валор по-прежнему стоял на балконе. Его взгляд встретился с моим - холодный, лишенный эмоций, пронизывающий до самых костей. Он не просто смотрел. Он изучал новую угрозу.

Я не отвела глаз. Пусть смотрит. Пусть видит, как его идеальный мир начинает трещать по швам.

«Смотри внимательнее, магистр», - подумала я, вытирая кровь тыльной стороной ладони. - «В этот раз я не буду ждать твоего приговора. В этот раз я сама стану твоей судьбой».

Глава 8. Лабиринт стеллажей

Мрамор коридоров Этернии слепил. После стычки в столовой каждый шаг давался мне так, словно я продиралась сквозь слой невидимого киселя. Магия времени - это не дар, это ростовщический кредит под чудовищные проценты. Я только что переписала сценарий триумфа Лионеля, и реальность уже предъявила счет.

- Марго, притормози! - Тильда едва поспевала за мной, смешно размахивая широкими рукавами мантии. - До Теории Света десять минут. Мы идем не туда!

Я не обернулась. Хрип в собственном горле раздражал, а темные мушки перед глазами мешали сфокусироваться на цели. Мне не нужны были лекции о «сиянии добродетели». Мне нужны были ответы, которые в этой Академии предпочитали держать под замком. В прошлой жизни я была слишком занята ролью послушной тени при «светлом принце». В этой - я намерена взломать систему.

Двери библиотеки встретили нас безмолвным высокомерием. Массивный дуб, инкрустированный кристаллами-сканерами. Едва я коснулась ручки, браслет на моем запястье предупреждающе завибрировал. «Слезы Справедливости»

почуяли Тьму, всколыхнувшись в ответ на стерильный порядок этого места. Кожу обожгло холодом.

- Веди себя прилично, умоляю, - прошептала Тильда, втягивая голову в плечи под ледяным взглядом дежурного магистра.

Внутри библиотека напоминала бесконечный лес из стеллажей. Полки уходили в такую высь, что верхушки тонули в магическом тумане. Книги здесь жили своей, пугающей жизнью. Старый фолиант в потертом переплете лениво перелистывал собственные страницы, греясь в луче искусственного солнца, падающего из зенитного окна.

- Нам нужен отдел Хроноса, - я уверенно свернула вглубь лабиринта.

- Туда нельзя первокурсникам, Марго! - Тильда вцепилась в мой локоть. - Это закрытая секция. Полки там... они с характером.

Я знала. Светлые маги обожали структуру, поэтому всё, что касалось хаоса времени, было задвинуто в самый дальний, пыльный угол. Для них время - священная константа. Для меня - пластилин.

Мы углублялись в лабиринт. Воздух здесь стал тяжелым, застоявшимся, с отчетливым привкусом старой бумаги и сухой плесени. Стеллажи сдвигались, образуя узкие, душные проходы. Вместо студентов здесь порхали маленькие брошюры-летучки, перебирая страницами-крыльями.

- Вот оно. - Я остановилась перед секцией из черного дерева. Табличка гласила: «Временные аномалии и риски вмешательства».

Едва я сделала шаг, дерево под моими ногами заскрипело. Стеллаж внезапно напрягся. Его углы заострились, превращаясь в подобие оскаленной пасти.

- Смотри, они следят за нами, - прошептала Тильда.

Я протянула руку к корешку с названием «Механика петли и цена возврата». Дерево щелкнуло. Полка резко дернулась, пытаясь прищемить мне пальцы. Я едва успела отдернуть кисть.

- Даже знания здесь заражены вашим высокомерием, - язвительно бросила я в пустоту стеллажей. - Бойтесь, что кто-то узнает, как ваша «справедливость» латает дыры в истории?

В ответ на мой голос тяжелый фолиант в медном окладе сорвался с верхней полки. Я отпрянула. Книга с грохотом ударилась о пол и тут же бросилась наутек, смешно перебирая закладками, словно ножками насекомого.

- Лови её! - крикнула я, но Тильда лишь сильнее вжалась в противоположный шкаф. Тот начал медленно сдвигаться, зажимая её в тиски.

- Марго, вытащи меня!

Я рванула подругу на себя. Браслет на моем запястье вспыхнул багровым. Гнев, нетерпение, страх - «Слезы Справедливости» жадно впитывали мои эмоции, превращая их в физическую боль. Если не успокоюсь, браслет выжжет клеймо на коже, и Валор получит неопровержимое доказательство моей «нестабильности».

Глубокий вдох. Холод. Я представила, как внутри меня вырастает ледяная стена. Чувства - под замок. Пульс замедлился.

- Мне нужна только информация, - негромко произнесла я, глядя в темноту между полками.

Стеллажи замерли. Шипы медленно втянулись в дерево.

Библиотека пробовала мою ауру на вкус. Сейчас я была для неё лишь очередной жадной до знаний адепткой, а не темной ведьмой, взламывающей реальность.

Я снова потянулась к полке. Медленно. Плавно. На этот раз дерево не шелохнулось. Пальцы сомкнулись на холодном корешке: «Временной след: хроника резонансов».

- Нашла.

Книга пульсировала в руках, словно в ней билось живое сердце. Я быстро пролистывала страницы, игнорируя предупреждения о проклятиях. Вот оно. Глава о физическом истощении.

«Любое осознанное изменение предначертанного события создает временной резонанс. Цена правки прямо пропорциональна значимости узла. Для носителя дара это оборачивается разрывом капилляров, головокружением и выгоранием резерва».

Значит, кровь на моем лице в столовой - это только начало. Если я продолжу вырывать куски из сценария Лионеля, мир просто сотрет меня в порошок.

- Кто здесь? Выходить! - Резкий голос старшекурсника-де-

журного разрезал тишину.

Мы с Тильдой замерли. Студент в синей мантии с нашивкой «Страж Порядка» уже сворачивал в наш проход. Лицо - застывшая маска строгости.

- Изучаем дополнительные материалы, - я быстро спрятала книгу под мантию, прислонившись к полке спиной. - Теория Света показалась нам слишком поверхностной.

- Этот отдел закрыт для новичков, - он подошел вплотную. Взгляд парня зацепился за мою мертвенную бледность. - Ты выглядишь так, будто практиковала запрещенные дисциплины, адептка Касс.

- Это от избытка учебного рвения, - я выдавила самую невинную из своих улыбок. - Мы уже уходим. Тильда, идем.

- Руки покажи, - приказал «страж». - Я видел, как ты что-то прятала.

- Тебе показалось.

Я сделала шаг назад. В этот момент полка за моей спиной неожиданно расширилась. Другой том, в тяжелом металлическом переплете, вылетел из ниши и с размаху ударил сту-

дента по вытянутой руке.

- Проклятье! - Он отскочил, прижимая ушибленную кисть к груди.

- Кажется, сама Этерния против того, чтобы ты мешал нам учиться, - я подмигнула Тильде, и мы рванули к выходу.

Книга под мантией обжигала бедро. Это была мелкая, ворованная победа. Валору наверняка доложат о моем визите, но сейчас у меня был ключ.

Мы влетели в аудиторию за секунду до того, как дверь заблокировалась магией. Огромный амфитеатр сиял белизной. Сотни студентов в светлых одеждах. В центре - преподаватель с лицом, похожим на сушеный плод.

Я рухнула на свободное место в последнем ряду. Дыхание сбилось, книга казалась слитком свинца.

- Фундаментальный закон Этернии прост, - скрипучий голос магистра разнесся под сводами. - Свет не терпит искажений. Любая тень, любая попытка изменить порядок вещей карается самим мирозданием.

Я почувствовала на себе взгляд. Медленно повернула го-

лову. Лионель сидел через три ряда и смотрел на меня. В его глазах больше не было фальшивой нежности - только холодный, расчетливый интерес хищника, заметившего странность в поведении жертвы.

Но не он заставил мой браслет впиться в запястье.

В тени верхнего дверного проема неподвижной статуей застыл Себастьян Валор. Он не слушал лекцию. Он препарировал меня взглядом, в котором не осталось места для сомнений. Куратор знал, что я принесла из библиотеки.

И он уже решал, как именно меня уничтожить.

Глава 9. Резонанс

Лионель не привык, чтобы куклы обрывали нити. Он был в трех рядах от меня, и я кожей чувствовала, как он лихорадочно соображает, какой узел затянуть следующим. В его взгляде больше не было патоки - только холодный расчет хищника, обнаружившего, что еда начала огрызаться.

Я старалась не дышать. Книга, засунутая под мантию не просто лежала в складках ткани. Она пульсировала. Живое, скверное сердце старого фолианта билось в унисон с моим рваным пульсом, и эта вибрация казалась мне оглушительной.

- Свет не прощает сомнений, адептка Касс.

Голос магистра хлестнул по ушам, как плеть. Я вскинула голову, с трудом фокусируясь на фигуре в центре амфитеатра. Старик замер у кафедры, сложив сухие, похожие на птичьи лапы ладони. Его аура сияла нестерпимым, стерильным белым светом. От этого сияния слезились глаза. Слишком правильно. Слишком ярко. До тошноты.

- Вы, кажется, поглощены собственными мыслями больше, чем фундаментальными законами мироздания, - продол-

жал он. Сотни голов синхронно повернулись ко мне. Тильда рядом сжалась, пытаясь слиться с деревянной скамьей.

Я медленно выпрямилась. Браслет «Слез Справедливости» на запястье отозвался мгновенно - металл стал ледяным, предупреждая, что мой гнев выходит за рамки допустимого для «добродетельной светлой».

- Простите, магистр, - я выдавила ту дозу смирения, которую оттачивала годами перед эшафотом. - Я размышляла над вашим тезисом о том, что тень - это лишь отсутствие старания. Это... глубокая мысль.

По рядам пролетел смешок. Лионель прищурился, мгновенно распознав яд в моем тоне. Но магистр лишь удовлетворенно кивнул. Светлые поразительно слепы к подтекстам, если подтекст упакован в вежливый поклон.

Лекция превратилась в пытку. Каждая минута стоила мне колоссальных усилий. Магия «временного следа», которой я так неосмотрительно воспользовалась утром в столовой, теперь требовала оплаты. Резерв был пуст, тело ныло, а книга под мантией продолжала свою тяжелую, тягучую пульсацию. Как только гонг прорезал тишину, я вскочила, не дожидаясь, пока Тильда соберет свои перья.

- Мне нужно... отойти. Встретимся на обеде! - бросила я и нырнула в толпу, не оборачиваясь.

Мне не нужен был обед. Мне нужно было место, где нет этого вездесущего, выжигающего глаза сияния Этернии.

Я скользнула в боковой коридор, ведущий к старым архивам. Здесь свет был другим - естественным, пыльным, он пробивался сквозь узкие окна-бойницы скудными серыми полосами. Спустившись на два пролета вниз, я нашла идеальную нишу за массивной статуей святого мученика. Каменное лицо изваяния выражало такую степень самоотречения, что на его фоне я чувствовала себя почти святой.

Я вытащила книгу. Тяжелый переплет из темного дерева, который в библиотеке пытался переломать мне пальцы, теперь притих. На обложке проступили буквы, выведенные на старовлажском.

«Резонанс Истины: Цена вторых шансов».

Пальцы дрожали. Я искала не заклинания. Мне нужен был диагноз.

«Любое осознанное вмешательство в полотно свершившегося создает каверну. Маг, инициировавший петлю, ста-

новится живым якорем. Чем больше отклонение от первоначального узора, тем быстрее истончается суть носителя. Симптомы: физическое истощение, разрыв сосудов, неконтролируемые всплески стихии...»

- Значит, каверна, - прошептала я, касаясь сухой страницы. - Я буквально выжигаю себя изнутри только ради того, чтобы Лионель не получил свой завтрак вовремя. Дорогая цена за минутное удовольствие.

- Чтение в полумраке портит зрение, адептка. Особенно, если книга не из списка рекомендованной литературы.

Я не вскрикнула. В прошлой жизни я разучилась издавать лишние звуки. Медленно, заставляя мышцы подчиняться, я закрыла фолиант и подняла взгляд.

В трех шагах от меня, прислонившись к холодному камню стены, стоял Себастьян Валор.

Он не должен был быть здесь. Кураторы такого ранга не бродят по заброшенным архивам в полдень. Но он стоял - безупречный, в своем темно-синем камзоле, и смотрел на меня так, будто видел сквозь мантию, сквозь кожу, прямо в мою черную, изломанную душу.

- Магистр Валор, - я прижала книгу к груди. Маска испуганной первокурсницы налезла на лицо с трудом. - Вы меня напугали.

- Ложь, - он оттолкнулся от стены и сделал шаг ко мне.
- Судя по вашему пульсу, вы скорее разгневаны. Или, возможно, дело в этом предмете, который вы так неистово защищаете?

Он протянул руку ладонью вверх. Властный жест. Не просьба - приказ.

- Это просто... старый атлас, - мой голос прозвучал жалко.
- Нашла в коридоре. Хотела вернуть.

- В коридоре архива, куда первокурсникам вход заказан?
- Себастьян сократил дистанцию.

Теперь я чувствовала исходящую от него прохладу. Его Свет не обжигал. Он был глубоким, спокойным и бесконечно опасным, как ледник.

- Отдайте книгу, Марго.

Я сильнее сжала пальцы на деревянном переплете. Если он откроет её - мне конец. Там само доказательство того, что

я - ошибка в системе.

- А если нет? - я вскинула подбородок.

В глазах Валора что-то изменилось. Это не был гнев магистра. Это было ледяное, острое любопытство мужчины, встретившего достойного врага. Или добычу.

- Если нет, мне придется применить протокол досмотра, - тихо произнес он, склоняясь ко мне. Между нашими лицами осталось всего несколько дюймов. Я видела серебристые искры в его зрачках. - И поверьте, процедура принудительного извлечения артефакта вам не понравится.

- Угрожаете, магистр? - я почувствовала, как тьма внутри меня радостно оскалилась, предвкушая схватку.

- Предупреждаю. В Этернии всё должно быть на своих местах. Тьма - в казематах, Свет - в умах, а ворованные книги — на своих местах. Вы же, Марго, нарушаете гармонию с первого дня. Утром вы изменили поведение Лионеля. Сейчас - воруете из архива. Что завтра? Сожжете Ротонду?

Я оцепенела. Он сказал: «изменили поведение». Он видел. Он понял. Браслет на моем запястье раскалился докрасна, впиваясь в кожу.

- Вы слишком много за мной следите, - я попыталась выскользнуть из ловушки, но он перекрыл путь, уперев руку в стену прямо над моим плечом.

- Я слежу за тем, что представляет угрозу, - прошептал он. - Вы - ходячая аномалия. От вас пахнет не магией Света, Марго. От вас пахнет временем, которое вы только что изнасиловали.

Тишина архива стала осязаемой. Я слышала, как скрипят стеллажи в глубине залов. Себастьян стоял так близко, что я видела движение его кадыка. В нем не было ни капли той фальши, которой дышал Лионель. Только суровая, безжалостная правда.

- Отдайте, - повторил он, и его пальцы накрыли мои руки на переплете.

Контакт был как разряд. Не магия - чистая физика. Мой «временной резонанс» взбрыкнул, выбрасывая перед глазами картинку-вспышку: тот же архив, но стены рушатся, а Себастьян лежит на полу, и его синий камзол медленно темнеет от крови.

Я судорожно выдохнула. Силы покинули меня разом.

Книга выскользнула из ослабевших пальцев прямо в его ладони. Валор не открыл её. Он смотрел на меня - внимательно, почти с тревогой.

- Вы бледны, как покойница, - констатировал он, и его хватка на моих руках на мгновение стала мягче. - Что вы увидели?

- Ничего, - я заставила себя усмехнуться, хотя колени подгибались. - Просто поняла, что в Академии даже в архиве не дают подготовиться к зачету.

Он молчал, взвешивая книгу на руке.

- Я заберу это, - наконец произнес он, возвращая на лицо маску беспристрастного куратора. - И сделаю вид, что нашел её на полу. В первый и последний раз, Марго. Если я еще раз поймаю вас на подобных «исследованиях»...

- Вы меня накажете? - я не удержалась от шпильки.

- Я вас защищу, - его ответ ударил сильнее, чем магия магистра. - От вас самой. Тот, кто пытается переписать историю, обычно оказывается первым, кого она стирает из памяти.

Себастьян развернулся. Его шаги гулко отдавались под сводами, пока он уходил, унося мой единственный шанс на ответы. Я осталась стоять в нише, чувствуя, как холод камня пропитывает мантию.

У меня больше не было книги. Но теперь у меня было нечто гораздо более опасное.

Внимание человека, который начал видеть правду за моими декорациями.

Я медленно сползла по стене на пол. На запястье остывал браслет, оставляя багровый ожог. Первый раунд был проигран. Но теперь я знала: мой противник чувствует запах времени.

Я посмотрела вслед ушедшему Валору и прошептала в пустоту:

- Защитишь меня, Себастьян? Посмотрим, как ты запо-
ешь, когда узнаешь, что в моем сценарии ты - первый кан-
дидат на заклятие.

Глава 10. Урок Боевого Света

На запястье остывал браслет. Багровое кольцо саднило, впиваясь в кожу ледяными иглами, - артефакт «Слез Справедливости» не любил, когда его владелица копается в запретных архивах. Себастьян ушел, забрав книгу, а вместе с ней - и иллюзию моей безопасности. Его обещание «защитить меня от меня самой» вибрировало в воздухе липким страхом. В Академии Этерния такая защита обычно заканчивалась либо в камере для невменяемых, либо на костре, очищающем душу от «неправильных» примесей.

Я поднялась с пола, цепляясь за шершавый камень ниши. Дрожь в коленях унять не удавалось. Магия «временного следа» - штука честная и беспощадная: она позволяет тебе перекрыть реальность, но взамен выпивает жизнь до самого осадка. Сейчас мой внутренний резерв напоминал пересохший колодец. Пустота внутри болела.

- Соберись, Касс, - выдохнула я в темноту стеллажей. - Сегодня ты просто бездарная адептка. Серая мышь в мире сияющих павлинов. Никакой тьмы. Никаких искр. Просто мишень.

Тренировочный плац встретил меня ослепляющей белиз-

ной. Свет здесь не освещал - он давил, проникал под веки, выжигал тени. Огромная арена, вымощенная идеальным мрамором, сверкала под полуденным солнцем. На этом фоне магистр Валор казался провалом в пространстве. Его черный мундир куратора выглядел здесь кощунством, вызовом этой стерильной чистоте.

Рядом с ним стоял Лионель. Безупречная осанка, благородная решимость во взгляде. Его мантия белела так ярко, что мне захотелось плеснуть на неё чернилами. Или кровью.

- Опаздываете, адептка Касс.

Голос Себастьяна полоснул по нервам. Он не оборачивался, но я чувствовала - он ждал. Каждую секунду моего позорного подъема из архива он знал, где я.

- Надеюсь, ваше уединение среди пыли было... поучительным?

Он издевался. Делал это тонко, почти нежно, не давая остальным повода заподозрить неладное.

- Изучала теорию, магистр, - я отвесила безупречный, почти издевательский поклон. - Пыталась понять, почему в Академии так много Света, но так мало ответов.

Лионель фыркнул, Тильда испуганно втянула голову в плечи. Себастьян же лишь медленно приподнял бровь. Его взгляд на мгновение задержался на моем запястье, где под рукавом прятался раскаленный браслет.

- Теория мертва без практики, - отрезал Валор. - Боевой Свет не терпит сомнений. Это воля, превращенная в клинок. Сегодня мы проверим, чья воля крепче. В круг.

Я мечтала забиться в самый дальний угол, притвориться ветошью и переждать это занятие. Но у судьбы - или у Валора - было специфическое чувство юмора.

- Адепт Галлант. Адептка Касс. Прошу.

По плацу пролетел шепоток. Лионель, золотой мальчик факультета, против «странной Касс», которая только и умеет, что язвить. Лео шагнул вперед. На его губах цвела та самая снисходительная улыбка, которую в прошлой жизни я принимала за обещание счастья. Теперь я видела в ней только предвкушение легкой победы над слабачкой.

- Не бойся, Марго, - негромко бросил он, когда мы встали друг напротив друга. - Я не буду бить в полную силу. Просто покажи магистрам хоть что-то.

- О, Лионель, я покажу тебе максимум своих возможностей, - я встала в защитную стойку, чувствуя, как внутри ворочается голодная пустота. - Я буду предельно неподвижна.

Браслет на руке запульсировал серым. Гнев - это тоже энергия, а артефакт «Слез» питался им, как паразит. Если я позволю себе хоть один темный всполох, браслет выжжет мне руку до кости, а Валор получит официальный повод отправить меня в казематы.

- Начали! - скомандовал Себастьян.

Лионель не медлил. Он вскинул руку, и с его пальцев сорвался «Световой бич». Сияющая лента с противным свистом рассекла воздух. В той, прошлой жизни, я бы зажмурилась. Я бы упала и ждала, когда он «милостиво» поможет мне подняться.

Но не сегодня.

Мое тело помнило удары палача и холод кандалов. Оно среагировало быстрее мысли. Я не стала тратить остатки магии на щит - это было бессмысленно. Я просто рухнула вниз, пропуская бич в считанных дюймах над головой. Мрамор обжег ладони.

Лионель осекся. Его учили, что магическая дуэль - это обмен заклинаниями, чинное фехтование волей. Я же превратила её в уличную драку.

Он ударил снова - каскад мелких световых пуль, «Искры Истины». Каждая такая искра при попадании вызывает судорогу.

«Двигайся, Марго. Просто двигайся».

Я рванула вправо, используя инерцию переката. Лионель был мощным магом, но он был неповоротлив. Он привык, что мишень стоит и пытается защититься. Я же была ртутью - рваные движения, никакой системы, только животный инстинкт.

- Используйте магию, Касс! - рывкнул Валор. - Боевой плац - не бальный зал!

- Моя магия сегодня не в духе, магистр! - отозвалась я, уходя от очередного удара. - Приходится пользоваться ногами!

Лео багровел. Его идеальный фасад трещал по швам. Промах за промахом на глазах у куратора и первокурсников -

это был удар по самому больному месту принца. По его эго. Он замахнулся, собирая между ладоней «Сгусток Истины». Воздух вокруг него задрожал от избытка Света. Это заклинание должно было сбить меня с ног и пригнуть к земле, лишая воли.

Это был его триумф. И его ошибка.

В момент концентрации он забыл о защите. Лионель был настолько уверен, что я буду бегать, пока не упаду от изнеможения, что раскрылся.

Я не стала вызывать тьму. Я просто сделала выпад.

Короткий рывок вперед. Подсечка под опорную ногу. Резкий рывок за край его сияющего рукава.

Лионель потерял равновесие. Его «Сгусток» лопнул в руках, не успев оформиться, обдав его самого безобидным сиянием. Он рухнул на колени, пропахав подбородком по мрамору. Я оказалась за его спиной раньше, чем он успел выдохнуть «проклятье». Мое колено уперлось ему в поясницу, а ладонь легла на затылок, слегка придавливая его лицо к полу.

- Кажется, Лионель, ты слишком высоко задираешь нос, -

прошептала я ему на ухо. - Поэтому не видишь того, что у тебя под ногами.

На плацу стало так тихо, что слышно было, как гудит защитный купол Академии. Тильда в ужасе закрыла рот руками. Галлант медленно поднимался. На его подбородке алела царапина, а в глазах плескалась такая ярость, какой я не видела даже в день своей казни.

- Это... это было нечестно! - прохрипел он, отряхивая мантию. - Это не магия! Ты просто... ты просто дерешься, как простолюдинка!

Я пожала плечами. Перед глазами плыли черные мушки. Тело весило тонну. Каждое слово давалось с трудом - «временной след» требовал оплаты.

- В уставе Академии сказано: «Победить врага Света». Способ не уточнен, - я перевела взгляд на Себастьяна. Тот стоял неподвижно. - Или в Этернии победа считается только в том случае, если она выглядит красиво как на параде?

Валор молчал мучительно долго. Его взгляд вскрывал меня слой за слоем. Он видел мою пустоту, видел мою ложь и мою усталость. Браслет на моем запястье в этот момент стал по-настоящему ледяным.

- Адептка Касс права, - голос Себастьяна прозвучал как смертный приговор. - Магия без разума - это просто фейерверк. Адепт Галлант, ваша самонадеянность сегодня стоила бы вам жизни в реальном бою. Свободны. Займитесь своей координацией.

Лионель бросил на меня взгляд, полный такой чистой ненависти, что я почти почувствовала удовлетворение. В той реальности он убил меня с фальшивой слезой на глазу. В этой - я заставлю его захлебнуться собственным бешенством.

Я побрела к краю плаца, чувствуя, как мир вокруг сереет. Ноги стали ватными. Еще пара шагов - и я просто сползу по колонне.

Чья-то тень накрыла меня. Себастьян Валор стоял рядом, и от него пахло острой морозной свежестью, которой не было в стерильном Свете Академии.

- Вы очень стараетесь казаться бездарностью, Марго, - тихо произнес он. Его слова были предназначены только мне. - Но ваша «неуклюжесть» подозрительно своевременна. Вы двигались так, будто знали каждое движение Галланта за секунду до того, как он его совершал.

- Интуиция, магистр, - я попыталась улыбнуться, но губы онемели.

- Интуиция не спасает от Сгустка Истины, - он протянул руку и неожиданно жестко обхватил мое запястье, прямо поверх браслета.

Холод артефакта исчез. Вместо него в мою руку вонзилось покалывающее, почти болезненное тепло. Мой пустой резерв вздрогнул. Себастьян не просто коснулся меня - он открыл шлюз. Его энергия, чужая, мощная и пугающе чистая, хлынула в меня тонкой нитью, возвращая зрению четкость, а мышцам - силу.

Это была не помощь. Это была метка.

- Идите в лазарет, Касс, - скомандовал он, отпуская мою руку. Глаза его потемнели, становясь похожими на грозовое небо. - Пока вы не упали и не заставили меня нести вас на руках. И запомните: я поделился с вами Светом не из жалости. Теперь я буду чувствовать ваш пульс на расстоянии мили.

Он развернулся и ушел, чеканя шаг. А я осталась стоять, глядя на свое запястье. Браслет больше не жег кожу. Он светился мягким, золотистым светом Валора.

Теперь он знал, как звучит моя магия. И это было хуже любого разоблачения.

Глава 11. Лазарет и ментальный след

Лазарет встретил меня агрессивной белизной и тяжелым духом сушеной вербены. Здесь всё было слишком чистым. Накрахмаленные простыни, сияющие ширмы, белые халаты врачей - этот мир пытался вытравить любое несовершенство, любую тень. Для меня, с моей Тьмой, этот Свет был колючим, как ежовые рукавицы.

- Касс? - дежурный целитель, старик с лицом, исчерченным морщинами, как старая карта, даже не оторвался от журнала. - Решили проверить на прочность учебный полигон или собственную голову?

- Проверяла терпение руководства, - я со вздохом завалилась на высокую кровать. - Кажется, оно не безгранично.

- Остроты - это хорошо. Значит, резерв еще не на нуле, - прощамкал он и резко взмахнул рукой.

Над кроватью развернулась диагностическая сеть. Золотистые нити Света поползли вниз, ощупывая моё тело. Я замерла, почти перестав дышать. Это был самый опасный

момент. Маскировка, которую создал Валор, вливая в меня свою магию, сейчас была моим единственным щитом. Его Свет окутал моё темное ядро плотным коконом, скрывая «кляксу» моей истинной сути от сканеров Академии.

- Странная картина... - лекарь нахмурился, подходя ближе. Он подслеповато шурился, разглядывая узлы плетения.
- Резерв пуст, как дырявый кувшин, но каналы гудят. Касс, кто вам помогал до того, как вы пришли сюда?

- Магистр Валор, - ответила я, стараясь, чтобы голос звучал скучающе.

Лекарь хмыкнул и посмотрел на меня с неким подобием жалости.

- Валор, значит. Теперь понятно, почему вы еще не в обмороке. Его магия... она как хлыст. Не лечит, а заставляет кровь бежать быстрее. Но помните, девочка: это долг. Завтра этот Свет уйдет, и вы почувствуете себя так, будто по вам проскакал табун лошадей.

Он всучил мне флакон с мутной жидкостью. На вкус - как мел, смешанный с сахаром и горечью.

- Спите. И не вздумайте колдовать. Если я замечу хоть

одну искру - запру в изоляторе.

Он задернул ширму, отсекая меня от внешнего мира. Я закрыла глаза, и усталость тут же навалилась на меня бетонной плитой. Сон пришел мгновенно - вязкий, серый, пропитанный ощущением беды.

Я снова вижу эту палату. Но на соседней койке не пусто. Там лежит Тильда. Её бледное лицо кажется прозрачным, а руки до локтей покрыты черной паутиной трещин. Это алхимия. Неудачный эксперимент, который должен случиться через две недели. Я стою рядом, мои ладони горят, я хочу забрать её боль, но мой резерв пуст. Я потратила его на очередную глупую ссору с Лионелем. Я опоздала.

Я подскочила на кровати, хватая ртом воздух. Это было не просто дежавю. «Временной след» пульсировал в висках, выбивая дробь. В моей прошлой реальности Тильда действительно пострадала, и это стало началом её конца.

- Не в этот раз, - прошептала я, сжимая кулаки.

Каждое видение - это шанс. И проклятие. Энергия Себастьяна внутри меня начала остывать, и на её место возвращалась привычная, тягучая слабость. Я чувствовала себя выпотрошенной.

Тихий шорох за ширмой заставил меня вздрогнуть. Шаги были тяжелыми, уверенными. Лекари так не ходят.

- Вы плохая актриса, Марго.

Себастьян отодвинул край ткани. На нем уже не было официальной мантии - только черный камзол, плотно облегающий широкие плечи. В руках он держал ту самую ворованную книгу «Резонанс Истины».

- Я изучил ваши пометки, - он сел на стул рядом с кроватью, и я невольно подобралась, стараясь казаться меньше. - Раздел о «хроно-парадоксах». Зачем это первокурснице?

- Готовлюсь к экзаменам заранее, - я потянулась к тумбочке за водой, но его рука перехватила моё запястье.

Снова этот контакт. Но теперь он не давал магии. Он слушал мой пульс. Его пальцы были сухими и горячими.

- Ваше тело помнит боль, которой еще не случилось, - его голос упал до шепота, от которого по коже пошли мурашки. - Я видел вас на полигоне. Вы закрылись за секунду до удара. Вы не среагировали, Касс. Вы знали.

- Скажете, что я провидица? - я попыталась вырваться, но он держал крепко. - Проверьте браслет. Где на нем хоть один признак запретной магии?

- Артефакты - это просто железки, - отрезал Валор. - Истину не спрятать за голубым стеклом. Вы боитесь Лионеля не как заносчивого парня. Вы смотрите на него как на своего палача. Почему?

Я замерла. Ложь застряла в горле. Взгляд Себастьяна - пронзительный, лишенный привычного светлого высокомерия - выбивал почву из-под ног. В этот момент я почти поверила, что могу ему открыться.

- А если я скажу, что через полгода этот замок превратится в руины? - голос сорвался на хрип. - Что вы лично будете стоять на площади и смотреть, как мне надевают петлю на шею? Вы мне поверите, магистр? Или сразу позовете инквизиторов?

Где-то в коридоре грохнул поднос, звон металла эхом разнесся под сводами, но мы не пошевелились.

- Я верю только фактам, Марго, - наконец произнес он, медленно разжимая пальцы. - А факты говорят, что вы отчаянно пытаетесь сломать сценарий, который вам не нравится.

Он положил книгу на тумбочку, прямо перед моим носом.

- Я оставлю её здесь. Но учтите: если её найдет кто-то другой - я выпишу вам приговор собственной рукой. В Этернии те, кто видит слишком много, обычно не доживают до выпуска.

- Зачем вы это делаете? - крикнула я ему в спину, когда он уже дошел до выхода. - Я Темная. Вы должны были сдать меня в ту же секунду, когда почувствовали резонанс!

Себастьян замер в дверном проеме. Его силуэт казался вырезанным из темноты на фоне сияющего коридора.

- Потому что мне тоже не нравится этот сценарий, Касс, - бросил он, не оборачиваясь.

Дверь захлопнулась с тяжелым стуком. Я потянулась к книге, и в этот момент мой браслет на запястье вдруг вспыхнул ядовито-красным, обжигая кожу. Тьма внутри меня не просто проснулась - она торжествовала.

У меня не было друзей в этом проклятом месте. Но теперь у меня был сообщник, который ненавидел правила сильнее, чем я. И это значило только одно: завтра начнется настоящая

война.

Глава 12. Кабинет инквизитора

Утро началось не с кофе. Оно началось с настойчивого стука в оконное стекло, от которого по комнате разбегались болезненно-белые всполохи. Магический вестник - крохотный, слепящий стриж из чистого Света - долбился в раму с методичностью инквизиторского молота.

Я с трудом отодрала голову от подушки. Тело после вчерашнего лазарета казалось чужим, набитым сухой соломой. Браслет «Слез Справедливости» на запястье отозвался привычным холодком, стоило мне протянуть руку к записке, которую удерживал стриж.

Бумага обжигала пальцы инеем. «Адептка Касс. Кабинет 402. Девять утра. Без опозданий». Подписи не требовалось. Замороженный почерк Себастьяна Валора я теперь узнала бы из тысячи.

- Тебя либо отчислят, либо казнят повторно, - пробормотала Тильда, натягивая одеяло на голову. Она даже не открыла глаз, но я чувствовала ее искреннее сочувствие, перемешанное со страхом. - Галлант вчера весь вечер распускал хвост в гостиной. Жаловался, что ты используешь «грязные приемы» и что твоя аура смердит Тьмой.

- Пусть захлебнется своим красноречием, - отрезала я.

Я подошла к зеркалу. Вид был так себе: бледная кожа, круги под глазами и волосы, которые отказывались подчиняться гребню. Но в глубине зрачков всё еще тлел тот самый уголек из будущего. Тот, который не давал мне просто упасть и сдаться. В этой жизни я больше не буду жертвой. Даже если для этого придется войти в логово к самому опасному человеку в Академии.

Коридоры четвертого этажа отличались от жилых помещений. Здесь свет не просто освещал - он давил. Он струился из-под плинтусов, концентрировался в хрустальных люстрах и, казалось, вытравливал саму возможность спрятать хоть какую-то тайну. Светлые адепты плыли мимо меня, как рыбы в стерильном аквариуме. Их улыбки выглядели слишком правильными, их мантии - слишком белыми.

Я остановилась перед дверью с номером 402. Тяжелый дуб, резьба в виде весов и меча. Классика судебной власти Этернии. Мой браслет вдруг потемнел, став почти угольным. Внутри шевельнулось предчувствие: этот разговор изменит всё. Я больше не смогу притворяться «просто талантливой сироткой».

Я постучала. Коротко. Трижды.

- Входите, Касс.

Голос магистра прозвучал глухо, но отчетливо. Я толкнула створку и вошла.

Кабинет Валора напоминал камеру пыток для тех, кто привык к полумраку. Огромное окно за его спиной пропускало столько яростного утреннего солнца, что воздух казался состоящим из золотой пыли. Себастьян сидел за столом, заваленным свитками с гербовыми печатями. На нем был черный камзол с серебряным шитьем - цвета его рода, холодные и торжественные.

- Садитесь, - он не поднял глаз от документов, лишь указал пером на жесткий стул.

Я подчинилась. Стул оказался неудобным, заставляя держать спину ровно. Магистр продолжал писать, и скрип его пера по пергаменту в этой звенящей пустоте кабинета раздражал сильнее, чем крики на полигоне. Он выдерживал паузу профессионально. Психологическое давление — первейший приём инквизитора.

Наконец он отложил перо и поднял голову. Серые гла-

за, похожие на грозовое небо перед первым ударом молнии, впились в меня.

- Книга, Марго, - начал он без предисловий. - «Резонанс Истины». Экземпляр из закрытого фонда, помеченный как «опасный для неокрепших умов». Как она оказалась у вас?

- Я нашла ее в архиве, - я заставила свой голос звучать ровно, почти скупающе. - Полка была сломана, книга лежала на полу. Я подумала, что в библиотеке такой бардак - это знак свыше.

Валор медленно подался вперед. Свет из окна за его спиной создал ореол вокруг его головы, превращая магистра в подобие карающего божества.

- Знак чего? Того, что адептке первого курса нужно изучать механику временных петель? - его голос стал тише, и от этой тишины по моей коже побежали мурашки. - Или того, что вы отчаянно ищете подтверждение своему... состоянию?

Я молчала. Браслет на моем запястье начал мелко вибрировать. Тьма внутри меня, прижатая Светом этого кабинета, пыталась найти лазейку, вырваться наружу.

- Вчера на уроке вы двигались так, будто видели плетение

Галланта за секунду до его появления, - Себастьян встал и начал медленно обходить стол. - Это не интуиция, Касс. Это не опыт. Вы уклонялись от удара, который Лионель еще не успел осознать сам.

Он остановился прямо за моей спиной. Я чувствовала исходящий от него холод - не мертвый, а бодрящий, как ледяная вода из горного источника.

- В Этернии таких, как вы, изучают под микроскопом, - его рука легла на спинку моего стула, и я невольно вцепилась в свои колени. - Или уничтожают. Как аномалию, нарушающую порядок вещей. Но вы не похожи на обычную ошибку мироздания. Вы смотрите на Лионеля так, словно уже видели его труп. И это пугает меня гораздо больше, чем ваша Тьма.

- Лионель Галлант - ничтожество, - я развернулась к нему, не заботясь о правилах приличия. - И мне не нужно быть аномалией, чтобы желать ему... справедливости.

- Не лгите мне, - Себастьян резко сократил расстояние. Его лицо теперь находилось в считанных сантиметрах от моего. Я видела каждую серебристую нить в его ауре, слышала его дыхание. - В лазарете вы говорили о пепле. О руинах. Вы видели будущее, Марго? Или вы пришли из него?

В кабинете стало невыносимо жарко. Свет вокруг нас словно сгустился, превращаясь в золотистую патоку. Мой «временной след» отозвался тупой болью в висках.

- Я видела, как этот замок горит, магистр, - прошептала я, глядя прямо в его штормовые глаза. - Я видела, как ваши светлые братья перерезают друг другу глотки за право называться первыми в Этернии. И я не позволю этому случиться снова. Даже если для этого мне придется уничтожить саму себя.

Себастьян замер. Я видела, как в его глазах отражается мое собственное отчаяние. Он не позвал стражу. Он не ударил меня заклинанием очищения. Он просто смотрел на меня так, словно впервые увидел в этом мире нечто живое.

- Значит, мы оба ненавидим этот сценарий, - произнес он, и в его голосе проступила странная, почти болезненная мягкость. - Но помните: если вы сделаете хоть один шаг во вред Академии, я лично приведу приговор в исполнение. Я не позволю вам стать тем злом, с которым вы якобы боретесь.

- Договорились, - я встала, чувствуя, как силы покидают меня. - Но не ждите от меня послушания. Я не умею ходить по струнке.

Когда я вышла в коридор, мои ноги едва держали меня. Визит к инквизитору выпил меня досуха. Я прислонилась к холодному мрамору стены, стараясь унять дрожь в руках.

- Всё еще жива? - раздался резкий, неприятный голос.

Лионель Галлант стоял в нише, скрестив руки на груди. Его белоснежная мантия сияла так ярко, что на нее было больно смотреть. В руках он вертел мою тетрадь по теории - видимо, подобрал вчера после моей потери сознания.

- Касс, ты становишься слишком популярной, - он шагнул ко мне. - Сначала лазарет, теперь личный кабинет Валора. Неужели ты думаешь, что он защитит тебя, когда всплывет вся правда о твоём происхождении?

Он схватил меня за запястье. Боль была такой резкой, что я едва не вскрикнула.

- Отпусти, Лионель, - я попыталась вырваться, но он только усилил хватку.

- Ты - грязь, Марго. Пятно на репутации этого места. Я добьюсь твоего изгнания. Валор не сможет вечно прикрывать твое ничтожество.

Я посмотрела ему прямо в глаза. В этой жизни он был еще сильнее, еще наглее, чем в той, где он меня предал. Но теперь я знала его страхи. Я знала, что за этим пафосом скрывается пустота.

- Тебе стоит бояться не Валора, Лионель, - я оскалилась в подобии улыбки. - Тебе стоит бояться меня. Потому что петля уже начала затягиваться. И в этот раз я сама выбью табуретку у тебя из-под ног.

Я рванула руку, освобождаясь, и пошла прочь, не оборачиваясь.

Я точно знала: за дверью кабинета 402 Себастьян Валор стоит у окна и слышит каждое слово. Наша партия в шахматы с судьбой только началась, и фигуры на доске начали двигаться сами по себе, подчиняясь резонансу, который мы оба больше не могли игнорировать.

Вечером, закрывшись в комнате, я снова открыла «Резонанс Истины». Между страницами лежал узкий листок бумаги. Почерк Себастьяна, острый и летящий: «В четверг на астральной проекции будьте предельно осторожны. Тени там помнят то, что вы пытаетесь забыть».

Это не было угрозой. Это была протянутая рука. И я не знала, стоит ли мне за нее хвататься, или она просто затянет меня в бездну еще быстрее.

Глава 13. Подготовка к Малому Балу

Если вы думаете, что после открытой угрозы будущему королю и психологической дуэли с главным инквизитором Этернии я должна была забиться под кровать и дрожать, то вы плохо знаете Марго Касс.

Я сидела на краю кровати, вглядываясь в белизну своей комнаты. В Академии Светлых даже пыль казалась дисциплинированной. Поверхности стола сияли так ярко, что режало глаза, а в воздухе застыл запах озона и дешевого моющего заклинания. В этом мире не было места хаосу, а значит - не было места мне.

Прямо перед моим носом лениво подергивался магический вестник - пухлый розовый конверт, парящий в метре от пола. Он источал такой приторный аромат жасмина, что в горле начало першить. Тетя Гертруда. Моя единственная «опора» в этом мире, чья любовь всегда была пропорциональна моей способности выгодно пристроиться в тени Лионеля.

- Сдавайся уже, - пробормотала я, касаясь бумаги кончи-

КОМ НОГТЯ.

Конверт лопнул с нелепым хлопком, выбросив облачко розовых искр, которые тут же принялись оседать на мои колени. Голос тети, усиленный магией, заполнил комнату, дребезжа от фальшивого восторга:

- Марго, дорогая! До меня дошли слухи о Малом Бале. Это твой последний шанс исправить то чудовищное недоразумение, которое ты устроила! Я потратила последние крохи нашего семейного кредита, чтобы прислать тебе наряд. Он идеален: скромный, нежно-кремовый, подчеркивающий твою покорность. Лионель обожает благочестивых девушек. Не смей ничего испортить, иначе содержание будет урезано до минимума! И не забудь надеть туфли - они заговорены на легкую походку. Смейся тише, смотри в пол. Будь тенью своего принца.

Рядом с кроватью, прямо из воздуха, с тяжелым стуком вывалился окованный медью кофр. Когда я откинула крышку, внутри обнаружилось нечто, напоминающее гигантское зефирное облако, в котором задохнулась старая дева. Рюши, бесконечные слои жесткого фатина, высокий воротник-стойка под самое горло и цвет... такой «целомудренный», что от него сводило зубы. Рядом лежали атласные туфли на крошечном каблучке, больше похожие на детские пинетки.

- Овсянка в мире высокой моды, - раздался сочный хруст яблока.

Тильда, моя соседка, не скрывала ироничной мины. Она была в своей извечной растянутой кофте, но даже в ней выглядела более органично, чем я - в этом шелковом плену. В ее «светлом» мире такие платья считались верхом приличия, но даже она понимала: для меня это - саван.

- Если ты выйдешь в этом, Галлант решит, что ты окончательно сломалась, - заметила Тильда, вытирая липкие пальцы. - Светлые обожают, когда мы выглядим как побитые моли. Тебе помочь это застегнуть? Там, кажется, миллион мелких крючков. Тебе понадобится вечность, чтобы просто в него влезть.

- Я не моль, Тильда. И я не собираюсь тратить вечность на то, чтобы стать тенью Лионеля.

Я встала, чувствуя, как внутри заворочался привычный холод. Моя магия - та самая «неправильная» тьма, которую Валор так жаждал препарировать - отозвалась мгновенно. Я знала, что любое использование силы в этих стенах - прогулка по краю обрыва. Браслет «Слез Справедливости» на моем запястье оставался серым, но его металл стал подозрительно ледяным, впиваясь в кожу. Он ждал малейшего всплеска

эмоций.

Но мне не нужна была ярость. Мне нужен был точный, хирургический расчет.

Я достала из ящика стола старые портновские ножницы. Тяжелые, со следами ржавчины на лезвиях - они были единственной вещью, которую я сохранила из своего «настоящего» прошлого. Тильда поперхнулась очередным куском яблока.

- Ты что творишь? Тётя тебя заживо закопает! Это платье стоит больше, чем вся моя учебная стипендия за год!

- Тётя далеко, а Себастьян Валор - слишком близко, - я безжалостно вонзила лезвия в многослойный фатин. Ткань визгливо хрустнула. - Он и так видит меня насквозь. Какой смысл притворяться овечкой, когда волк уже запомнил запах твоей крови?

Я резала ткань с методичностью палача. Мир на мгновение потерял краски, когда я позволила капле своей истинной силы коснуться шелка. Это было едва уловимое движение - механика «временного следа». Я не меняла прошлое платья, я просто... напоминала материи о том, какой она могла бы стать, если бы ее не пытались превратить в инструмент подавления.

Тени в углах комнаты вдруг ожили. Они потянулись к кровати, послушно впитывая звук моих движений и блеск стали. Кремовый оттенок под моими пальцами начал мутировать. Не в черный - это было бы слишком вульгарным, слишком явным заявлением для Инквизиции. Я выбрала цвет предгрозового неба, глубокий стальной с едва заметным отливом фиолетового. Тот самый цвет, который принимают глаза Валора, когда он пытается решить: арестовать меня немедленно или дать еще немного побегать.

- С ума сойти, - прошептала Тильда, откладывая яблоко.
- Ткань... она сама переплетается? Смотри, швы исчезают!
Марго, если это увидит комендант...

- Комендант будет слишком занята, разглядывая пуговицы на камзоле Лионеля, - я закусила губу.

Изменение реальности, даже такое мелкое, как перешивка подола с помощью магии времени, высасывало силы. В висках застучало, перед глазами поплыли черные мушки. Дежавю накрыло меня душевной волной: я уже видела эти обрезки на полу. В той, прошлой жизни, я плакала над этим платьем, пытаюсь затянуть корсет так туго, чтобы не иметь возможности дышать - лишь бы Лионель одобрительно кивнул. Я помнила запах его парфюма - тяжелый, мускусный - и то, как он

шептал мне на ухо, что я «почти достойная».

Больше - никогда.

Я отсекла рукава-фонарики, превратив их в узкие полоски ткани, едва прикрывающие плечи. Высокий воротник пал жертвой первого же точного удара ножниц, открыв шею - беззащитную, но свободную. Юбка лишилась десяти слоев лишнего фатина, обретя опасную, текучую легкость.

Я закончила работу, когда солнце уже скрылось за острыми шпилями Академии. Новое платье висело на манекене, и оно было безупречным. Лаконичный, почти агрессивный силуэт. Оно не кричало о тьме. Оно шептало о власти, которую не нужно доказывать криком.

- Ты не пройдешь контроль, Марго, - Тильда подошла ближе, робко коснувшись подола. Ткань под ее пальцами отозвалась сухим шелестом. - Артефакты на входе в зал настроены на любую магическую аномалию. Тебя вывернут наизнанку раньше, чем ты успеешь сделать первый шаг по паркету.

- Пусть пробуют, - я подошла к окну, тяжело оперлась на подоконник. Колени подкашивались, цена за «исправление» платья оказалась выше, чем я ожидала. - Этот мир настолько привык к своему Свету, что перестал замечать настоящие

тени. Они ищут проклятия, но не заметят перемены в структуре ткани.

Внизу, в саду, слуги уже расставляли магические светильники. Светлые адепты прогуливались парами, обсуждая предстоящий триумф Галланта. Они верили в незыблемость правил. Они думали, что завтра будет таким же, как вчера: предсказуемым, чистым и скучным.

Мой взгляд невольно метнулся к башне, где располагались покои магистров. Окно Себастьяна Валора светилось ровным, холодным светом. Он был там. Наверняка листал мой личное дело, сопоставляя отчеты о резонансе с моими дерзкими ответами в его кабинете. О чем он думает сейчас? Ищет ли он способ меня спасти или просто ждет, когда я оступлюсь достаточно сильно, чтобы оправдать мой арест?

Я знала: завтрашний танец с ним - если он вообще снизойдет до приглашения «проблемной адептки» - станет не просто танцем. Это будет допрос в движении. Он попытается пробиться сквозь мои щиты, нащупать пульсацию времени в моих венах. Каждое прикосновение будет проверкой на прочность.

- Тебе стоит бояться, Себастьян, - тихо проговорила я, глядя на свое отражение в темном стекле. Теперь я не видела

там испуганную девчонку. - Потому что завтра ты увидишь не жертву и не аномалию. Ты увидишь Равновесие, которое ты сам же и разбудил.

Браслет на запястье неожиданно обжег кожу. Не ледяным предупреждением, как обычно, а коротким, почти одобрительным импульсом. Это было так странно, что я вздрогнула. Магия Академии, эта стерильная и правильная сила, внезапно признала мое право на этот бунт. Или же... она просто предвкушала бурю.

- Марго! — произнесла Тильда, глядя на меня с каким-то новым, пугающим уважением. - Ты выглядишь так, будто собираешься не на бал, а на войну.

- В моем случае, Тильда, это одно и то же.

Я легла в постель. Книга «Резонанс Истины» лежала под подушкой, согревая своим запретным знанием. Завтра Лионель поймет, что его «послушная кукла» сломалась окончательно и восстановлению не подлежит. А Валор увидит, что аномалия, которую он так жаждет изучить, способна не только прятаться, но и диктовать свои условия.

Сон пришел быстро, тяжелый и безвкусный, как еда в столовой Академии. Мне снова снилась та жирная муха из ка-

меры смертников. Но в этот раз я не просто смотрела на нее. Я протянула руку, и муха рассыпалась черным пеплом.

Глава 14. Малый Бал. Танец с врагом

Вход в Главный зал Академии всегда напоминал мне попытку забраться внутрь раскаленной лампы. Слишком много острых граней, слишком много агрессивного, отраженно-от белого мрамора сияния. У любого нормального Темного через пять минут пребывания здесь начинает ныть затылок, а перед глазами плывут мутные пятна. Но сегодня я не собиралась жмуриться или прятать взгляд.

Я замерла на верхней ступени, чувствуя, как магия зала - эта приторная, вычищенная до звона энергия Света - липнет к коже. Браслет «Слез Справедливости» на моем запястье не просто охлаждал, он вибрировал, словно предупреждал: я вхожу в зону повышенного риска. Тонкий металл впивался в кожу, реагируя на мой внутренний азарт, который для этого стерильного места был сродни заразе.

Мое платье не просто выделялось. Оно буквально поглощало окружающий свет. Тяжелый шелк цвета перезревшей вишни, почти черный в складках, казался глубокой раной на фоне пастельного киселя из розовых воланов и нежно-голубых рюш, в которых задыхались остальные адептки. Я мед-

ленно обвела взглядом затихшую толпу. Шепотки внизу обрывались один за другим. Это было то самое изумленное возмущение, которое раньше доводило меня до слез, а теперь вызывало лишь холодную, острую улыбку. Раньше я бунтовала от отчаяния. Сейчас я действовала как диверсант, точно знающий, куда заложить заряд.

- Марго... - Тильда, стоявшая за плечом, едва дышала. - Ты с ума сошла. Они же тебя живьем съедят. Глянь на Лионеля.

- Пусть подавятся, - я коротко обернулась к подруге. - Привыкай, Тильда. Мы здесь больше не для того, чтобы соответствовать их ожиданиям. Мы здесь, чтобы диктовать свои.

Я начала спуск. Каждый удар моего каблука о мрамор звучал в наступившей тишине как отсчет секунд до взрыва. Лионель ждал у подножия лестницы. В своем золоченом камзоле, окруженный свитой подпевал, он выглядел как ожившая статуя самодовольства. Он ждал покорную куклу, которую можно будет милостиво простить за вчерашнюю дерзость и выставить как трофей. Его улыбка не просто сползла - она осыпалась, обнажая растерянность и колючее, злое раздражение.

«Смотри на меня, Лео, - я не отводила глаз, сокращая дистанцию. - Запоминай этот момент. Это точка, в которой

твой сценарий превращается в пепел».

Но не Лионель был центром гравитации в этом зале. В дальнем углу, у стрельчатых окон, за которыми догорало кровавое небо, я увидела Себастьяна Валора. Магистр-инквизитор не пил пунш, не вел светских бесед и не улыбался. Он просто стоял в своем строгом черном мундире, и само его присутствие делало весь этот бал дешевой декорацией. Его взгляд настиг меня мгновенно. Тяжелый, пронзительный, он словно снимал с меня слой за слоем, ища ту самую аномалию, о которой мы говорили в лазарете. Так смотрят на опасное оружие, которое внезапно само легло тебе в руку.

Я прошла через зал, и толпа адептов расступалась передо мной, как перед прокаженной. Магия Академии под ногами гудела. Вспыхнул временной резонанс: на мгновение я увидела «тень» - вот здесь, в той, прошлой жизни, я стояла, облитая липким соком, и глотала слезы под хохот компании Галланта. Видение дрогнуло и рассыпалось. Я наступила на эту тень каблуком, стирая её в пыль.

- Адептка Касс, вы... превзошли себя в стремлении к эпатажу, - Лионель перерезал мне путь. Его голос дрожал от подавляемой ярости. - Ваша тетя клялась, что выберет наряд, достойный Светлой леди. Этот... цвет... Это же почти Тьма, Марго.

- Моя тетя слишком долго живет в мире иллюзий, Лионель, - я остановилась так близко к нему, что почувствовала скрытую под запахом парфюма кислую вонь страха. - А я предпочитаю реальность. Разве Свет - это не истина? Вот я и пришла в своем истинном цвете. Нравится?

Он сузил глаза, и я кожей почувствовала толчок его магии. Он пытался надавить на меня, смять мое эмоциональное поле, заставить подчиниться. В прошлой петле я бы рухнула на колени от этого давления. Сейчас я лишь позволила своей внутренней Тьме лениво шевельнуться, поглощая его выпад, как губка поглощает воду.

- Ты играешь с огнем, - прошипел он.

Оркестр сорвался в вальс. Это был торжественный, резкий ритм Академии. Лионель уже открыл рот, чтобы приказать мне танцевать, но раздался голос Валора:

- Позвольте, адепт Галлант?

Лионель отпрянул. Он вытянулся в струнку, как нашкодивший первокурсник. Магистр стоял рядом, и от него исходило такое давление, что свет ламп, казалось, начал тускнеть.

- Магистр... - выдавил Лионель. - Но вы же не... вы не принимаете участия в танцах.

- Сегодня особый случай, - Себастьян даже не удостоил его взглядом. Он смотрел только на меня. - Адептка Касс демонстрирует уникальный магический резонанс. Я обязан зафиксировать его лично.

Это не было приглашением. Это был захват. Я вложила пальцы в его ладонь, и меня прошило током - не магическим, а пугающе человеческим, жарким. Мы вышли в круг.

Танец с Валором не имел ничего общего с этикетом. Это была схватка. Он вел меня так властно и жестко, что у меня перехватило дыхание. Каждое его прикосновение к моей талии ощущалось сквозь ткань платья как ожог. Он не просто танцевал - он взламывал мои щиты, прощупывая каждое движение, каждый вдох.

- Вы ходите по краю бритвы, Марго, - произнес он, склонившись к самому моему уху. Его голос вибрировал в моих костях. - Зачем эта демонстрация? Хотите, чтобы Инквизиция сожгла вас прямо на этом паркете?

- Я хочу, чтобы они увидели, что я больше не боюсь огня,

- я вскинула голову, встречаясь с его ледяными глазами. - Вы ведь сами искали аномалию, Себастьян. Так не жалуйтесь, когда она начинает менять ваше расписание.

- Ваша «импровизация» сводит с ума охранные контуры зала, - он притянул меня ближе, так что я почувствовала жесткую ткань его мундира. - Ваш браслет уже на грани. Что произошло в лазарете? Какое знание вы притащили с собой из этого вашего... «сна»?

Я чувствовала, как время вокруг нас начинает течь иначе. Музыка замедлилась, лица танцующих превратились в размытые пятна. Остались только мы двое в эпицентре бури.

- Я увидела финал, - прошептала я, позволяя себе на мгновение опереться на его руку. - Руины, пепел и ваше лицо, когда вы понимаете, что всё было зря. Лионель - это просто шум. Настоящая угроза в том, что вы продолжаете следовать правилам, которые уже не работают.

Он сбился с шага. Всего на долю секунды, но для безупречного Себастьяна Валора это было равносильно падению в пропасть. Его пальцы на моей талии сжались до боли, и я почувствовала вспышку его собственного, тщательно скрываемого хаоса.

- Вы опасны, Касс, - его голос стал хриплым. - Опаснее, чем любая темная книга в библиотеке.

- Значит, вам придется следить за мной еще внимательнее, - я парировала его взгляд. - Разве не в этом ваша работа?

Музыка достигла апогея. Себастьян внезапно остановился, разрывая контакт так резко, что я едва устояла на ногах. Мир снова обрел четкость, звуки бального зала обрушились на меня оглушительной волной. Он смотрел на меня так, словно решал - пристрелить меня на месте или упасть со мной в бездну.

- Завтра. В шесть вечера. Тренировочный зал номер четыре, - его голос был тихим, но в нем слышался рокот приближающейся грозы. - Мы проверим, что скрывается за вашим дерзким нарядом. Если ваша Тьма не выдержит резонанса Света - я сам вышвырну вас из Академии до рассвета.

Он развернулся и ушел, не дожидаясь ответа. Его черная фигура рассекала толпу «светлячков», как акула - косяк мелкой рыбешки.

Я стояла одна, тяжело дыша. Браслет на моем запястье остывал, пульсируя ровным, почти ласковым теплом. Он не наказал меня. Наоборот, «Слезы Справедливости» словно

признали мою победу в этом раунде. Магия Света, которой пропитаны эти стены, впервые за все время не пыталась меня раздавить. Она выжидала.

- Марго! Ты что себе позволяешь?! - Лионель возник рядом, его лицо было багровым от унижения. Он схватил меня за локоть, пытаясь вернуть власть над ситуацией.

Я медленно повернула к нему голову. В моих глазах еще отражался холод Валора, и Галлант невольно отшатнулся, разжимая пальцы.

- Я позволяю себе быть собой, Лионель, - бросила я, расправляя складки своего кроваво-винного платья. - А тебе советую начать учить правила новой игры. Потому что старые больше не действуют.

Я пошла к выходу, чувствуя на спине сотни взглядов. Внутри меня, там, где раньше жила только пустота и страх, теперь горело ровное, неугасимое пламя.

Глава 15. Первая кровь.

Тренировка с Магистром

Тренировочный зал номер четыре встретил меня тем самым специфическим видом гостеприимства, которое обычно демонстрирует разделочная доска в ожидании филе. Огромное пространство со сводчатыми потолками заливал ровный, безжалостный свет. В Академии от него невозможно спрятаться - он проникал, казалось, под самую кожу. Здесь не было уютных углов или спасительных теней. Только выскобленный до блеска камень пола и манекены, застывшие в нелепых позах вечного поражения.

Я переступила порог ровно в 17:55. Мой вчерашний триумф в винном шелке остался в шкафу, сменившись простыми тренировочными брюками и курткой из плотной кожи. Волосы я затянула в тугий, почти болезненный узел. В этой жизни я не планировала давать противнику ни единого лишнего шанса, даже такого пустякового, как возможность ухватиться за прядь.

Себастьян Валор уже ждал. Он стоял в самом центре зала, неподвижный, как изваяние из антрацита. Вместо привычной многослойной мантии на нем была простая черная ру-

башка с засученными рукавами. Я невольно засмотрелась на его руки. Это не были изящные пальцы теоретика, перелистывающего древние фолианты. Жилистые ладони, четкие линии вен на предплечьях - руки человека, который привык не просто направлять силу, а буквально удерживать её за горло.

- Вы не опоздали, Касс. Это почти разочаровывает, - он не обернулся.

- Я предпочитаю приходить на собственные казни заранее, магистр. Это дает время проверить, не подпилили ли эшафот, - я прошла к центру, сохраняя ту самую дистанцию, которая в Этернии считалась безопасной для жизни и репутации.

Валор наконец повернулся. В его глазах полностью отсутствовала вчерашняя светская ирония. Теперь там читался профессиональный интерес энтомолога, рассматривающего редкую, но потенциально ядовитую гусеницу. Он изучал меня молча, и этот взгляд был тяжелее любого заклинания.

- Сегодня мы оставим в покое социальные танцы и займемся тем, ради чего вы здесь на самом деле, - он сделал шаг навстречу.

Магия Света в зале мгновенно отреагировала на его движение. Воздух вокруг магистра стал колючим, сухим, как перед грозой в пустыне.

- Резонанс. Вчера вы каким-то чудом удержали свою Тьму в узде, когда я коснулся вас на паркете. Но в реальном бою контролировать её сложнее. Суть не в том, чтобы прятаться, Марго. Суть в том, чтобы выжить, когда магия захочет вырваться наружу и уничтожить вас раньше, чем это сделает противник.

Я не позволила себе отступить ни на дюйм. Мой внутренний холод - тот самый, который я принесла с собой из пламени будущей казни - мгновенно отозвался. Тени в углах зала, обычно послушные и незаметные, на мгновение удлинились. Они жадно потянулись к моим сапогам, словно признавая свою королеву.

- И что вы предлагаете? Поединок?

- Проверку, - поправил он, и в его пальцах заплясали первые искры. - Я буду атаковать Светом. Ваша задача - блокировать удары, используя только разрешенные заклинания защиты первого уровня. Никаких родовых тайн, никакой Тьмы. Если ваша истинная природа решит «защитить» хозяйку - мы увидим это по вспышке браслета.

Он не стал ждать моего согласия. Себастьян действовал стремительно. Без предупреждающего пасса он вскинул руку, и в меня полетел «Сгусток Истины» - пульсирующая сфера белого пламени. Это заклинание не убивало, но действовало как ментальный кнут: попадание выбило бы из меня не только дух, но и все ментальные щиты вместе с секретами.

Я нырнула вправо. Раскаленный поток пронесся в дюйме от плеча, обдав сухим жаром. Браслет на запястье отозвался резким, пульсирующим теплом. «Слезы Справедливости» чувствовали мой страх и мою готовность ударить в ответ.

- Слишком медленно, Касс. Вчера на балу вы двигались грациознее. Или это платье придавало вам уверенности? - в голосе Валора проскользнула провокация.

Он атаковал снова. Три быстрых импульса, треугольником. Я вскинула руки, выстраивая стандартный «Щит Отражения». Прозрачная пленка светлой магии, которой нас муштровали на первом курсе, вспыхнула под напором его силы. Мои ладони закололо. Ощущение было такое, будто я пытаюсь удержать в руках кусок сухого льда - он обжигал, прикидываясь жаром.

- Ваша магия защиты... она слишком безупречна. На-

столько, что кажется фальшивой, - Себастьян продолжал наступать, методично сокращая расстояние. - Адепты вашего уровня должны ошибаться. Запинаться. Всплескивать эмоциями. Вы же стоите как скала, которую омывает прибой. Где ваша ярость, Марго? Где тот хаос, который вы так старательно прячете под маской посредственности?

Я молчала, концентрируюсь исключительно на его плечах и кистях. В какой-то момент реальность вокруг начала расслаиваться, становясь зыбкой, как марево над костром. Это было дежавю. Тяжелое, вязкое чувство, предвещающее «Временной след». Я увидела тень его следующего удара еще до того, как его мышцы сократились для броска. Это была не сфера, а широкая, размашистая дуга, направленная под ноги, чтобы сбить меня с темпа.

Я подпрыгнула, перекатываясь через плечо, и вскочила на ноги уже за его спиной. Мой собственный браслет теперь обжигал кожу - Тьма внутри меня учуяла брешь в его защите и требовала выхода. Она хотела ударить в ответ, расколоть это ослепительное сияние на тысячи мелких, грязных осколков.

- Откуда вы знали? - Валор замер. Он медленно поворачивался. - Я не использовал жестов. Я даже не сформировал намерение до конца. Вы среагировали раньше, чем магия оформилась в пространстве.

- Хорошая интуиция, магистр. Женское чутье, если угодно, - я выпрямилась, стараясь скрыть, как сильно дрожат колени.

Временной сдвиг всегда забирал ресурсы. Сейчас я чувствовала, как энергия буквально вытекает из меня, оставляя после себя сосущую, серую пустоту.

- Врите лучше, Касс. Женское чутье не спасает от направленного резонанса, - он внезапно оказался совсем рядом.

Я даже не успела вдохнуть. Его рука жестко перехватила мое запястье, прямо над раскаленным металлом браслета.

Мир мгновенно потерял краски. Звуки тренировочного зала стихли, сменившись гулом в ушах. Столкновение его чистого Света и моей подавленной Тьмы породило нечто чудовищное. Перед глазами вспыхнули кадры, которых не было в моей памяти... или они были в другой версии реальности? Себастьян, стоящий над моим бездыханным телом. Его взгляд - не холодный, не судейский, а полный такого запретного отчаяния, которое невозможно сыграть даже самому гениальному актеру.

«Ты не должна была умирать здесь», - услышала я его ше-

пот. Но голос звучал не в воздухе, а внутри моей собственной магии, вибрируя на той же частоте, что и мой «временной след».

- Что это было? - хрипло вытолкнула я, с силой вырывая руку.

Браслет «Слез Справедливости» теперь светился багровым, почти дойдя до критической отметки. Кожу нещадно пекло.

Себастьян смотрел на свои ладони так, будто видел их впервые. Его безупречное спокойствие дало трещину. Дыхание магистра стало тяжелым, рваным.

- Это был ответ, Марго. Ваша Тьма не просто существует где-то в глубине. Она... она резонирует с моей силой так, словно они части одного целого. Словно мы когда-то создали этот резонанс вместе. Вы - не просто аномалия, которую нужно стереть. Вы - ключ, который я боюсь подобрать.

Он сделал резкий, глубокий вдох, насильно возвращая себе маску ледяного безразличия. Магия в зале мгновенно утихла. Свет снова стал просто светом, а не оружием.

- На сегодня достаточно. Вы свободны, адептка Касс. Иди-

те в лазарет, пока ваш артефакт не прожиг вас до кости.

Я только кивнула. Слов не осталось.

Себастьян Валор теперь не просто подозревал. Он знал: я не та забитая девчонка, которой должна была быть. Но самое страшное скрывалось в том видении: я увидела в его будущем ту же искру, что горела во мне. Мы оба были заложниками этой петли.

Выйдя в пустой коридор, я пошла к жилому корпусу. Теперь мне жизненно необходимо было дочитать «Резонанс Истины». Кажется, я поняла, почему Валор так боится смотреть мне в глаза. Он видит там не только мою гибель. Он видит там начало конца для всей Этернии. И, возможно, для самого себя.

Глава 16. Слезы Справедливости

Утро в Академии Светлых пахло одинаково - мятой, мелом и выбеленным до тошноты лицемерием. Но сегодня к привычному букету примешался новый, едкий аромат. Страх. Он не висел в воздухе - он впитывался в подошвы сапог, тянулся липким шлейфом из коридоров общежитий и кристаллизовался здесь, в Ротонде Очищения.

Я машинально поправила рукав, скрывая обожженное запястье. Багровая метка, оставленная вчерашней тренировкой Себастьяна Валора, пульсировала в такт моему пульсу. Казалось, под кожей застрял крохотный осколок битого стекла, который впивался в мясо при каждом движении. Магистр вчера не просто проверил мои щиты. Он вспорол мою уверенность, как старый нарыв, и теперь ждал, что же вытечет наружу. Его подозрительность была почти осязаемой, и колокольный звон, созвавший нас на полчаса раньше срока, только подтверждал - за вчерашний резонанс придется платить.

- Касс, ты так и будешь подпирать колонну? - Элоиза, чье лицо всегда напоминало фарфоровую маску святой, проплыла мимо. - Говорят, Инквизиция привезла «обновление». Будут проверять нас на чистоту помыслов. Тебе бы стоило три-

жды окунуться в купель, а то выглядишь так, будто всю ночь планировала переворот.

- Планировала, Элоиза. Но передумала - в Академии слишком плохой выбор ядов для праздничного ужина, - я выдавила самую безмятежную из своих улыбок.

Ротонда встретила нас ослепительным сиянием. Светлые любили избыточность: белые стены, золотая лепнина, магические светильники, которые не оставляли теням ни единого шанса. В центре на возвышении стояли трое. Тяжелые рысы цвета топленого молока выдавали в них артефакторов Внешней Инквизиции. На длинных столах перед ними поблескивали подносы. Сотни серебристых ободков - «Слезы Справедливости» нового поколения. В моем прошлом цикле такие надели на нас только за месяц до финала. В этот раз петля затягивалась на горле гораздо быстрее.

Себастьян Валор стоял поодаль. Его фигура, затянутая в безупречный мундир, казалась высеченной из темного базальта среди этого молочного моря. Он не смотрел на адептов. Он смотрел сквозь нас, пока его взгляд не зацепился за мое лицо. На мгновение лед в его глазах треснул, обнажив что-то острое и болезненное - отголосок вчерашней вспышки. Но маска вернулась мгновенно.

- В связи с выявленной нестабильностью магических потоков внутри периметра, - голос Верховного Инквизитора ударил по ушам, как молот по наковальне, - Совет принял решение усилить контроль. Каждый адепт с... нетипичным энергетическим профилем получит модифицированный артефакт. Это мера вашей собственной безопасности.

«Безопасность» в понимании Светлых всегда означала кандалы.

Очередь двигалась с пугающей четкостью. Я наблюдала, как мои сокурсники протягивают руки. Старые тонкие браслеты падали в коробки с сухим лязгом, а их место занимали широкие, покрытые вязью рун обручи. Когда настала моя очередь, инквизитор - старик с глазами цвета застывшей извести - долго сверялся со свитком.

- Марго Касс, - он произнес мое имя так, будто пробовал на вкус несвежее мясо. - Рапорт магистра Валора указывает на критический уровень потенциальной угрозы. Для вас подготовлен особый контур.

Я почувствовала, как пальцы сами собой сжались в кулак. Особый контур. На языке инквизиции это означало «медленная пытка». Я медленно протянула левую руку, открывая запястье с еще свежим ожогом.

Как только холодный металл коснулся кожи, Ротонда покачнулась. Это не была боль, которую можно перетерпеть стиснув зубы. Это было ощущение тотального вторжения. Браслет сомкнулся, и руны на нем вспыхнули ядовитым белым светом, выжигая остатки моего внутреннего тепла. Моя Тьма, та самая, что спасла меня в петле времени, глухо зарычала. Она столкнулась с этой новой серебристой клеткой и забилась в судорогах, пытаясь найти хоть крохотную лазейку.

Дышать стало тяжело. Не от нехватки воздуха - просто каждая молекула кислорода теперь казалась колючей, чужой. Магия Света, которой был заряжен артефакт, начала плавно вытеснять мой собственный фон, замещая его стерильной пустотой.

- Браслет адаптируется к вашему хаосу, адептка, - равнодушно заметил старик. - Если не будете сопротивляться, давление уменьшится. Если же продолжите лелеять свою злобу... что ж, артефакт напомнит вам о смирении.

Я сделала шаг назад, чувствуя, как колени наливаются свинцом. Металл на руке весил целую тонну. Каждое движение отдавалось гулом в затылке. Я чувствовала себя так, словно меня заживо замуровали в мраморную статую.

- Касс, задержитесь, - голос Валора настиг меня у самого выхода, когда я уже почти коснулась тяжелой дубовой двери.

Я развернулась медленно, бережно неся свою новую «ношу». Он подошел вплотную, нарушая все правила дистанции. Сегодня от него пахло не только мятой, но и чем-то грозным. Его магия больше не была колючей - она стала тяжелой, подавляющей, словно он пытался своим присутствием помочь браслету раздавить мой протест.

- Рапорт, магистр? - я не скрывала яда в голосе. - Решили, что вчерашнего унижения мне было мало? Решили проверить, сколько я протяну с этим ошейником?

- Я сделал то, что позволил мне устав, чтобы не вышвырнуть вас прямо сейчас за ворота, - он понизил голос до шепота, который обжигал не хуже его магии. - После того резонанса Инквизиция требовала вашего перевода в Изолятор. Подвалы, Марго. Без окон и без права на защиту. Этот браслет - ваша единственная гарантия того, что вы останетесь на свету.

- Какая ирония, - я вскинула бровь, игнорируя то, как «Слезы» начали кусать кожу в ответ на мою вспышку ярости. - Вы надеваете на меня цепи и называете это милосердием.

Артефакт высасывает из меня жизнь, Себастьян. Я чувствую себя пустой оболочкой.

- Значит, вы плохо стараетесь, - его глаза внезапно вспыхнули, и я увидела в них отражение своего собственного отчаяния. - Контролируйте не только потоки, но и саму мысль о сопротивлении. Руны реагируют на каждое ваше внутреннее «нет». Вы сами наказываете себя, Касс. Научитесь принимать неизбежное.

Он протянул руку, словно хотел коснуться моего лица или поправить воротник, но в последний момент его пальцы замерли. Он сжал кулак и резко опустил руку.

- Это только начало, - прошептала я, чувствуя, как глубоко под слоем навязанного Света просыпается упрямая искра. - Вы думаете, что расставили фигуры на доске и теперь контролируете ход. Но вы забыли: я уже видела, как рушатся ваши идеалы. И видела, как ваши хваленые «Слезы» превращаются в обычный пепел.

- Ваша вера в собственные галлюцинации погубит вас раньше, чем инквизиция, - отрезал он, и его маска снова стала непроницаемой. - Идите на лекции. И постарайтесь не... фонить. Любой всплеск за пределами допустимого - и я лично подпишу приказ о вашем аресте.

Я смотрела ему вслед. Прямая спина, уверенная походка человека, который точно знает, где проходит граница между добром и злом. Он не понимал, что в моем мире этой границы больше не существует.

Лионель, поджидавший меня в тени колоннады, отлепился от стены и преградил мне путь. Его белоснежная улыбка в этот раз выглядела особенно фальшиво, а в глазах плескалось торжество пополам с брезгливостью.

- Ну что, Марго? Твой новый покровитель оказался не таким уж ласковым? - он кивнул на браслет. - Выглядишь паршиво. Может, теперь ты станешь чуть более... покладистой? Я ведь все еще могу замолвить за тебя словечко перед отцом.

Я посмотрела на него так, как смотрят на грязную лужу на новой обуви.

- Покладистость - это к Элоизе, Лео. А мой стиль - это терпение. Знаешь, что самое забавное в этой штуке? - я приподняла руку, демонстрируя мерцающее серебро. - Она учит меня бить точнее. Чтобы не тратить драгоценную энергию на пустую болтовню с принцами, которые не видят дальше собственного носа.

Я прошла мимо него, намеренно задев его плечом. Запястье горело, магия внутри выла от боли, но в голове была ледяная, кристальная ясность.

Глава 17. Ожоги правды

Стены коридора казались покрытыми тонким слоем изморози, хотя Академия Светлых всегда славилась своим избыточным, почти агрессивным теплом. Я шла, придерживаясь пальцами за холодный камень облицовки, и каждый шаг отзывался в костях сухим треском. Магический резерв не просто опустел - он напоминал выжженное поле, где даже сорнякам не за что зацепиться.

В ушах всё еще стоял низкочастотный гул от нашего резонанса с Валором. Себастьян остался там, в полумраке зала №4, разглядывая свои ладони так, будто они внезапно покрылись чужой, несмываемой кровью. Я видела его смятение. Я кожей чувствовала его страх перед собственной силой, которая так охотно, так яростно откликнулась на мой темный зов. В прошлой петле он казался мне монолитом, несокрушимой скалой Света. В этой - я наконец нашла в нем трещину. И эта трещина сияла тем же цветом, что и моя собственная Тьма.

Браслет «Слез Справедливости» на моем запястье продолжал пульсировать багровым. Кожа под ним превратилась в сплошную полосу боли, но я даже не пыталась ослабить застежку. Это была честная цена за те крохи будущего, ко-

торые я успела выцепить из его сознания. Себастьян Валор - человек-лед, идеал чистоты и порядка - скрывал в себе ту же искру, что сейчас пыталась прожечь мне кость. Мы были связаны сильнее, чем он готов был признать. Сильнее, чем я была готова вынести.

- Адептка Касс? Вы выглядите так, будто вас жевал горгуль, а потом выплюнул за ненадобностью.

Я замерла, не обернувшись сразу. Голос принадлежал Эрику - одному из тех «золотых мальчиков», кто вчера на балу старательно делал вид, что моего винного платья не существует, а сегодня жадно ловил каждое мое движение. В его тоне теперь сквозило колючее любопытство. Я медленно, преодолевая тошноту, повернулась к нему. На лицо сама собой налезла маска той язвительной Марго, которую они так искренне ненавидели.

- Горгуль поперхнулся моей диетой из овсянки и вашего общего высокомерия, Эрик, - я привалилась плечом к стене, чувствуя, как предательски подкашиваются колени. - У тебя какое-то срочное дело ко мне, или мне продолжить свой увлекательный путь к обмороку?

Эрик отступил на полшага, его взгляд мгновенно приклеился к моему запястью. Я не успела прикрыть его рукавом, и

багровое свечение артефакта в полумраке коридора выглядело как открытая, кровоточащая рана. В стерильном мире Академии такие метки означали только одно: носитель опасно близок к Бездне.

- Валор переборщил, - пробормотал парень, и в его глазах на краткий миг промелькнуло нечто похожее на сочувствие, тут же раздавленное каменной гордостью. - Лионель ищет тебя по всей Академии. Он... скажем так, крайне не в духе после того, как ты бросила его на танцполе ради магистра. Весь факультет только об этом и шепчется.

- Лионель всегда не в духе, когда мир отказывается вращаться вокруг его безупречного профиля, - я заставила себя сделать шаг вперед, игнорируя вспышку боли в руке. - Передай нашему драгоценному принцу, что я занята. Умираю, например. Это очень энергозатратный процесс, требующий уединения.

Я оставила его стоять посреди коридора под косыми лучами магических светильников. Лазарет встретил меня привычным ароматом сушеной мяты и тем специфическим, едва слышимым гулом, который издают лечебные кристаллы высшего порядка. Сестра Марта возникла из тени прежде, чем я успела доползти до свободной кушетки. Её глаза, цвета выцветшего осеннего неба, мгновенно зафиксировали ха-

раक्टर ожога.

- Опять вы, деточка, - вздохнула она, и её прохладные руки, пахнувшие чистотой и горькими травами, перехватили мое предплечье. - Магистр Валор прислал вестника, что будет адептка, но он не упомянул, что вы решили устроить сеанс самосожжения.

- Это был всего лишь педагогический эксперимент, сестра, - выдохнула я, позволяя ей усадить себя. - Мы проверяли границы... терпения.

Как только она коснулась браслета лечебным жезлом, по жилам разлилась благословенная прохлада. Боль не ушла совсем, но перестала быть ослепляющей, превратившись в тупое, терпимое нытье. Я закрыла глаза, и тут же за веками вспыхнуло видение из зала №4: Себастьян, стоящий посреди руин Академии, и тьма, которая течет из его пальцев, как расплавленное, дымящееся серебро. Это был не просто «временной след», оставленный магией. Это было предупреждение самой реальности.

Петля времени, в которую я себя загнала, имела жесткие правила: за каждое изменение истории приходится платить не только силой, но и правдой. Я спасла себя от казни в этом цикле, но, похоже, подтолкнула к краю того, кто эту казнь

должен был утвердить.

- Ваша Тьма ведет себя странно, Марго, - голос сестры Марты стал совсем тихим, почти неразличимым на фоне гудения кристаллов. Она накладывала повязку, пропитанную экстрактом лунного камня. - Она не пытается поглотить окружающий Свет, как это обычно происходит у Темных. Она... ждет. Затаилась, словно зверь в высокой траве, который точно знает: добыча сама придет в ловушку. Не играйте с этим, девочка. Светлые не прощают тех, кого не могут понять.

- Я просто очень терпеливая, сестра, - ответила я, открывая глаза. - Терпение - единственная роскошь, которую я могу себе позволить.

Путь до жилого блока занял вечность. Каждый встречный адепт казался мне потенциальным врагом, каждый шепот за спиной - приговором. Когда замок на двери моей комнаты наконец щелкнул, я почувствовала почти физическое облегчение. Этот розовый уют, навязанный тетей Гертрудой, со всеми этими кружевными салфетками и ароматическими свечами, раньше вызывал у меня лишь ярость. Теперь же он казался мне идеальным камуфляжем. Камерой смертников, обклеенной веселенькими обоями.

Я сбросила сапоги и рухнула на кровать, не имея сил даже на то, чтобы расшнуровать корсет. Временной резонанс оставил в голове странное, вязкое эхо. Я отчетливо помнила, как в прошлой жизни Лионель дарил мне золотой кулон на окончание первого семестра. Он клялся в вечной верности, глядя мне прямо в глаза, а всего через три месяца лично проверял, достаточно ли плотно затянуты стальные кандалы на моих руках в подземелье.

Сейчас под моей подушкой пульсировал ледяным холодом осколок хроно-артефакта - та самая штука, что вернула меня назад. Он был мертвым на вид, но я знала: стоит мне снова подойти к критической точке, и он опять выпьет меня досуха, чтобы дать еще один призрачный шанс на спасение. Только вот сколько таких шансов выдержит моя душа, прежде чем окончательно рассыплется в прах?

В дверь постучали. Не робко, как обычно стучала Клара, и не требовательно-суетливо, как тетушка. Это был размеренный, тяжелый стук человека, который привык к абсолютному подчинению.

- Марго, я знаю, что ты там. Не заставляй меня звать коменданта.

Лионель. Его голос просочился сквозь дубовую панель.

Я медленно села на кровати. Тьма внутри меня лениво шевельнулась, откликаясь на его присутствие тихой вибрацией. Браслет под повязкой снова начал нагреваться, предупреждая о всплеске эмоций.

- Уходи, Лео, - крикнула я, стараясь, чтобы голос не дрожал от усталости. - Сегодня прием окончен. Принцы принимаются строго по записи в следующем десятилетии.

- Нам нужно серьезно поговорить о твоём поведении на вчерашнем балу и о том, что ты устроила сегодня в зале с Валором, - он не уходил. Я буквально видела, как он стоит там, поправляя свой безупречный шелковый воротничок и хмуря брови. - Ты привлекаешь слишком много ненужного внимания, Марго. Ты должна была быть тихой тенью, моей опорой, а не устраивать скандальные танцы и магические дуэли с магистрами. Ты забыла наш уговор?

- Уговор? - я вскочила, забыв о слабости. Магия гнева оказалась отличным топливом. Я подошла к двери и прижалась к ней лбом, чувствуя холод дерева. - Наш уговор, Лионель, заключался в том, что я буду твоей послушной декорацией. Красивой куклой, оттеняющей твоё величие. Но знаешь, в чем фокус? Декорации иногда имеют свойство падать. И обычно они рушатся прямо на голову тем, кто слишком заигрался на сцене.

- Ты бредишь, Касс. У тебя явно магическое истощение, - в его голосе прорезалось неприкрытое раздражение. - Открой дверь. Это не просьба, это приказ.

Я усмехнулась, чувствуя, как губы сводит горькая судорога. В прошлой жизни я бы уже дрожащими руками возилась с замком, лепеча оправдания. В этой - я просто щелкнула пальцами, позволяя крошечной, почти невидимой капле Тьмы просочиться сквозь замочную скважину. Я не хотела причинять ему боль. Пока нет. Я лишь создала локальный «временной сдвиг», заставив его чувства на мгновение закольцеваться.

За дверью послышался резкий, рваный вдох. Лионель отшатнулся. Дежавю - мой личный радар и мое самое опасное оружие - сработало безупречно. Теперь он будет стоять там и мучиться от ощущения, что этот разговор уже был, что он уже проиграл его давным-давно.

- Завтра, Лионель, - прошептала я, сползая по двери на пол, когда силы окончательно покинули меня. - Завтра ты получишь все свои ответы. Но боюсь, тебе очень не понравится та правда, которую я тебе приготовила.

Когда шаги принца наконец затихли в пустом коридоре,

я осталась сидеть в темноте, глядя на свои бледные руки. Моя история действительно писалась заново, буква за буквой, шрам за шрамом. И в этой новой главе чернил было гораздо больше, чем Света. И я была готова залить ими каждую страницу этой проклятой Академии.

Глава 18. Привкус пепла поутру

Утро в Академии Светлых обладало сомнительным талантом: оно вваливалось в комнату слишком ярким, слишком бодрым и тошнотворно оптимистичным. Зачарованные витражи дробили солнечные лучи, превращая их в пыточные иглы. Они впивались в мои веки. Я зажмурилась, но свет просачивался сквозь ресницы, окрашивая мир в кроваво-красный.

Попытка шевельнуться обернулась катастрофой. Тело отозвалось такой тяжелой, чугунной ломотой, что я едва не прикусила язык, подавляя стон. Вот она - честная цена за вчерашний фокус с временным сдвигом. Время - жадный ростовщик. Оно никогда не списывает долги, а я вчера задолжала ему слишком много секунд, вырванных из привычного хода вещей. Теперь каждая мышца ощущалась так, будто меня полночи растягивали на дыбе, проверяя суставы на прочность.

- Очнулась всё-таки? - голос Элоизы долетел со стороны окна, сухой и колючий, как перекасти-поле.

Соседка стояла у зеркала. Она методично расчесывала свои золотистые локоны, и каждое движение её щетки каза-

лось мне грохотом обвала.

- Знаешь, Касс, если ты планировала картинно скончаться от истощения прямо за порогом, могла бы выбрать коридор. Твои хрипы мешали мне сосредоточиться на трактате.

Я медленно, по сантиметру, села в кровати, вцепившись в одеяло. Мир качнулся. В голове зашумело, а во рту поселился стойкий привкус сухой полыни - верный признак того, что вчера я вычерпала магический резерв до самого дна, до вонючего илистого осадка.

- Рада, что мой предсмертный хрип внес разнообразие в твой досуг, - прохрипела я. Голос напоминал шелест старого пергамента. - Который час?

- Скоро лекция по Теории Чистого Света. Не явишься - и Валор лично выпишет тебе билет до ближайшего инквизиторского приюта. Кстати, о магистре... - Элоиза обернулась. В её глазах, обычно холодных, мелькнуло нечто, подозрительно похожее на жадное любопытство. - Вчера вечером он заходил.

Я замерла, забыв, как дышать.

- Валор? Сюда?

- Ну не Лионель же. Твой драгоценный принц, к слову, выглядел так, будто его только что прополоскали в чане с уксусом. Он метался по коридору, выплевывая проклятия про какие-то «неправильные двери». А потом пришел Валор. Прошел мимо Галланта так, словно тот - досадная куча мусора под ногами. Посмотрел на него... знаешь, Лионель сразу сдулся. Магистр постучал к нам, я сказала, что ты спишь мертвым сном.

Я непроизвольно взглянула на свое запястье. Манжет ночной сорочки скрывал ожог, но кожа под ним горела. «Слезы Справедливости» продолжали пульсировать тупой, изматывающей болью. Артефакт не просто зафиксировал всплеск Тьмы - он впился в меня, запоминая вкус моей силы.

- И что он сделал? - я постаралась, чтобы вопрос прозвучал максимально равнодушно.

- Ничего. Постоял с минуту, разглядывая дверь, будто видел тебя сквозь дубовые доски. А потом оставил это.

Элоиза кивнула на тумбочку. Там, среди моих записей, стоял крошечный граненый флакон из дымчатого стекла. Внутри колыхалась субстанция, похожая на жидкое ртутное серебро. Восстановитель резерва. Дорогой, редкий состав, который не выдавали адептам-первокурсникам даже за вы-

дающиеся заслуги.

- Не вздумай глушить всё разом, - язвительно добавила соседка, возвращаясь к волосам. - А то решишь, что ты на самом деле Светлая, и начнешь сиять в темноте. Учитывая твой нынешний землистый цвет лица, это будет смотреться пугающе.

Я протянула руку и коснулась флакона. Холод стекла мгновенно прошел пальцы разрядом дежавю. В той, прошлой жизни, Валор тоже давал мне это зелье. Но тогда это было актом брезгливого милосердия после того, как Лионель публично размазал меня по арене на тренировочной дуэли.

В этой реальности всё изменилось. Теперь это не милость. Это инвестиция. Магистр хочет, чтобы я была в форме, чтобы я продолжала свою игру. Для него я - аномалия, интересная задача, которую он намерен решить раньше, чем я окончательно взломаю его упорядоченный мир.

Преодолевая тошноту, я встала. Ноги дрожали. Вода в умывальнике оказалась ледяной и чересчур прозрачной - она словно упрекала меня в «нечистоте». Я плеснула ею в лицо, взглядываясь в отражение. Бледная кожа, провалы под глазами, упрямо сжатый рот. Марго Касс, темная ведьма, которая возомнила, что может переспорить Судьбу и выйти из этой

схватки живой.

Я начала одеваться, тщательно выбирая самую закрытую одежду. Высокий воротник-стойка, длинные рукава с тугими мелкими пуговицами. Ожог на запястье нужно спрятать. В Академии шрамы от ограничителей - это клеймо. Признак того, что твоя природа сильнее твоей воли.

- Ты идешь? - Элоиза уже подхватила сумку, сияя безупречностью.

- Иди, я догоню. Нужно... собрать мысли.

Когда дверь захлопнулась, я позволила себе на мгновение прислониться лбом к холодному дереву шкафа. В памяти всплывал вчерашний вечер. Лионель. Его ярость, его полное непонимание. Он привык, что я - предсказуемая шестеренка в его механизме. Его раздражение сейчас висело в воздухе Академии, как запах гари после пожара.

Я откупорила флакон. Сделала глоток. Жидкое серебро обожгло горло, проваливаясь в желудок тяжелым ледяным комом. По венам мгновенно ударил мороз. Магия возвращалась, но она не приносила тепла. Это была колючая, расчетливая энергия. Она заставила чувства обостриться до звона в ушах.

Я вышла в коридор. Учебный корпус гудел. Сотни адептов в белоснежных мантиях напоминали стаю сытых чаек. Они смеялись, обсуждали зачеты, и их беззаботность казалась мне личным оскорблением. Они жили в мире прямых линий. Мой же мир был спутанным клубком из пепла и крови, который я разматывала, сдирая кожу с ладоней.

У входа в аудиторию меня ждала засада. Лионель подпирал колонну, скрестив руки на груди. Солнечный свет падал на его золотые волосы, создавая ореол святости, который шел вразрез с хищным блеском глаз.

- Марго, - он шагнул вперед, преграждая путь. - Нам нужно закончить вчерашний разговор.

- Мне казалось, я расставила точки, Лионель, - я остановилась, чувствуя, как внутри ворочается Тьма, привлеченная его агрессией. Браслет на руке тут же отозвался предупреждающим уколом. - Или тебе нужно повторить по слогам?

- Ты ведешь себя так, будто у тебя есть выбор, - он понизил голос, склоняясь ко мне. От него пахло дорогим парфюмом и чем-то приторно-сладким. - Ты - Касс. Твоя семья в долгу у моей. И если ты думаешь, что твои нелепые фокусы с дверями что-то меняют...

- Фокусы? - я приподняла бровь, глядя ему прямо в зрачки. - О нет, Лео. Фокусы - это то, что ты показываешь своим восторженным фанаткам. То, что случилось вчера - это предупреждение. Не заходи в комнаты, от которых у тебя нет ключей. Особенно в мою голову.

Он открыл рот, но колокол ударил, возвещая о начале лекции. Толпа адептов хлынула внутрь, разрывая наше противостояние. Лионель успел лишь шепнуть мне на ухо, обдав горячим дыханием:

- Ты заигралась в самостоятельность. Но помни: в этой Академии я - закон. А ты - лишь досадная опечатка в его примечаниях.

Я промолчала, провожая его взглядом. Опечатка? Пускай. Но именно мелкие ошибки рушат самые великие империи.

В аудитории я сразу нашла глазами Себастьяна Валора. Он стоял у кафедры, листая массивный фолиант. Когда я вошла, его взгляд на долю секунды замер на моем воротнике, а затем переместился на лицо. В его глазах не было сочувствия. Там было ледяное, исследовательское ожидание. Он видел меня насквозь.

Валор знал, что я выпила его зелье. Знал, что я прячу ожог. И, судя по тому, как он едва заметно указал мне на

первую парту, он ждал от меня сегодня чего-то большего, чем просто умения держать спину прямо.

Лекция началась, но я не слушала его рассуждения о «гармонии световых потоков». Мой мир сузился до пульсации в запястье. Мне нужно найти способ блокировать «Слезы Справедливости» раньше, чем совет магистров решит проверить, что скрывается под моим шелком.

- Адептка Касс, - голос Валора разрезал гул аудитории. - Поскольку вчера вы проявили... избыточное рвение в практике, возможно, вы продемонстрируете нам принцип преломления через призму воли?

Я медленно поднялась. Все головы повернулись в мою сторону. Усмешка Лионеля, напряженная спина Элоизы.

- С удовольствием, магистр, - ответила я, выходя к столу.

Пальцы всё еще подрагивали, но я знала: сегодня я не дам этому свету ослепить меня. Я заставлю его служить. Даже если придется выжать из себя последнюю каплю той Тьмы, которую они так отчаянно пытались выжечь.

Магия магистра коснулась пространства вокруг меня - плотная, контролирующая, лишаящая воздуха. Это был вы-

зов. И я шагнула в него, чувствуя, как под блузкой снова расцветает багровый цветок моей новой, смертельно опасной правды.

Глава 19. Эффект искажения

Академия Светлых не знала пощады даже в мелочах. В шесть утра магические светильники, вмурованные в бело-снежные своды, выстрелили ослепительной белизной, выжигая остатки сна. Никаких мягких теней или неспешного рассвета. Только яростный, стерильный свет, от которого в висках начинала бить тяжелая, тягучая кровь. Истинные адепты в это время вскакивали с коек с восторженным трепетом. Я же чувствовала себя куском угля, который пытаются отбелить хлоркой.

В Большой Лекционной Аудитории пахло озоном и высокомерием. Воздух, пропущенный через очищающие чары, царапал горло. Я сидела, вжавшись лопатками в жесткую спинку скамьи, и старалась не выдать дрожи. Кожа под мантией зудела, словно от невидимых иголок.

Мое левое запястье горело. Широкий шелковый рукав скрывал багровую отметину, оставленную «Слезами Справедливости». Артефакт затаился, прикидываясь обычным украшением, но его мертвенный холод просачивался до самой кости. Вчерашний временной сдвиг не прошел даром. Каждая секунда переписанной реальности сейчас отдавалась во мне тошнотой и пустотой в магических каналах. Резерв высох. На дне плескалась лишь мутная искра Тьмы — та самая, которую я так отчаянно пыталась скрыть.

— Доброе утро, будущие опоры миропорядка.

Голос Себастьяна Валора разрезал гул голосов. Он вошел в аудиторию как хозяин, и полы его темно-серой мантии взметнулись, напоминая крылья ворона в стае белых голубей. Валор не улыбался. Его взгляд — острый, хирургический — проскальзывал по лицам адептов, пока не вонзился в меня.

В моей голове тут же шевельнулся «временной след».

Дежавю накрыло липкой волной. В той, прошлой жизни, эта лекция была невыносимо скучной. Я сидела на галерке, Лионель забавлялся, рисуя магические искры на моих волосах, а Валор сухо читал теорию. Тогда я была лишь фоном для чужого величия.

Сегодня всё изменилось. Я заняла место на первой парте, прямо под прицелом его серых глаз. Лионель сверлил мою спину взглядом где-то на верхних рядах. Я кожей чувствовала его кипящую ярость. Вчерашний отказ, запертая дверь, его растерянность перед моим внезапным отпором — я сорвала сценарий, к которому он привык. И реальность теперь вибрировала, словно натянутая струна.

— Тема лекции: «Резонанс и дестабилизация», — Валор ударил костяшками пальцев по кафедре. Гулкий звук эхом взлетел к потолку. — Многие из вас полагают, будто Свет непоколебим. Это опасная глупость. Достаточно одной капли примеси, одной крошечной аномалии, чтобы гармоничный поток превратился в хаос. Трещина на идеальном зер-

кале губит всё изображение.

Магистр подошел к демонстрационному столу. Там, на черном бархате, покоился гигантский кристалл горного хрусталя. Напитанный чистейшей энергией, он сиял так, что смотреть на него было больно.

— Адептка Касс. К доске.

Валор не предлагал. Он выставлял меня на позор.

За спиной послышалось ехидное шипение Элоизы: — Смотрите-ка, сейчас наша «Золушка» расплавится. У неё же резерв размером с наперсток.

Я поднялась. Ноги казались чужими, налитыми тяжелым свинцом. Каждое движение требовало колоссального усилия воли. Переписывание истории имело свою цену, и сегодня я платила её сполна физической немощью.

Я подошла к столу. Валор стоял вызывающе близко. От него пахло можжевельником и ледяным ветром — аромат, лишенный слащавости, присущей другим Светлым. В нем ощущалась мощь, которая не подавляла, а требовала безусловного подчинения.

— Ваша задача, Марго, — он впервые произнес моё имя при всех, и в аудитории стало так тихо, что я услышала чей-то задержанный вдох. — Пропустите через себя поток кристалла. Верните его в накопитель, не исказив ни единого вектора. Продемонстрируйте нам свою... чистоту.

Ловушка. Прямая, как удар инквизиторского меча. Пропущу энергию через каналы — и «Слезы Справедливости»

мгновенно среагируют на мою Тьму. Попробую заблокировать поток — кристалл помутнеет, выдав мое истинное нутро.

Я положила ладони на ледяную грань хрустала.

Свет ударил мгновенно. Это не было теплом — это было расплавленное золото, которое стремилось выжечь мои вены изнутри. Магия Светлых не лечила, она инспектировала. Она рыскала внутри меня, выискивая тени, чтобы превратить их в пепел.

«Пустота. Стань пустотой», — приказала я себе.

Я не стала бороться. Борьба — это сопротивление, а сопротивление рождает тепло, которое выдаст меня. Вместо этого я применила технику Магов Изнанки — то, чему я научилась за мгновение до казни в своей прошлой жизни. Я создала внутри себя зеркальный лабиринт. Позволила Свету течь через меня, как через прозрачное стекло, не позволяя ему коснуться ни единого магического нерва.

Мир вокруг начал выцветать. Краски аудитории померкли, превращаясь в серые пятна. Время замедлилось до тягучего меда. Я видела, как медленно моргает Валор, как застыла в воздухе пылинка в луче света.

Браслет на запястье накалился. Сначала он просто покусывал кожу, затем начал вгрызаться в неё раскаленными зубами. Боль ослепляла, но я не убирала рук. Еще секунда... еще полвздоха...

Я резко оттолкнулась от стола. Кристалл вспыхнул прощальным сиянием и затих. Он остался идеально прозрачным.

ным. Никакой Тьмы. Никаких искажений.

Тишина в зале стала осязаемой. Я слышала только собственное хриплое дыхание. Валор смотрел на кристалл, затем перевел взгляд на мои пальцы, которые я судорожно сжала в кулаки. В его глазах что-то изменилось. Холодное исследовательское любопытство сменилось чем-то похожим на... признание опасности.

— Невероятно, — почти неслышно произнес он. — Такое самообладание при почти пустом резерве. Либо вы — редчайший природный феномен, адептка Касс, либо вы — самая искусная лгунья, которую я встречал.

Я выдавила из себя слабую, язвительную улыбку. — Разве в этих стенах учат лгать, магистр? Нам же твердят, что Истина — единственный путь.

— Истина часто бывает неудобной, — он резко развернулся к притихшим студентам. — Лекция окончена. Все свободны. Адептка Касс, останьтесь.

Я замерла, чувствуя, как внутри всё обрывается. Элоиза, проходя мимо, задела меня плечом и демонстративно фыркнула, но мне было плевать на неё. Лионель задержался у дверей. Его лицо превратилось в маску холодного расчета. Он не понимал, как «пустышка» справилась с кристаллом, и это незнание сводило его с ума. Он чувствовал, что его власть надо мной ускользает.

Когда последняя дверь захлопнулась, тишина стала угрожающей. Валор медленно обходил стол, словно хищник,

присматривающийся к жертве.

— Вчера вы были в лазарете, — он не спрашивал, он констатировал. — Ингвильд утверждает, что вы здоровы. Но ваша аура... Марго, она выглядит так, будто по ней прошло стадо демонов. Что вы сделали со своим временем?

Мой внутренний «радар» просто взвыл. Он видел меня насквозь. Или думал, что видит.

— Плохие сны, магистр. Прошлое иногда имеет дурную привычку кусаться по ночам, — я заставила голос звучать ровно, хотя в коленях поселилась предательская слабость. — Это противоречит уставу?

— Обман магистра — вот что противоречит уставу, — Валор внезапно сократил расстояние между нами.

Одним рывком он перехватил мое левое запястье и задрал рукав. Багровое кольцо от артефакта горело на бледной коже как клеймо позора. Металл «Слез Справедливости» еще не остыл.

— Артефакт реагирует на диссонанс, — прошептал он, и его дыхание коснулось моего виска. — Вы не «пустышка», Марго. Вы — воронка. Вы всасываете Свет и превращаете его в ничто. Отвечайте: кто научил вас технике Изнанки?

Я посмотрела ему прямо в глаза. В этот момент я видела в них не мучителя, а того единственного человека, который в моей памяти не отвел взгляда, когда палач занес топор.

— Жизнь научила, Себастьян. — Я специально отбросила формальности. — Жизнь — паршивый учитель, но она

очень доходчиво объясняет, как не сдохнуть, когда тебя припирают к стене.

Он замер. Его пальцы, сжимавшие мое запястье, на мгновение дрогнули. Между нами вспыхнул тот самый резонанс. Магия Света в его жилах и Тьма в моих вошли в зацепление, создавая странную, пугающую гармонию. Это не причиняло боли — это ощущалось так, словно две части разбитого мира наконец-то нашли друг друга.

— Себастьян? — переспросил он, и в его голосе прорезалось замешательство.

— Оставим подробности для ваших «дополнительных занятий», — я высвободила руку. — А сейчас мне пора на завтрак. Говорят, овсянка в Академии отлично помогает сохранять ясность ума. Или окончательно его лишает.

Я развернулась и пошла к выходу, стараясь не упасть. Каждый шаг давался как подвиг. Эффект искажения сработал. Я не знала, станет ли Валор моим спасением или моим концом в этой петле, но одно было ясно: Лионель Галлант больше не был хозяином моей судьбы.

Привалившись к холодной стене в коридоре, я закрыла глаза. Мир всё еще был серым, а в ушах стоял тонкий, изматывающий звон. Но в этой пустоте я четко видела одну картинку: Лионель в своем кабинете, в ярости сжимающий древний свиток.

Глава 20. Теневая вуаль

Я почти бежала по анфиладам Академии, не позволяя себе обернуться. Спину жгло - я кожей чувствовала тяжелый, препарирующий взгляд магистра Валора. Он стоял там, в тени книжных стеллажей, и наверняка видел, как дрожат мои пальцы, вцепившиеся в ремешок сумки. В сумке, скрытая под ворохом конспектов по «Основам Светоносности», лежала украденная книга. Мой личный смертный приговор в сером переплете.

Каждый шаг отдавался в висках набатом. «Слезы Справедливости» на запястье не просто пульсировали - артефакт вгрызлся в кожу ледяными иглами, реагируя на мой страх и ту Тьму, что всколыхнулась в библиотеке. Себастьян Валор... Магистр, который видел меня насквозь в той, прошлой жизни, и который сейчас, кажется, начинал подбирать ключи к замкам, которые я еще даже не успела навесить. Резонанс между нами не утихал. Он тянулся ядовитой нитью, заставляя воздух вокруг меня вибрировать.

Добравшись до своей комнаты, я первым делом заперла дверь на три оборота. Дрожащими руками выплела заклинание «тишины». Светлое плетение далось с трудом, отозвавшись привычным привкусом меди на языке и легкой тошнотой.

той. В этой стерильной обители Света даже простейшая защита ощущалась как насилие над собственной сутью.

Я вывалила добычу на кровать. Серый переплет в тусклом свете ночника выглядел пугающе органично, словно книга была обтянута не кожей, а живой, иссушенной плотью. На обложке, где в библиотеке я видела пустоту, теперь проступали знаки. «Хроники Искажений: Пепел и Время». Название обожгло память. В прошлой петле об этой книге шептались только в казематах инквизиции.

Я открыла первую страницу, и мир вокруг перестал существовать.

Вместо букв на меня хлынули чужие, промозглые воспоминания. Это не был текст в привычном понимании - скорее, застывший слепок сознания того, кто жил до начала эпохи Великого Света. Я увидела небо, которое никогда не знало чистоты - оно было затянуто жирным, липким пеплом. Увидела людей, чьи тени жили своей жизнью, извиваясь у ног, как голодные звери. И Жнецов.

Они не походили на чудовищ из детских страшилок. Высокие, тонкие фигуры, сотканые из абсолютного Ничто. Там, где проходил Жнец, реальность просто переставала быть. Маги Светлых рассыпались серой пылью, не успевая

вскинуть посохи. Время вокруг них сворачивалось в узлы, пожирая само себя.

Дежавю вспыхнуло с такой силой, что я едва не захлопнула книгу.

«Это уже случилось. Не со мной. С этим миром. Мы просто движемся по кругу, который кто-то начертил пеплом».

Я судорожно перелистывала страницы, пока взгляд не зацепился за схему. Два кольца - золотое и угольно-черное, вплетенные друг в друга так тесно, что невозможно было понять, где заканчивается одно и начинается другое. Внизу, корявым, почти нечитаемым почерком была выведена фраза: «Равновесие - это не отсутствие борьбы. Равновесие - это единство двух разрушений. Лишь тот, кто примет в себе оба начала, сможет взглянуть в глаза Жнецу и не ослепнуть».

- Единство разрушений, - прошептала я, и слово отозвалось во мне странной, пугающей полнотой.

В Академии нас пичкали догмами о том, что Тьма - это паразит, опухоль на теле мироздания. Себастьян Валор, при всей его сложности, был апологетом этого порядка. По крайней мере, он так себя вел. Но почему тогда его магия так жадно тянулась к моей? Почему наш резонанс не испепелил нас на месте, а создал ту невозможную гармонию в зале для

тренировок? Он боится этой книги не потому, что она темная. Он боится её, потому что она правдивая.

Внезапно в коридоре раздались шаги. Я замерла, мгновенно записывая книгу под подушку и гася свечу одним движением руки. Сердце колотилось о ребра, как обезумевший маятник. Шаги были тяжелыми, уверенными. Они затихли прямо перед моей дверью.

Я затаила дыхание, боясь даже моргнуть. Артефакт на запястье начал медленно накаляться, обещая оставить новый ожог. Если это Лионель решил продолжить свои ночные излияния, я клянусь - я прокляну его так, что он забудет, как дышать, не говоря уже о своих претензиях на мою любовь. Но магия за дверью ощущалась иначе. Холодное серебро, запах озона и скрытая мощь горного обвала.

Валор.

Он стоял там долго. Я почти физически ощущала его сомнение. Чувствовал ли он то же, что и я? Эту иррациональную, болезненную тягу? Желание сорвать все маски, отбросить притворство и признаться, что мы оба - лишь щепки в водовороте времени?

Через вечность шаги удалились. Я выдохнула, чувствуя,

как по позвоночнику стекает холодная капля пота. Мой магический резерв напоминал пересохший колодец. Если завтра на занятиях по ментальной защите магистр решит нажать чуть сильнее, я рассыплюсь. Он найдет Хроники. Он увидит мои воспоминания о плахе. И тогда петля затянется на моей шее окончательно.

Я снова вытащила книгу. Мне нужно было решение. Немедленно.

Ближе к концу тома я наткнулась на описание ритуала «Теневой Вуали». Он обещал скрыть истинную суть мага под слоем «ментального мусора». Плата была проста: капля крови и готовность впустить в себя первородный хаос.

- Ну что ж, хаоса мне не занимать, - горько усмехнулась я, глядя на свои дрожащие ладони.

Я достала из потайного кармана мантии маленькое лезвие. Короткий, злой надрез на ладони - и по коже потекла густая, темная кровь. Боль подействовала как ледяной душ, возвращая ясность мыслям. Я прижала окровавленную руку к пустой странице в конце книги, как того требовала инструкция.

Комната поплыла. Тени в углах зашевелились, отделяясь от стен. Они поползли ко мне по полу, как послушные, гиб-

кие змеи. Они обвивали мои ноги, поднимались к груди, шептали что-то на языке, который я понимала не умом, а самой кровью. Это не пугало. Напротив, я чувствовала себя так, будто после долгих лет в тесной, душной одежде мне наконец позволили её скинуть.

«Скрой то, что видит око Света. Сохрани то, что помнит сердце Тьмы», - мой голос звучал глухо, словно из-под воды.

Тьма хлынула в мои вены, заполняя пустые каналы. «Слезы Справедливости» на запястье взвыли. Камень в браслете раскалился добела, пытаюсь подавить всплеск чужеродной силы. Кожу жгло невыносимо, запахло паленой плотью, но я лишь крепче сжала пальцы на страницах. Я не позволю жалкому куску железа решать, кем мне быть.

В какой-то момент боль достигла пика, вспыхнула сверхновой и... резко оборвалась.

Я открыла глаза. В комнате царил тишина. Тени послушно вернулись на свои места. Браслет на руке больше не светился - он стал тусклым, серым, как дешевая бижутерия. Я прислушалась к своему внутреннему источнику. Моя магия теперь лежала глубоко под слоем «вуали». Для любого внешнего наблюдателя я превратилась в посредственную, едва одаренную адептку, чей предел - зажигать свечи и чистить

мантии бытовыми искрами.

Но внутри я ощущала себя взведенным арбалетом.

Я спрятала книгу в тайник под расшатанной половицей, который заметила еще в первый день. Завтра будет битва. Себастьян Валор не привык к загадкам, которые он не может разгадать, а я не привыкла проигрывать партию, когда на кону моя голова.

Сон пришел тяжелый, душный. Мне снова снился эшафот. Площадь была залита ослепительным, мертвенным светом. Лионель стоял на трибуне, держа за руку какую-то безликую блондинку - мою идеальную светлую копию. А Себастьян... Себастьян стоял прямо за спиной палача. В его руках был не приговор, а тот самый серый том. Он смотрел на меня, и в его глазах плескалось то самое Ничто, которое я видела в Хрониках.

- Беги, Марго, - его голос прозвучал прямо у меня в голове. - Беги, пока часы не пробьют полночь.

Я подскочила на кровати от резкого звона колокола. Солнце беспардонно врывалось в окно, заливая комнату тем самым «правильным» светом, от которого у меня всегда начинала болеть голова.

- Овсянка, - прохрипела я, садясь и ощупывая забинтованную ладонь. - Снова эта проклятая овсянка и ментальный садизм Валора. Идеальный сценарий для самоубийцы.

Я встала, расправляя затекшие плечи. Горничная уже деликатно постучала в дверь, оставив поднос с завтраком. Та же безвкусная серая масса в идеально белой тарелке. Те же дежурные улыбки в коридоре.

Но сегодня всё ощущалось иначе. Завеса работала. Я видела фальшь в каждом движении окружающих, слышала фальшивые ноты в их голосах. Академия больше не казалась мне незыблемой крепостью - это была лишь декорация, за которой скрывалась бездна.

Выходя из комнаты, я едва не впечаталась в Лионеля. Он выглядел паршиво: покрасневшие глаза, дергающееся веко. Похоже, мой вчерашний «подарок» у двери обеспечил ему веселую ночь в компании собственных кошмаров.

- Касс! - он преградил мне путь, бесцеремонно хватая за локоть. - Что ты устроила вчера? Я полчаса не мог сдвинуться с места, чувствуя, что этот чертов разговор уже был!

Я медленно перевела взгляд на его пальцы, сжимающие

мою мантию. Вуаль сработала безупречно: он не почувствовал угрозы, не уловил ни грамма той силы, что бурлила во мне. Для него я оставалась всё той же Марго, которую можно было сломать одним словом.

- Вам стоит меньше пить на ночь, Лионель, - я мягко, но решительно высвободила руку. Моя маска невинности была идеальной. - Галлюцинации и приступы дежавю - первый признак магического переутомления. Или, что вероятнее, избытка самомнения. А теперь извините, я не хочу заставлять магистра Валора ждать. Вы же знаете, как он трепетно относится к дисциплине.

Я оставила его стоять посреди коридора. Его ярость теперь была мне безразлична - он был лишь мелкой помехой в большой игре.

Идя к залу №7, я ловила на себе шепотки. «Та самая, что танцевала с Валором», «Темная выскочка», «Долго ли она продержится?». Для них я была лишь экзотическим развлечением, яркой искрой, которая скоро погаснет.

Они не знали, что я - это пожар, который они сами же и разожгли.

Перед дверью зала для ментальных практик я замерла на

секунду, проверяя свои щиты. Внутри вибрировало присутствие Себастьяна. Его аура была острой, концентрированной, как кончик рапиры, приставленный к горлу. Я поправила рукав, скрывая браслет, и толкнула тяжелую дубовую дверь.

- Адептка Касс, - он не обернулся, продолжая выстраивать на столе пирамиду из резонирующих кристаллов. - Вы опоздали на тридцать две секунды. Начнем с того, что вы объясните мне, почему ваша аура сегодня выглядит так, будто её пропустили через измельчитель для мусора.

Я вошла, чувствуя, как за спиной захлопывается ловушка. Битва за правду только начиналась, и в этот раз я не собиралась сдаваться без боя.

Глава 21. Клятва молчания

- Объясните, адептка Касс.

Голос Себастьяна повис в воздухе, как морозный узор на стекле. Он стоял у стола с кристаллами, не касаясь их. Пальцы сцеплены в замок.

Я замерла у двери. За спиной щелкнул замок - глухо, окончательно.

- Я плохо спала, магистр. Приснился старый знакомый. Советовал держаться подальше от людей с лишними вопросами.

- И что вы ответили?

- Что я не умею следовать советам.

Себастьян сделал шаг из-за стола. Медленно, как груз на фуникулере. Воротник расстегнут на верхнюю пуговицу, волосы влажные - будто он только что умывался после бессонной ночи.

- Подойдите.

Приказ, от которого воздух в зале набух тяжестью. «Слезы Справедливости» на запястье молчали - тусклые, серые. Вуаль работала. Но внутри, под слоем пустоты, Тьма сворачивалась в узлы.

Три шага. Остановилась на расстоянии вытянутой руки. Достаточно далеко, чтобы не чувствовать его дыхание. Достаточно близко, чтобы его магия коснулась края моей маскировки - как пальцы слепца по шершавому стеклу.

- Сегодня ночью, - его голос упал до шепота, - я стоял у вашей двери.

- В коридорах много дверей, магистр.

- Вы не спали. Я чувствовал ваш страх. А потом он исчез. Полностью. Сразу. - Он наклонил голову, прядь волос упала на лоб. - Так бывает только когда страх сменяется принятием. Что вы приняли, Марго?

Мое имя в его устах прозвучало как обвинение. Или мольба.

- Что я не смогу вам угодить. Что вы будете искать изъяз, пока не найдете. И что к тому моменту мне будет всё равно.

- Вы лжете.

Он поднял руку. Я не отшатнулась. Пальцы замерли в дюйме от моего виска - там, где под кожей пульсировала нить времени.

- У вас внутри что-то течет. Не кровь. Не магия. Это... - он запнулся, - второй пульс. Чужой.

Тьма взметнулась. «Слезы» дрогнули - короткая серебристая вспышка. Вуаль дала трещину.

- Уберите руку.

- Или что? - пальцы коснулись моей кожи - сухие, пахнущие мятой. - Вы меня оттолкнете? Прямо здесь, где каждый кристалл пишет отчет в Совет?

- А вы? - я шагнула вперед. Его рука скользнула мне за ухо, замерла на затылке. - Вы готовы засунуть руку в осиное гнездо, магистр?

Мы дышали одним воздухом. Его - мятным. Моим - с привкусом железа после ритуала.

- Покажите мне, - прошептал он. - Не кристаллам. Не Совету. Мне.

Я позволила Вуали схлопнуться.

Тьма вырвалась не ударом - вздохом. Из моих пальцев потянулись нити - серые, почти прозрачные, как дым от сырых поленьев. Воздух в зале стал горьким, сладковатым - запах сухой полыни и старого пепла.

«Слезы» взвыли. Браслет засветился багровым, впиваясь в кожу.

- Это, - мой голос звучал глухо, - то, что вы ищете. То, что боитесь найти. Я не Темная. Я - та, кто уже умерла. И вернулась, чтобы не повторять ошибок.

Глаза Валора расширились. Его магия Света вступила в контакт с моей Тьмой. Не столкновение - слияние. Два потока, которые не знали, что текут к одному морю.

- Остановись, - выдохнул он. Перешел на «ты».

Первый кристалл на столе лопнул. Звук - как костяшка, которой щелкнули слишком сильно. Второй. Третий.

Багровое сияние браслета ударило такой болью, что я вскрикнула - коротко, сквозь зубы. Кровь брызнула на его манжету. Капли впитывались в ткань, оставляя светящиеся следы.

- Марго!

Он схватил меня за руки. Прижал к груди. Его Свет хлынул в меня - кипятком в промерзшие вены. Боль была адской. А потом границы между нами исчезли.

Кристаллы вспыхнули все разом. Белое пламя, ослепительное. Защитный купол зала дрогнул. Где-то в коридоре завывала сигнализация.

- Отпусти, - прохрипела я. - Или мы оба...

- Не могу.

Его пальцы стали горячими. Невыносимо. Я чувствовала его пульс - или это был мой? Время замедлилось, растеклось патокой. Магия Изнанки вцепилась в его Свет и тянула. Как корни тянут воду из земли.

- Ты... пьешь меня, - в его глазах мелькнул ужас.

Он был прав. Резерв пуст. Тьма, получив свободу, всасывала единственный источник.

Пальцы Валора разжались. Он не оттолкнул меня - он рухнул на колени.

Так быстро. Человек, который казался скалой, сломался за три удара пульса. Лицо белое, как мел, из носа потекла тонкая струйка крови - черной, почти угольной.

- Нет...

Я упала рядом, перехватила его за плечи. Тяжелый. Горячий. Слишком горячий. Свет, который я высосала, жег изнутри, перегружая пустые каналы.

Сигнализация стихла. В тишине я слышала только его дыхание - хриплое, рваное.

- Себастьян.

Я коснулась его щеки. Кожа горела.

Он открыл глаза. Мутные.

- Ты... говорила... что не умеешь угодить...

- Заткнись.

- А ты... боишься?

Я не ответила. Разорвала подол мантии, прижала ткань к его лицу.

- Вставай. Нужно уйти, пока сюда не прибежала стража.

Он попытался подняться - ноги не слушались. Пришлось перекинуть его руку через плечо. Жест, который я видела у сестер милосердия в прошлой жизни.

Мы вышли в коридор за секунду до того, как в зал ворвались дежурные магистры. Я потащила Себастьяна в противоположную сторону - туда, где не было камер слежения. Тусклые лампы, пыльные ниши. Запах старого дерева.

- Куда мы... - начал он.

- В твои покои. Там нет артефактов слежения.

Он не спорил. Уронил голову, позволил тащить.

Квартира магистра располагалась в восточной башне.

Ключ я нашла в его кармане - теплый, нагретый телом. Дверь открылась, и мы ввалились внутрь.

Никакого белого мрамора. Темное дерево, высокие окна с тяжелыми портьерами. Книги лежали везде - на полу, на стульях, на подоконниках.

Я усадила его на кровать и опустилась на колени рядом.

- Раздевайся.

- Что?

- Мантия пропитана кровью. Яд моей магии еще не выветрился.

Он не пошевелился. Я сделала сама. Пуговицы на мундире поддались с сухим щелчком. Ткань сползла с плеч, открывая бледную кожу, исчерканную старыми шрамами. Длинные, рваные - будто кто-то пытался вырвать из него что-то когтями.

- Что это? - я коснулась самого глубокого - от ключицы до сердца.

- Результат первой встречи с тем, кого я не смог убить, -

его голос был ровным. - Ты не единственная, кто знает вкус поражения.

Я убрала руки. Села на пол, прислонилась спиной к кровати.

- Ты единственный, кто может меня убить. И единственный, кто может спасти. А я устала быть одна.

Он молчал. Потом сполз с кровати и сел рядом. Плечом к плечу.

- Расскажи, - попросил.

- Если расскажу - не поверишь.

- Я уже видел, как твоя магия пьет мою. Поверь, после этого я поверю во что угодно.

Я закрыла глаза. Тьма внутри свернулась в колючий клубок.

- Лионель. Через три месяца он устроит переворот. Убьет короля. Обвинит меня и темных. Я знаю, потому что уже прожила этот год. До конца. До плахи. До того, как твоя подпись поставила точку в моем приговоре.

Я не смотрела на него. Боялась увидеть холодное презрение.

- Я не прошу верить. Я прошу не мешать. Дай мне закончить этот год. Не сажай в казематы. Не отдавай Лионелю. А если через три месяца ничего не случится - я сама приду к тебе с браслетом на шее.

Он смотрел долго. Я считала удары пульса. Двадцать. Сорок.

- Ты просишь клятву, - наконец произнес. - Не вмешиваться. Не арестовывать. Наблюдать и ждать.

- Да.

- А если ты ошибаешься?

- Тогда я сама уйду.

Он протянул руку. Ладонь вверх - как на балу, когда приглашал на танец. Но сейчас не вызов. Запрос на доверие.

- Я не даю клятв на крови. Не темный. Но могу дать слово.

Я вложила ладонь в его. Пальцы сплелись - горячие и холодные, светлые и темные.

- Я не буду тебя преследовать. Не буду пытаться выжечь Тьму. - Он помолчал. - Но если ты врешь...

- Я не вру.

- Лионель убил короля в том будущем. А что сделала ты?

Я посмотрела в его глаза.

- Пыталась его остановить. Ты мне не поверил. Приговорил к смерти. Я умерла.

Тишина набухла в комнате, опустилась на плечи. За окном ухнула сова.

- Значит, в этой жизни нам обоим есть что искупать, - сказал он.

Не убрал руку. Я тоже.

- Договорились.

За окном начинался рассвет. Серый, холодный. Первый

день перемирия.

Глава 22. Пропажа принца

Рассвет за окном Валора оказался обманчивым. Серые полосы, которые я приняла за покой, через час превратились в липкий, назойливый свет. Он протискивался сквозь тяжелые портьеры, оседал на книгах, на полу, на лице Себастьяна, который так и не сомкнул глаз.

Я сидела на полу, прислонившись к его кровати. Спина затекла, в коленях поселилась тупая боль - расплата за ночь, проведенную в позе сломанной куклы. Манжета левой руки пропиталась запекшейся кровью. «Слезы Справедливости» под ней молчали - серые, мертвые. Вуаль держалась, но я чувствовала: трещина стала глубже.

- Ты должна уйти, - голос Себастьяна прозвучал глухо, с хрипотцой, которой я раньше не слышала.

Он сидел на кровати, откинувшись на подушки. Белая рубашка без мундира делала его моложе - и уязвимее. Темные круги под глазами, впалые щеки. Я высосала из него слишком много. Не смертельно, но ощутимо.

- Скоро начнутся лекции. Если меня хватятся...

- Я имел в виду - уйти из Академии. Прямо сейчас.

Он смотрел на меня - не как магистр на адептку, а как человек, который только что увидел, как его мир дает трещину.

- Вчера кристаллы зафиксировали всплеск. Они не поняли, что именно произошло, но сигнал ушел в Совет. Будут

проверить всех, кто был поблизости.

- Меня не проверят. Вуаль...

- Вуаль не выдержит повторного сканирования. - Он откинул одеяло, встал. Пошатнулся, ухватился за спинку кровати. - Я дал слово не преследовать тебя. Но если Совет назначит тотальную инспекцию, я не смогу тебя прикрыть.

Я подошла ближе. Остановилась в шаге.

- Прикрывать не надо. Достаточно просто не мешать.

Он усмехнулся - безрадостно, одними уголками губ.

- Ты ничего не понимаешь, Марго. Они не просто ищут аномалии. Они ищут козлов отпущения. А ты... ты идеальная мишень. Сирота из обедневшего рода, темная наследница, которую никто не будет защищать.

- Кроме тебя.

Он протянул руку. Коснулся моей щеки - тыльной стороной ладони, едва-едва. Кожа у него была сухой и прохладной.

- Кроме меня. Похоже, я сошел с ума.

Я вышла через черный ход - узкую винтовую лестницу, которая вела прямо в библиотечный тупик.

Коридоры Академии гудели иначе, чем обычно. Не тем ровным, скучающим шумом, который сопровождает утренние переходы. Сегодня этот гул был тревожным, рваным, как дыхание на финишной прямой.

- Ты слышала? - Тильда налетела на меня у входа в столовую. Лицо белое, волосы растрепаны - она явно не спала всю ночь.

- Что случилось?

- Лионель пропал. Вчера вечером ушел на тренировку и не вернулся.

В прошлой петле этого не было. Лионель никогда не пропал. Слишком осторожен, слишком расчетлив. Исчезновение значило одно: мое вмешательство что-то сдвинуло.

- Ищут?

- Всю ночь. Магистры подняли тревогу. - Тильда понизила голос. - Говорят, кто-то уже предлагает проверить Темное крыло.

- Темное крыло закрыто два года.

- А ты думаешь, это кого-то остановит?

В столовой было душно. Адепты сидели по углам, перешептывались. Фразы застревали у них в горле, когда я проходила мимо.

Элоиза заняла наш столик.

- Слышала, тебя вчера вызывали к Валору, - сказала она, когда я поравнялась с ней. - После занятий.

- Это тебя не касается.

- Касается. Потому что после того, как ты ушла, в зале номер семь что-то взорвалось. Магистр Валор весь вечер не показывался. А сегодня пропал Лионель.

Она не знала. Просто тыкала пальцем в темноту.

- У тебя богатое воображение, - сказала я. - Жаль, что оно не работает на зачетах.

За дверью столовой раздался резкий, пронзительный звук

- сигнал общей тревоги.

Такой я слышала только раз. В день, когда началось.

Все замерли. Кто-то выронил чашку - фарфор рассыпался по мрамору сухим звоном.

- Всем оставаться на местах, - голос магистра Торна разнесся под сводами. - Принц Лионель обнаружен. Он жив.

Тильда выдохнула.

- Однако он в критическом состоянии. Магистры работают над восстановлением. Вход в лазарет запрещен.

- Что с ним случилось? - крикнули из задних рядов.

- Следствие ведется. Пока всё, что вы должны знать - он не умер.

Я выскользнула из столовой, когда все бросились к дверям.

Коридоры опустели. У лазарета стояли двое стражей в золотых мантиях - личная гвардия короля.

- Адептка, вам сюда нельзя.

- Я и не собиралась.

Библиотека сегодня пустовала. Я нырнула в отдел временных аномалий, туда, где полки кусались. Теперь я знала, как с ними разговаривать.

- Мне нужно знать, где тeneвая тварь могла оставить след, - прошептала я, касаясь пальцами ближайшего корешка.

Книга не ответила. Но полка скрипнула, и из щели между томами выпала карта. Старая, сложенная в несколько раз, с обгоревшими краями. Бумага пахла плесенью и пылью - той

особенной, какая бывает только в забытых архивах. На карте алела метка: овраг за восточным лесом - место, которое в прошлой петле служило убежищем для контрабандистов.

Я спрятала карту в рукав и вышла.

На крыльце главного корпуса меня ждал сюрприз.

Себастьян прислонился к колонне и курил - я даже не знала, что магистры Света позволяют себе такие человеческие слабости. Сигарета тлела в его пальцах, дым тянулся вверх. Перила под моей ладонью оказались шершавыми, покрытыми мелкими трещинами - мороз этой зимы оставил след даже в камне.

- Ты знал, - сказала я, подходя.

- О чем именно?

- О пропаже. О том, где он.

- Догадывался.

- Кто это сделал?

- Пока не знаю. - Он выпустил дым в сторону. - Но тварь, которая на него напала, была не из леса. Её призывали.

- Темные?

- Светлые. Контур призыва был светлым, Марго. Кто-то из своих.

В прошлой петле Лионель сам призвал тварь - инсценировал нападение, чтобы получить повод. Но тогда это случилось на два месяца позже. И жертвой должен был стать не он.

- Это не по сценарию, - прошептала я.

- Что?

- Ничего.

Он затушил сигарету о перила. Серый след остался на белом мраморе.

- Я доверяю только тебе, Марго. - Он повернулся ко мне, усталый и злой.

Он ушел первым.

Карта по-прежнему жгла рукав. Лионель жив - это главное. Если бы он умер сейчас, петля схлопнулась бы, заставив меня начать всё заново. А я не выдержу еще одного круга.

Тильда ждала в комнате. Сидела на подоконнике, болтала ногами, грызла яблоко. Ноздри защипало от резкого запаха страха, смешанного с корицей - она переборщила с утренним чаем.

- Ну? - спросила она, не оборачиваясь. - Нашла свою правду?

- Не совсем. Но кое-что поняла.

- И что же?

Я плюхнулась на постель. Пружины жалобно скрипнули.

- Иногда враги - единственные, кто может тебя спасти. А друзья...

- Друзья что?

- Друзья просто жуют яблоки и не задают лишних вопросов.

Тильда хмыкнула, но промолчала. Откусила от яблока - хруст разнесся по комнате, громкий и уютный одновременно.

Глава 23. Горгульи-сплетницы

Утро в нашей комнате пахло сушеными травами и Тильдиным яблочным шампунем. Будильник на тумбочке щелкнул стрелкой - половина седьмого. Соседка спала, свернувшись калачиком. Мне такая роскошь не светила.

Я сидела на краю кровати уже час. Перебирала в голове факты, раскладывала по полочкам. Лионель жив. Себастьян на моей стороне - насколько это вообще возможно для магистра Света. Карта лежала под подушкой.

Нужно было идти в лазарет.

Пальцы не слушались, когда я застегивала воротник. «Слезы Справедливости» на запястье оставались серыми - Вуаль держалась, но я чувствовала кожей: ей осталось недолго. Каждое напряжение, каждая вспышка заставляли трещину расти.

Я выскользнула из комнаты, пока Тильда не проснулась.

Коридоры в этот час пустовали - только дежурные магистры лениво переговаривались у турникетов. Я свернула в боковую галерею, туда, где висели портреты бывших ректоров. Под третьим, с лицом, напоминающим сморщенный инжир, Себастьян показал мне тайный ход.

Деревянная панель бесшумно отъехала. Ступени вели вниз, в полумрак, пахнувший старой штукатуркой. Я считала шаги. Сорок три до поворота. Еще двадцать два до выхода.

Лазарет встретил меня смесью настойки валерианы, хлорки и чужой боли. Дежурная сестра дремала за стойкой, уронив голову на сложенные руки. Я прошла мимо - в прошлой жизни научилась двигаться так, что половицы не скрипели.

Палата Лионеля находилась в конце коридора, за двойной дверью с магической печатью. Печать мерцала неровно - желтоватым, больным светом. Я приложила ладонь. Артефакт признал Себастьянову метку, и дверь открылась.

Принц лежал на высокой кровати, бледный, как мел. Золотистые волосы рассыпались по подушке тусклыми прядями, веки казались синеватыми - под ними угадывалось быстрое, лихорадочное движение глаз. Он не спал. Он был без сознания.

Воздух в палате сделался тягучим, как старая патока - магия Света, которой пичкали принца, оставила после себя привкус горечи на языке.

Я подошла ближе.

Лицо Лионеля вблизи выглядело чужим. Без этой его вечной снисходительной усмешки, без прищуренных глаз, просчитывающих каждого на три хода вперед. Сейчас он был просто больным - с синяками на висках, с повязкой, наползающей на половину груди. Сквозь марлю проступала чернота. Теневая зараза.

- Ты слышишь меня? - спросила я тихо.

Он не ответил. Грудь вздымалась редко, с хрипом.

Я коснулась его руки. Кожа горела - слишком горячая для

живого человека. В прошлой петле я видела такое только раз. Когда умирал адепт, которого заразили той же тварью.

- Ты не умрешь, - сказала я ему. - Пока я не решу иначе. Дверь за спиной скрипнула. Я обернулась.

На пороге стоял Себастьян. Без мантии, только в темной рубашке и брюках. Вид у него был такой, будто он не спал вторую ночь.

- Я знал, что ты придешь, - сказал он, закрывая дверь.

- Предсказуема?

- Умна. Если бы ты не пришла, это было бы подозрительнее.

Он подошел к кровати, встал с другой стороны. Мы смотрели на Лионеля - враги, застывшие в перемирии над телом, которое одного из нас уже убило.

- Ему нужен антидот, - сказал Себастьян. - Светлая магия только сдерживает. Не лечит.

- Теневая зараза лечится только тьмой. - Я закончила его мысль. - Ты поэтому здесь? Хочешь, чтобы я это сделала?

- Нет. - Он покачал головой. - Если ты применишь тьму здесь, артефакты зафиксируют. Совет узнает. Ты труп.

- Тогда зачем?

Он посмотрел на меня. В серых глазах - усталых, воспаленных - что-то мелькнуло.

- Затем, что я не стану тебя просить. Никогда. Ты сама решаешь.

Я отвела взгляд. В горле зашипало.

- Есть другой способ. - Я достала из кармана карту, развернула на тумбочке. - Тварь, которая его укусила, не могла прийти сама. Её призвали. Значит, где-то остался след - контур, ритуальная метка. Если я найду её, смогу вытянуть заразу через неё.

- Рискованно.

- Всё рискованно.

Он замолчал, разглядывая карту. Потом ткнул пальцем в точку у восточного леса.

- Здесь.

- Так.

- Ты не пойдешь одна.

- Я пойду с горгульями.

Себастьян поднял бровь. Первый раз за всё время - что-то похожее на удивление.

- С кем?

В башню Южного Крыла никто не заходил без крайней нужды. Горгульи не любили гостей. Они не любили никого вообще - кроме, разве что, сырой погоды и возможности обсудить чужие секреты. Сплетни были их стихией, их валютой, их единственной страстью.

Я поднялась по винтовой лестнице. С каждой ступенькой воздух становился влажнее, холоднее. Пахло мхом, старой кладкой и чем-то кислым - тем, чем пахнут только очень старые, очень болтливые существа.

Площадка на вершине башни открывалась всем ветрам.

Три горгульи восседали на парапете, повернув каменные морды к солнцу. Крылья сложены, хвосты обвивают балюстраду. Казалось, они спят.

Когда я шагнула в круг, шесть глаз открылись одновременно. Желтых, с вертикальными зрачками.

- Человек, - прошипела та, что справа. Голос - скрипучий, как несмазанная петля. - Забрела к нам по ошибке?

- Или по глупости, - добавила левая.

- Или по нужде, - закончила средняя, самая крупная. Она наклонила голову, и каменная шея издала сухой треск. - Чувствуешь? От неё пахнет... временем.

Я замерла. Они чувствовали магию? Горгульи считались декоративными артефактами, не больше. Но Себастьян предупреждал: не стоит недооценивать существ, которые старше Академии.

- Я хочу заключить сделку, - сказала я.

- Сделку? - правая оскалилась. Ряд зубов - мелких, острых, как осколки стекла. - Ты, смертная, с нами?

- Она серьезно, - левая склонилась к крупной. - Посмотри. Руки дрожат. Не от страха. От решения.

Крупная сползла с парапета. Мягко приземлилась на пол - когти царапнули плиты. Подошла вплотную. Я почувствовала холод - не магический, природный, от камня, который тысячу лет впитывал ночной воздух. Каменный холод проник под кожу и застыл там тонкой, звенящей пленкой.

- Что предлагаешь?

- Информацию. Новости из Академии. То, чего вы не услышите, сидя на башне.

- А хочешь чего?

- Присматривать за двумя людьми. Лионель Галлант и Элоиза де Мор. Где бывают, с кем говорят, куда ходят.

Горгульи переглянулись. Или сделали вид - трудно разобрат на каменных мордах.

- Принц? - прошипела правая. - Опасная игра.

- Аристократка? - добавила левая. - Скучная.

- Плата мала, - вынесла вердикт крупная. - Новости Академии мы и так получаем.

Я выдохнула. Готовилась к этому.

- А если я скажу, где похоронен последний хранитель Западной башни? Тот, кого вы искали сто лет?

Тишина стала другой - плотной, давящей. Ветер стих. Чайки внизу, над крышами Академии, вдруг замолчали.

- Откуда знаешь? - голос крупной горгульи просел на полтона ниже.

- Я видела его. Не здесь. В другом времени. - Я смотрела в желтые глаза. - И могу показать место. В обмен на слезку.

Они зашептались. Шипение перетекало в свист, свист - в треск. Я не разбираю слов, но поняла: они обсуждают. Спорят.

- Она из петли, - сказала одна.

- Чувствуешь запах? Пахнет пеплом и сожалением, - ответила другая.

- Такие не врут, - добавила третья.

Крупная кивнула. Один раз - медленно, как падающее дерево.

- Сделка, - сказала она. - Ты показываешь место. Мы следим. Три недели.

- Месяц.

- Месяц, - согласилась она. - Но если обманешь, превратим твою комнату в склеп. С тобой внутри.

Я кивнула.

Она протянула когтистую лапу. Я вложила свою. Каменный холод обжёг кожу, оставив на ладони серебристый, мерцающий отпечаток.

- Сделка, - повторила я.

Когда я спустилась вниз, пальцы подрагивали. На ладони горела метка - горгулья отметина. Теперь они могли найти меня в любой точке Академии.

В вестибюле меня ждал сюрприз.

Элоиза де Мор стояла у подножия лестницы, сложив руки на груди. Рядом - двое адептов из её свиты.

- Касс, - сказала она, и голос сочился приторной сладостью. - Какая встреча.

- Не называй меня так, будто мы подруги. Мы не подруги.

- Ты права. Подруги не прячутся по башням, договариваясь с каменными тварями.

Я остановилась. Она видела? Или блефует?

- У тебя богатое воображение, - сказала я. - Как и вчера.

- А у тебя - богатая коллекция секретов. - Она подошла ближе. Запах её духов - приторный, душный - ударил в нос. - Знаешь, что говорят в Академии? Что ты пришла не учиться. Ты пришла мстить.

- Мстить? Кому?

Она улыбнулась. Губы - бледные, тонкие - растянулись в полоску.

- Пока не знаю. Но я выясню.

Она ушла, цокая каблуками. Адепты двинулись за ней, как хвост за ядовитой змеей.

За высокими окнами Академии уже зажигались магические светильники - первые, робкие, они бросали на пол желтоватые круги, в которых кружилась пыль.

Я застыла в вестибюле. Ладонь горела серебром. Где-то над головой, на башне, горгульи уже начали работу.

Элоиза права. Я пришла мстить. Просто она ошиблась в одном - не ей суждено стать моей жертвой. А тому, кто стоит за ней. И сегодня ночью я узнаю, кто это.

Глава 24. Встреча в подземелье

Элоиза ушла, и вместе с ней - её свита, запах приторных духов и намертво приклеенная улыбка. В вестибюле снова застыла тишина. Магические светильники мерно гудели, разгоняя вечерние тени по углам.

Я смотрела на дверь, за которой скрылась де Мор.

Она знала про башню. Не видела - догадалась? Или кто-то сказал?

Горгульи не проболтаются - им нужна информация о хранителе. Значит, Элоиза просто ткнула пальцем в темноту и попала. Или...

Я прижала ладонь к холодной колонне. Серебряная метка на коже запульсировала - ровно, не больно, как второй пульс.

Или она не одна.

Мысль царапнула сознание и застряла там, пуская корни.

В прошлой петле Элоиза была просто стервой. Мелочной, завистливой. Она травила меня словами, подставляла подножки, шепталась за спиной. Но никогда не вставала на пути так, чтобы я почувствовала за ней чужую волю. Сейчас - чувствовала.

Я оттолкнулась от колонны и пошла в глубь коридора. Не в сторону общежития.

Библиотека в этот час пустовала. Дежурный магистр клевал носом за стойкой. Я прошла мимо, не ускоряя шага. Ву-

аль держалась, браслет оставался серым.

В отдел временных аномалий добралась без приключений. За третьей полкой слева в стене была щель - ровная, не похожая на трещину. Тогда я решила - брак кладки. Теперь знала: старые здания прячут за такими щелями ходы.

Я всунула пальцы в зазор. Камень поддался с сухим, тоскливым скрипом. Плита отъехала в сторону, открывая темный зев лестницы.

Пахнуло сыростью и плесенью. Не тем сладковатым запахом старой бумаги - тяжелым, подвальным, с привкусом ржавчины на языке.

Я шагнула внутрь.

Ступени казались вырубленными в скале - слишком высокие, слишком узкие. Я спускалась медленно, касаясь рукой стены. Камень был влажным, с шершавой коркой выступившей соли.

Через три пролета свет сверху исчез. Я вытянула руку. Тьма пробивалась сквозь слои пустоты, как росток сквозь асфальт. В ладони замерцал слабый, почти призрачный свет.

Серый. Безжизненный. Но достаточный.

Я считала шаги. Сто двадцать три до поворота. Еще сорок восемь до площадки.

Лестница вывела в коридор с низким сводчатым потолком. Воздух стал тягучим, с горьковатым привкусом. Медь. И старая кровь.

Я прижалась к стене.

Где-то впереди говорили. Голоса летели в тишине, как камешки, пущенные по воде.

Первый я узнала сразу.

Лионель. Живой, злой, с хрипотцой в голосе, которая появлялась, когда он сдерживал ярость.

- ...не было в договоре. Тварь должна была исчезнуть. Раствориться. А она оставила след.

- След можно убрать.

Второй голос был спокойным. Слишком спокойным - тем тоном, который не кричит о власти, а просто ею дышит.

Коридор расширялся, превращаясь в круглый зал с куполом, терявшимся в темноте. В центре, под тусклым светильником, стояли двое.

Лионель выглядел плохо. Бледный, под глазами - провалы, правая рука висит плетью, перетянутая бинтами, сквозь которые проступает чернота. Теневая зараза не ушла. Её просто заглушили - на время.

Напротив него - мужчина в темно-синем плаще с капюшоном. Только подбородок - острый, с ямочкой - и уголок рта, искривленный в усмешке.

- Ты обещал, что она не оставит следов, - шипел Лионель.
- Валор меняет показания кристаллов. Если он докопается...

- Он не докопается. - Голос из-под капюшона звучал ровно, почти скучающе. - Ты слишком нервничаешь.

- Моя репутация? - Принц шагнул вперед. - Если всплывет, что это я призвал тварь...

- Отец будет гордиться. - Мужчина не двинулся с места. - Ты действовал в интересах короны. Имитировал нападение.

Лионель замер. Дыхание выровнялось.

- Касс, - сказал он. - Она знает.

Я вжалась в стену. Серебряная метка на ладони забилась тревожным, рваным ритмом.

- Что именно она знает?

- Не знаю. Но она ведет себя так, будто видела это раньше.

Не боится. Не удивляется.

- И ты поэтому решил, что это она меняла твой сценарий?

- А кто еще? - Лионель хрипло рассмеялся. - Валор слишком правильный. Слишком светлый. А Касс - в ней что-то сломано. Или починено.

Мужчина под капюшоном сделал шаг - и вышел в круг света.

Магистр Торн.

Глава Совета Светлых. Тот, кто в прошлой петле подписал приказ о моей казни вторым - после Валора.

- Марго Касс не проблема, - сказал он. - Она инструмент.

Если с ней что-то случится - кто будет виноват?

Лионель посмотрел на него. В глазах - понимание. И холодный, расчетливый интерес.

- Ты предлагаешь...

- Я ничего не предлагаю. - Торн повернулся к выходу. - У тебя есть «Слезы». Если Касс такая опасная, её магия должна зашкаливать. Зафиксируй. А дальше пусть работает устав.

Он растворился в темноте, оставив после себя запах лада-на.

Лионель остался один. Его лицо в свете лампы было серым, больным - но глаза горели.

- Я тебя достану, Касс. Ты не сбежишь.

Он ушел следом.

Я стояла, вжавшись в стену, и не дышала. Метка на ладони горела - серебряным, требовательным огнем.

Торн. Глава Совета.

Тот, кого никто не заподозрит. Святой старец, оплот порядка.

В прошлой петле Лионель убил короля через два месяца. Я думала, это его инициатива. Но если за ним стоял Торн...

Я медленно выдохнула. Холод от каменного пола поднимался выше, заполняя пустоту, которую оставила ярость.

Нужно выбирать.

В библиотеке дежурный магистр всё так же спал за стойкой. Часы на стене показывали полночь.

Вестибюль встретил пустыми скамьями. Только ночные, дежурные светильники - тусклые, желтоватые - дрожали в нишах.

Я прислонилась к колонне и закрыла глаза. Перед внутренним взором стояло лицо Торна. С балкона суда. С приговором в руках.

- Марго?

Я открыла глаза.

Себастьян стоял в трех шагах. В руке - серебряный фонарь.

- Ты должна быть в комнате. Уже полночь.

- А ты - в башне.

- Я искал тебя. - Он шагнул ближе. - Твоя аура пропала.

Я подумал...

- Что я сбежала?

- Что ты в беде. - Он смотрел устало. - Что случилось?

Я молчала. Метка на ладони пульсировала в такт сердцу.

- Торн, - выдохнула. - Глава Совета. Он призвал тварь.

Лионель - только приманка.

Себастьян не двинулся. Только фонарь качнулся, и тени заметались по стенам.

- Ты видела?

- Слышала. В подземелье под библиотекой.

Он сжал челюсть - так сильно, что желваки заходили под кожей.

- Если это правда...

- Это правда. - Я шагнула к нему. — Я не вру.

Он смотрел долго. Потом погасил фонарь. Вестибюль погрузился в темноту, расцвеченную только дежурными огнями.

- Иди в комнату. Я разберусь.

- Нет. - Я перехватила его за запястье. Кожа под пальцами - горячая, пульс частый. - Он Глава Совета. Ему поверят больше, чем тебе.

- И что ты предлагаешь?

- Ждать. Смотреть. Когда сделает следующий шаг - мы будем там.

- Мы?

- Я не дам тебе умереть в одиночку.

Он молчал. В темноте я чувствовала только его дыхание

- неровное, сбитое.

- Ты слишком много на себя берешь, Касс.

- А ты слишком мало.

Я отпустила его руку и пошла к лестнице.

- Марго.

Я обернулась.

- Будь осторожна.

Я кивнула.

В комнате горел свет. Тильда спала, раскидав по кровати тетрадки. Я села на свою постель, вытащила из-под подушки карту.

На ней, на месте восточного леса, проступало новое пятно. Черное. Пульсирующее.

Горгульи сделали работу быстрее, чем я просила.

Я коснулась метки на ладони. Каменный холод отозвался внутри тупой болью - они нашли след твари. Не тот, который оставил призыв. Другой - там, где Торн встречался с кем-то еще.

И этот кто-то не был Лионелем.

Значит, игра не на троих. На четверых.

Я спрятала карту, погасила свет и закрыла глаза. Завтра - лекция по ментальной защите. Себастьян обещал «особый режим».

Я усмехнулась в темноту.

Я уже умерла один раз. Второй раз меня не испугать.

А вот их - заставлю пожалеть.

Глава 25. Урок медитации

Магические светильники над кроватью взвыли ровно в шесть. Белый свет ударил по векам, выжигая остатки сна. Кто-то наверху искренне верил, что рассвет - лучшее время для просветления. Я чувствовала себя так, будто меня всю ночь выжимали, как мокрую тряпку, и повесили сушиться на сквозняке.

Тильда уже прыгала по комнате, натягивая мантию и одновременно зажевывая булку.

- Подъем, соня! У нас ментальная защита. Валор сегодня в ударе - говорят, он кому-то вчера лично стирал память за опоздание.

- Сладкая смерть, - пробормотала я, зарываясь лицом в подушку.

- Не дождёшься. - Тильда дернула меня за рукав. - Вставай, Касс. Ты вчера выглядела как привидение, сегодня - как привидение, которое нашло своё тело и очень этим разочаровано.

Я села. Голова закружилась - но не от слабости. Метка на ладони запульсировала ровным, тревожным ритмом - не боль, но предупреждение. Горгульи передавали новости прямо сквозь камень: Лионель покинул лазарет в пять утра. Элоиза не спала всю ночь, строчила письма.

- Касс? - Тильда нахмурилась. - Ты где?

- В аду. Но спасибо, что спросила.

Я сползла с кровати. Ледяная вода из умывальника обожгла лицо. В зеркале отражалась бледная, злая девушка с провалами под глазами и патлами, которые отказывались подчиняться расческе. Вуаль сжималась - тонкая, звенящая плёнка между моей Тьмой и внешним миром. Вчерашний спуск в подземелье, разговор с Себастьяном - всё это добавило трещин.

- Ты сегодня на него похожа, - заметила Тильда, кивнув на кота, который спал, свернувшись клубком на подоконнике.

- Спасибо за диагноз.

Я натянула форму - высокий воротник скрыл следы от браслета - и вышла в коридор.

Утренняя Академия гудела. Поток белых мантий нёс меня к Большой Лекционной Аудитории, и каждый встречный казался мне шпионом. Белые стены, белые лица. Как же я ненавижу этот цвет.

Аудитория встретила холодом. Высокие окна пропускали мутный свет, который падал на мрамор пола неровными, грязноватыми пятнами. Сегодня даже магия здесь казалась вялой - не звенела, как обычно, а просто висела в воздухе липкой, скучающей массой.

Я села на первую парту. Тильда плюхнулась рядом.

- Ты с ума сошла? - прошептала она. - Первый ряд? Мы же будем как мишени.

- У меня хорошая броня. - Я показала на своё кислое лицо.

- Ни один магистр не захочет на это смотреть.

Себастьян вошёл ровно в девять. Сегодня на нём была не привычная тёмная мантия, а лёгкая рубашка с закатанными рукавами. Я машинально отметила его руки - жилистые, с чёткими линиями вен.

Он обвёл взглядом аудиторию. Быстро. На мне задержался на долю секунды дольше.

- Сегодня мы будем говорить о границах сознания, - голос разнёсся под сводами без усиления. - О том, как отличить своё от чужого. Где заканчивается ваша воля и начинается вторжение.

Он прошёлся между рядами. Адепты втянули головы в плечи.

- Медитация - основа защиты. Не потому, что она приятна. А потому, что только в тишине вы услышите чужой шаг.

Остановился у моей парты.

- Адептка Касс. Покажете нам?

Я подняла голову. В его глазах - ни намёка на вчерашнюю тревогу. Только проверка.

- С удовольствием, магистр. - Я встала. - Я обожаю, когда вся аудитория смотрит, как я медитирую.

Кто-то хихикнул. Себастьян не улыбнулся.

Он указал на круг в центре зала - выложенный белым камнем, с креслом посередине. Абсолютно неудобным, с прямой спинкой и подлокотниками, созданными для того, чтобы руки затекали.

Я села. Холод от камня проник сквозь ткань мантии, распрямляя позвоночник.

- Закройте глаза, - сказал он. - Слушайте мой голос. Ничего больше.

Я подчинилась.

Сначала темнота была просто темнотой. Плотной, как дёготь. Но когда его голос зазвучал - низкий, тягучий, - она начала шевелиться.

«Вдох. Выдох. Представьте внутри пустой зал. Никто не входит, никто не выходит.»

Я представила. И пожалела. Потому что в том зале что-то уже было.

Временной резонанс ударил неожиданно - так, будто кто-то с размаху впечатал кулак в стекло. Мир пошёл трещинами. Звуки поплыли, растягиваясь, превращаясь в какофонию.

Я открыла глаза - и не увидела аудитории.

Передо мной была Ротонда. Разрушенная. Стены - в чёрных подпалинах, на полу - битое стекло от магических светильников. Пепел кружился в воздухе, оседая на языке горькой крупой.

Сквозь эту пепельную мглу шли люди.

Адепты первого курса. С белыми, застывшими лицами. Они двигались, глядя прямо перед собой, и в их глазах не было ничего. Только исполнение.

Впереди - Тильда. Её рыжие волосы обгорели, мантия ви-

села ключьями. Она тащила кого-то - безвольное тело, волочащееся по мрамору.

Я хотела крикнуть - не смогла. В горле застряла тьма - густая, вязкая, она душила, заполняя лёгкие, вытесняя воздух.

«Это не реальность,» - голос Себастьяна пробился издалека. - «Ты в ментальном поле. Вернись. Сейчас же вернись.»

Я попыталась. Сжала кулаки. Вцепилась в подлокотники. Видение не отпускало.

Когда Тильда поравнялась со мной, я увидела лицо того, кого она тащила.

Лионель.

Бледный, с запёкшейся чернотой на губах. Глаза открыты - и смотрят прямо на меня. В них не было страха. Только узнавание. И улыбка - кривая, торжествующая.

«Ты не спасёшь их, Марго. Никого.»

Я рванулась. Мышцы замерли. Кресло держало - не камнем, а чем-то живым, пульсирующим, тёплым, как чужая ладонь на затылке.

Метка на ладони взорвалась болью.

Я закричала - и мир рухнул.

- ...дыши. Марго. Дыши.

Чьи-то руки сжимали мои плечи. Голос - близкий, хриплый.

Я открыла глаза.

Аудитория. Круг из белого камня. Надо мной - Себастьян. Без магии, без дистанции. Просто человек, который смотрит

так, будто я сейчас рассыплюсь.

- Вернулась? - спросил он. Тихий, почти беззвучный - только для меня.

Я кивнула. Голос не слушался.

Вокруг - тишина. Адепты застыли с открытыми ртами.

Тильда в первом ряду прижала ладони к щекам.

- Что случилось? - шепнул кто-то сзади.

- Она выпала. Прямо на глазах. Глаза закатились, тело стало...

- Хватит. - Себастьян поднял руку. - Занятие окончено.

Все свободны.

Они потянулись к выходу - шёпотом, косясь на меня.

Тильда задержалась. Он кивнул ей:

- Иди. Я разберусь.

Когда дверь закрылась, Себастьян опустился на корточки перед креслом.

- Что ты видела?

Я сглотнула. Горло саднило - будто правда кричала.

- Ротонду. Пепел. Тильда тащила Лионеля. Мертвого. Или почти.

- Это из прошлой петли?

- Нет. - Я покачала головой. Метка заныла. - Этого не было. Там всё случилось иначе. Это - новое. То, что будет, если...

- Если мы не остановим Торна, - закончил он.

Я кивнула.

Себастьян выпрямился. Отошёл к окну. Свет падал на его лицо, делая его чужим - слишком бледным, слишком напряжённым, с впалыми тенями под скулами.

- Медитация не вызывает «выпадений» просто так. Ты вошла в резонанс не со временем, Марго. Ты вошла в резонанс с чужим страхом. Кто-то наводит порчу через временные узлы.

- Кто-то? Или Торн?

Он промолчал.

- Ты должна научиться закрываться. Быстро. Иначе в следующий раз не вернёшься.

- В следующий раз? - Я усмехнулась, хотя всё внутри дрожало. - Ты так уверен, что он будет?

- Совет назначил повторную Церемонию Очищения. Через три дня. Для всех, чьи «Слезы» показали аномалии.

- И много таких?

- Достаточно, чтобы списать твою смерть на несчастный случай.

Я закрыла глаза. Вуаль сжималась, давила на виски, на затылок. Тьма внутри требовала выхода - но браслет на запястье уже начинал теплеть.

- Три дня, - повторила я.

- Поэтому завтра в шесть утра ты будешь в моём кабинете. Займёмся твоей защитой.

- Личные уроки, магистр? - я открыла глаза. - Не бойтесь, что обо мне поползут слухи?

- Слухи - меньшее из зол. Твоя смерть - большее.

Он протянул руку. Я взяла. Ладонь была сухой и горячей

- слишком горячей для магистра Света.

- Ты справишься, - сказал он. - Ты уже справлялась.

- Справляться и выживать - не одно и то же.

- Сегодня - одно.

Он помог мне подняться. Ноги дрожали, но я устояла.

Метка на ладони пульсировала в такт сердцу - ровно, требовательно.

Выходя, я обернулась.

Себастьян стоял у окна. Свет падал так, что лица не разглядеть - только силуэт. Твёрдый, неподатливый.

- До завтра, магистр.

- До завтра, Касс.

В коридоре меня ждала Тильда. Сидела на подоконнике.

Увидела - спрыгнула.

- Ну? Валор тебя не съел?

- Пока нет. - Я привалилась к стене. - Три дня на раздумья у него есть.

- Тёмная ты моя. - Она пихнула меня локтем. - Пошли завтракать. Говорят, овсянка сегодня не такая мёртвая, как обычно.

- Лучше бы она была мертвой. Мне нужна компания для траура.

- Яблоко будешь?

- Ненавижу яблоки.

Тильда рассмеялась. Я - нет.

Потому что в голове всё ещё стояла та картинка: пепел, разрушенная Ротонда и Тильда, тащившая Лионеля с каменным лицом.

Это было не будущее.

Это было предупреждение.

И времени оставалось всё меньше.

Глава 26. Изолятор

Завтрак пах овсянкой и концом света.

Я сидела за столиком в углу, водила ложкой по тарелке и рисовала серые круги на серой массе. Тильда напротив атаковала булку с таким ожесточением, будто та задолжала ей денег.

- Ты в порядке? - спросила она в третий раз.

- В полном. - Я отправила ложку в рот. Овсянка оказалась безвкусной, как и всегда. - Просто медитация удалась.

- Удалась? Ты побелела как стена и начала кричать.

- Кричать полезно для лёгких. Расширяет диафрагму.

Тильда не купилась. Она отложила булку и посмотрела на меня так, как смотрят на кота, который только что спихнул с полки вазу. И не первого.

- Касс, что происходит?

Я хотела ответить что-то язвительное - про режим секретности, про то, что меньше знаешь - крепче спишь, - но дверь столовой распахнулась.

Трое в золотых мантиях. Личная гвардия Совета. Без масок, без приветствий - просто вошли и застыли, сканируя зал одинаковыми белыми лицами.

- Адептка Марго Касс, - произнёс тот, что в центре. Голос - у человека, который привык, что ему подчиняются с первого слова. И никогда не встречал сопротивления.

Я не встала.

- Она здесь, - лениво махнула ложкой в сторону Тильды.
- Не убежала. Можете передать, что на завтрак я не опаздываю.

Гвардеец даже не моргнул.

- Приказом Совета Светлых вы заключены под стражу до выяснения обстоятельств инцидента на уроке ментальной защиты.

В столовой стало тихо.

Инцидент. Красивое слово для того, что я выпала из реальности на глазах у всего курса.

- Вы ошиблись, - Тильда вскочила. - С ней всё в порядке. Магистр Валор сам...

- Магистр Валор временно отстранён от преподавания. - Гвардеец даже не посмотрел на неё. - Адептка Касс, не заставляйте нас применять силу.

Я поднялась. Медленно. Метка на ладони пульсировала в такт сердцу - горгульи передавали тревогу. Лионель покинул Академию. Элоиза идёт к крылу Совета.

- Хорошо. - Я одёрнула мантию. - Но пусть будет зафиксировано: я подчиняюсь под протестом.

- Ваш протест принят.

Меня потащили в Изолятор через весь коридор. Торжественно, как на казнь - только эшафота не хватало, а вместо толпы - шепотки за спиной. Тильда бежала следом, пока гвардеец не преградил ей дорогу локтем.

- Ступайте в комнату, адептка.

- Я буду ждать, Касс! - крикнула она мне в спину. - Не сдохни там!

- Постараюсь. Обещать не буду.

Изолятор находился в подвалах. Не тех, старых, с тайными ходами - а в новых, вырубленных в скале специально для неугодных. Каменные стены пахли сыростью и чужим страхом, въевшимся в каждую трещину. Магические светильники под потолком светили ровно настолько, чтобы не сойти с ума - но не настолько, чтобы не чувствовать себя крысой в банке.

Камера номер семь оказалась образцом минимализма: железная дверь с рунами, узкая койка с тощим матрасом.

- Уютно, - сказала я в пустоту. - Не хватает только ковра. И камина. И нормального освещения.

Я села на пол, прислонилась спиной к холодному камню. Руны на двери не просто светились - они давили на затылок, как чужая ладонь. Подавление магии. Полное.

- Долго меня тут держать собираетесь? - крикнула я.

Никто не ответил. Только шаги затихали в коридоре.

Час. Два. Я потеряла счёт - светильники не меняли яркости, в Академии не было ночи для заключённых. В висках стучало: не боль, а предупреждение - резонанс близко. Серебряная метка на ладони пульсировала всё чаще. Горгульи нервничали.

Когда дверь открылась, я уже почти спала.

- Выходите, - сказал гвардеец. - Вас перевели.

- В смысле - перевели? В пятизвёздочные апартаменты с видом на кладбище?

- Молчать.

Двое взяли меня под руки и повели не к выходу, а дальше вглубь. Я попыталась вырваться - бесполезно. Второй гвардеец ткнул меня в плечо коротким, неприятным импульсом магии.

Мы остановились перед дверью в конце коридора. Тяжёлой, железной, с рунами, которые обещали полное подавление. Не только магии - воли, дыхания, жизни.

- Не советую сопротивляться.

- Спасибо за совет. - Я посмотрела на дверь. - Запишу в дневник.

Меня втокнули внутрь.

Дверь захлопнулась - и тьма стала осязаемой. Она легла на плечи, на лицо, залезла в рот металлическим привкусом. Руны высасывали свет, звук, тепло. Вуаль начала истончаться - я чувствовала, как трещат её края.

- Отлично, - прошептала я. - Просто отлично.

Не знаю, сколько прошло. Минуты. Часы. Я перестала чувствовать пальцы на левой руке - браслет «Слез» впивался в кожу ледяными иглами.

Дверь открылась снова.

Я приготовилась к удару.

В проёме стоял Себастьян. На нём не было мантии - толь-

ко тёмная рубашка, мокрая у ворота. Волосы слиплись, дыхание сбитое. В руке - связка ключей, перепачканных кровью. Не его. Чужой.

- Ты... - начала я.

- Потом. - Он схватил меня за руку. - Выходим.

Мы побежали. Он знал, куда свернуть - мимо камер, мимо лестницы, в узкий лаз, о котором не догадывались даже крысы. Я споткнулась о ступеньку - он подхватил, не замедляясь.

- Ты усыпил стражу?

- Усыпил. Ненадолго.

- Себастьян. Ты магистр Света. За нападение на гвардию Совета...

- Знаю. - Он остановился у выхода. - Поэтому у нас мало времени.

Снаружи было темно. Ночь - настоящая, с ветром, с влажной травой под ногами, с воздухом, который хлестнул по горлу после спертого подвала. Я вдохнула - и чуть не закашлялась.

Он повёл меня к старой оранжерее. Заброшенной, с выбитыми стёклами, с плющом, который пророс сквозь стены. Внутри пахло гнилой листвой, железом и чем-то сладковатым - может, старыми молитвами.

- Садись, - он указал на перевёрнутый ящик.

- Я не собачка.

- Марго.

Я села.

Он опустил на корточки напротив. В темноте его лица не разглядеть - только голос. Низкий, тихий, с хрипотцой.

- Совет принял решение. Тебя хотят уничтожить сегодня ночью. Не Церемония - насильственное подавление магии. Под видом «аварийного протокола».

- И ты меня украл?

- Я тебя спас. - Он помолчал. - Пока что.

- А дальше?

- Дальше ты исчезаешь. На время. Старый дом твоей семьи - туда не сунутся. Я проверил.

- Откуда ты знаешь про дом?

- Я много чего знаю, Марго.

Я хотела ответить - язвительно, зло, глядя в потолок, - но слова застряли в горле. Потому что я увидела его руки. Разбитые костяшки, кровь на пальцах, темные разводы по рукаву. Он не просто «усыпил» стражу. Он дрался. По-настоящему.

- Ты рискуешь всем, - сказала я.

- Да.

- Местом. Репутацией. Жизнью.

- Да.

- Почему?

Он молчал. Ветер гулял между выбитыми стёклами, завывал в трещинах.

- Потому что ты единственная, кто говорит правду, - наконец произнёс он. - И потому что я устал смотреть, как этот

мир сжирает тех, кто ему неудобен.

- Хватит пафоса. - Мой голос дрогнул.

- А это не пафос.

Он поднялся. Протянул руку.

- Вставай. Нужно идти. У нас час до смены караула.

Я взяла ладонь - горячую, липкую от крови. Его пальцы сжались - крепко, почти до боли.

- Ты ранен.

- Царапина.

- Себастьян.

- Царапина, - повторил он твёрже. - Идём.

Он вывел меня через заднюю стену - там, где плющ давно скрыл проход. Мы шли по саду, держась теней деревьев. За нами не гнались. Пока.

- К южным воротам. Там портал.

- Портал? В моём состоянии - через портал?

- Я настроил вручную. Минимум магии. Тебя не зафиксируют.

У старой стены, скрытой плющом, мерцал серебряный круг - узкий, почти прозрачный, похожий на шрам на теле воздуха.

- Стой. - Он коснулся моей ладони, серебряной метки. -

Горгульи будут на связи. Если что-то пойдёт не так - зови.

- А если что-то пойдёт не так у тебя?

- Я справлюсь.

- Ты всегда так говоришь.

- Потому что я всегда справляюсь.

Я посмотрела на портал. Серебряное марево дрожало - как больной зуб, как последняя надежда.

- Не хочу туда.

- Надо.

- Знаю.

Я шагнула. Мир схлопнулся за спиной.

Оранжерея, сад, Себастьян с разбитыми руками - всё ушло в серебряный шум. Остался только вкус железа на языке и собственное дыхание - частое, паническое.

А потом - тишина.

Я стояла на крыльце старого дома.

Того самого. Где прошло моё детство. Где мать вязала у камина - я помнила, как спицы мелькали в её пальцах. Где я в последний раз была счастливой. До Академии. До Лионеля. До плахи.

Дверь заперта, но ключ нашёлся под половицей - там же, где я спрятала его десять лет назад, маленькой дурочкой, которая верила, что взрослая жизнь будет похожа на сказку.

Внутри пахло пылью и сушёными травами. Мебель ждала под белыми саванами - кресла, стол, шкаф, всё на своих местах. Даже часы на стене замерли в том же положении, в котором их оставила мать.

Я закрыла за собой дверь. Прислонилась к ней лбом.

- Я дома.

Тишина.

Метка на ладони пульсировала спокойно, размеренно - горгульи взяли паузу. Браслет «Слез» больше не жёг. Вуаль расправлялась, затягивала трещины.

Я прошла в гостиную, скинула простыню с кресла, села. Пружины жалобно скрипнули.

- Старость не радость, - сказала я креслу. Оно не ответило.

Я смотрела на пыльные половицы, на выцветшие обои, на трещину на потолке - ту самую, на которую я смотрела, засыпая в детстве.

Снаружи начинался рассвет. Серый, холодный. Чужой.

Но в этом доме я чувствовала себя собой. Впервые за долгое время.

Глава 27. Рынок артефактов

Три дня в пустом доме - это не отпуск, а пытка одиночеством под соусом «режим ожидания».

Я пересчитала половицы в гостиной. Сорок шесть. Потом - в спальне матери. Двадцать три. Потом - на кухне. Тридцать одна.

Плитка на печи сложена в шахматном порядке. В мышах под полом завелась своя цивилизация. Судя по звукам - с парламентом и оппозицией.

Метка на ладони отбивала ровный, ленивый ритм. Горгульи докладывали: Лионель вернулся в Академию, но ходит сам не свой. Элоиза сменила причёску - видимо, это была единственная трагедия, которую она могла себе позволить. Торн не появлялся.

Браслет «Слез» я сняла на второй день. Просто расстегнула - и он упал на пол, звякнув на прощание. Вуаль держалась. Без артефакта дышалось легче. Без его ледяных игл - почти свободно.

Себастьян появился на четвёртый день.

Я как раз кипятила воду в чайнике, который помнил ещё бабушку и выражал своё мнение о современности протяжным скрипом, когда дверь открылась. Не стук - просто скрипнула. Он стоял на пороге, в тёмном плаще с капюшоном, и выглядел так, будто не спал все эти четыре дня. И ещё

четыре до этого.

- Входить без стука - моветон, магистр, - сказала я, не оборачиваясь.

- Ты оставила дверь незапертой.

- Это не приглашение. Это лень задвигать засов.

Он скинул капюшон. Под глазами - чёрные круги, на скуле - свежий порез с запёкшейся кровью.

- Что случилось?

- Совет ищет тебя. Всю Академию перерыли. Твою комнату - трижды.

- И нашли?

- Твои конспекты. И тетрадь с рисунками.

Я замерла. В тетради были схемы временных узлов. И пометки про Торна.

- Не волнуйся. - Он опустился на табуретку. - Я успел их забрать.

- Ты рискуешь.

- Я в курсе.

Чайник фыркнул паром. Я плеснула кипятка в заварник, нашла две кружки - одна с отбитой ручкой, вторая с трещиной. Выбрала треснутую себе - по крайней мере, она не резала губу.

- Зачем пришёл?

Он посмотрел на меня. Усталый, злой, но живой. С таким взглядом приходят сообщать, что дом горит, но ты ещё можешь вытащить самое ценное.

- Нужен артефакт. Который поможет тебе пройти повторную Церемонию.

- Думаешь, я туда вернусь?

- Мы вернёмся вместе. И ты пройдёшь её так, что Совет не придерётся.

- А если я не хочу возвращаться?

Он помолчал.

- Тогда они объявят тебя в розыск. Найдут. Убьют. А я останусь здесь - и буду знать.

- Что? Что мог что-то сделать, но не сделал?

- Да.

- Умеешь давить на совесть, магистр.

- Учусь у лучших.

Я отхлебнула чай. Горький, как и следовало ожидать. Травы, которые я нашла в шкафу, годились разве что для компрессов.

- Какой артефакт?

- Глушитель резонанса. Старая вещь, с Изнанки. Наденешь - и твоя магия становится невидимой для сканеров.

- Звучит как сказка, которую рассказывают перед сном, чтобы не бояться темноты.

- Поэтому мы идём на рынок. В Нижний город. Там такие сказки продают за настоящие деньги.

Я подняла бровь.

- Мы?

- Я не смогу один. Продавцы не доверяют магистрам Све-

та. А паре беглецов - доверят.

- Паре?

- Нам придётся притворяться. - Он произнёс это тоном завхоза, обсуждающего раскладку посуды. - Муж и жена. Торговцы редкостями из провинции.

- И ты это только что придумал?

- Я обдумывал это три дня.

- И решил, что я соглашусь?

- Ты согласишься. Потому что другого выхода нет.

Я хотела возразить. Но в моей жизни почему-то всегда было ровно ноль других выходов. Видимо, экономия на вариантах - семейная традиция Касс.

- Хорошо. - Я поставила кружку. - Но если мне придётся называть тебя «дорогой», последствия предвидеть трудно.

- Постарайся сдержаться. Хотя бы до того, как мы получим артефакт.

Нижний город находился в двух часах езды на дилижансе. Место, где Светлые маги предпочитали не показываться - сырое, шумное, пропахшее дешёвыми зельями и дорогими тайнами.

Рынок артефактов прятался под землёй - в старых катакомбах, где когда-то скрывались Темные маги во время гонений. Сейчас здесь торговали всем: от поддельных амулетов до настоящих реликвий, которые взрывались в руках у неподготовленных покупателей.

- Держись рядом, - сказал Себастьян.

- Обязательно, дорогой.

Первый продавец - гоблин с тремя зубами и азартным взглядом - предложил «уникальный артефакт, скрывающий магию».

- Всего пятьсот монет, - прошептал он, протягивая ржавый браслет. - Работает как заклинание невидимости.

- Он пахнет мочой и враньём, - заметила я.

- Это специальное покрытие, - обиделся гоблин. - Для защиты от сглаза.

Вторая продавщица - старуха с лицом, напоминающим печёное яблоко - пыталась всучить нам кристалл «для защиты от Тёмных».

- Я Тёмная, - призналась я. - Мне такой не нужен. Он меня убьёт.

- Это уже не мои проблемы, - ответила старуха равнодушно.

Третий сидел в дальней нише, закутавшись в потёртый плед, и читал книгу без картинок. Даже не поднял головы, когда мы подошли.

- Глушитель резонанса, - сказал он в пространство. - У меня есть один. Но он не продаётся.

- Платим золотом, - сказал Себастьян.

- Золото не нужно. - Продавец закрыл книгу. - Нужна услуга.

Я напряглась.

- Какая?

- У меня есть должник. Он учится в Академии Светлых.

Задолжал мне семейную реликвию.

- Вы хотите, чтобы мы её забрали?

- Я хочу, чтобы вы передали записку. - Он протянул узкий конверт. - Адресат отдаст вещь сам. Без скандала.

- Имя?

- Лионель Галлант.

В катакомбах стало тише - хотя куда уж тише. Я почти услышала, как где-то далеко капает вода.

- Вы шутите.

Продавец посмотрел на меня. Холодно, будто я спросила, не слишком ли дорого он просит за воздух.

- Принц взял артефакт три года назад. Обещал вернуть.

Не вернул. Я ждал. Теперь не жду.

- Какой артефакт? - спросила я.

- Семейный. Вам это знать не обязательно. Передадите письмо - получите глушитель.

Себастьян взял конверт. Повертел в пальцах. Ни печати, ни подписи.

- Мы передадим.

- Себастьян!

- Мы передадим, - повторил он. - Вы дадите глушитель сейчас.

Продавец кивнул. Сунул руку под плед, вытащил камень - серый, матовый, с царапинами. Похож на булыжник, который валяется у дороги. Но когда я взяла его, он обжёг ладонь

сухим, требовательным теплом.

- Наденьте на шею. Не снимайте три дня.

- И всё?

- И всё.

- Вы не обманываете?

- Мне нужна вещь, которая у принца. Обманув вас, я её не получу.

Мы вышли наверх, в сумерки. Внизу, на рынке, жгли что-то химическое - дым поднимался желтоватый, с привкусом жжёной резины, и оседал на языке горькой крупой. Под плащом стало душно - ткань липла к спине, хотя на улице было не больше десяти градусов.

- Ты понимаешь, что мы влезли в дела Лионеля? - спросила я.

- Мы передадим записку. - Себастьян спрятал конверт во внутренний карман. - В этом нет ничего криминального.

- Ты веришь в «ничего криминального» в этой Академии?

- Нет. Но глушитель нам нужен.

Камень на шее пульсировал - не больно, а тревожно, как второй пульс, который никак не войдёт в ритм с первым. Я чувствовала, как он давит на грудику, хотя весил не больше яблока.

Всю обратную дорогу молчали. Экипаж трясся на ухабах, и каждое сотрясение отзывалось в висках.

- Завтра, - сказал Себастьян, когда мы остановились у старого дома. - Завтра ты наденешь его и войдёшь в Академию.

- Войду - под арест?

- Нет. Я договорился. Твоё «освобождение» оформят как ошибку Совета.

- И кто поверит в ошибку?

- Те, кто хочет выжить.

Я посмотрела на него. В темноте его лицо казалось вырезанным из серого камня.

- А записка?

- Я передам сегодня.

- Не боишься, что Лионель поймёт?

- Он не поймёт. Он слишком занят - боится.

Я кивнула. Камень на груди пульсировал в такт сердцу - или сердце подстраивалось под камень?

- Себастьян.

- Да.

- Спасибо.

Он кивнул. И ушёл в темноту, не оборачиваясь. Только плащ мелькнул - и растворился.

Я закрыла дверь, прислонилась к косяку. В прихожей пахло пылью и старыми мечтами.

- Притворяться парой, - пробормотала я в пустоту. - Легче было сдохнуть в Изоляторе.

Камень на шее пульсировал - ровно, настойчиво, будто отсчитывал время до утра. Завтра я вернусь в Академию. Завтра начнётся самое сложное.

Метка на ладони мигнула - горгульи передавали новости.

Лионель получил приглашение на встречу. От Торна. И согласился.

Я пошла на кухню. Чайник уже остыл, но я всё равно плеснула в кружку.

- Ну что ж, - сказала я, поднимая треснутую керамику.
- День обещает быть интересным. Как и все предыдущие. Впрочем, как и все последующие.

За окном начинался новый рассвет. Серый, холодный. Но в груди, под камнем, теплело что-то, чему я пока боялась дать имя.

Глава 28. Покушение

Рассвет сочился сквозь мутные стёкла старыми, уставшими лучами. Дом встретил меня запахом пыли и собственной решимости - той, что я вываривала в чайнике всю ночь.

Я стояла у порога, перебирая пальцами край мантии. Камень «Глушителя» висел на шее, холодный и тяжёлый - как второй позвонок, которого у меня отродясь не было. Он пульсировал в такт сердцу: настойчиво, требовательно, будто готовился к взрыву. На языке поселился привкус ржавой воды - металлический, липкий.

Метка на ладони потеплела. Горгульи передавали: Себастьян вышел из Академии десять минут назад. Скоро будет здесь.

Я выдохнула. Пар повис ключьями в утреннем воздухе - октябрь в этом году решил не церемониться. Накинула капюшон, поправила воротник и шагнула на крыльцо.

Дорожка к калитке заросла травой - жёсткой, серой, с редкими вкраплениями побуревшего клевера. На перилах блесла изморозь - тонкая, как первый налёт лжи. В детстве я бегала здесь босиком, мать ругалась, что принесу репы в дом. Сейчас репы были последней из моих проблем.

Щеколда калитки поддалась с визгливым скрипом. Я шагнула на просёлочную дорогу - и воздух вокруг сжался.

Вот оно.

Чувство, которое я научилась распознавать за эти недели: магия не заклинаний, а ожидания. Кто-то ждал именно здесь. Ждал меня.

Пальцы скользнули в рукав, туда, где лежал маленький острый осколок - остаток артефакта времени, выкрошенный из того, что принёс меня в эту петлю. Не оружие, но - напоминание.

Трава зашевелилась. Не от ветра - от того, что под ней двигалось.

Я сделала шаг назад, вжалась спиной в дерево калитки. Глаза шарили по кустам, по тропинке, по серому небу.

- Выходи, - сказала я в пустоту. - Не люблю игры в прятки. Вечно забываю, куда спрятала собственное терпение.

Тишина треснула.

Четыре фигуры вынырнули из воздуха - не из теней, не из кустов, а прямо из пустоты. Светлые маги не умеют так. Темные - тоже. Это было нечто среднее - маскировка, скрученная из чужой воли, чужого страха.

На них были серые балахоны, без знаков, без лиц. Только прорези для глаз - чёрные, пустые, как дыры в реальности.

- Адептка Касс, - голос из-под капюшона звучал ровно, без интонаций. Робот, которого научили говорить, но забыли научить чувствовать. - Вы должны вернуться с нами добровольно. Или мы заберём вас силой.

- Третий вариант: вы уходите, а я делаю вид, что ничего не было, - я сжала осколок в пальцах. - Мне нравится третий.

Они не шелохнулись.

- Ваше присутствие нарушает равновесие, - продолжал тот, что говорил. - Совет принял решение.

- Совет? - я усмехнулась. - Совет даже не знает, где я. Или вы из тайного подразделения «Вежливые палачи»?

Глушитель нагрелся - не обжигал, а предупреждал. Магия вокруг сгущалась, обволакивала, превращалась в сеть. Она пахла гарью и старыми слезами - тем, что остаётся после долгой, безнадёжной истерики.

- Мы не обсуждаем, - сказал другой голос, с хрипотцой. - Вы - угроза. Аномалию положено устранять.

- Аномалию? - я сделала шаг вперёд. - Я - девочка, которая не вовремя научилась думать. В вашей Академии это, видимо, смертельный диагноз.

Они атаковали без команды - синхронно, как механизм, который завели одним ключом. Заклинание не было светлым. Не было тёмным. Это была серая, липкая сеть, сплетённая из чужой боли и принуждения. Она летела на меня не искрами - цепью, которая должна была схватить, сжать, заставить подчиниться.

Моё тело среагировало раньше, чем мозг успел испугаться.

Я нырнула вниз, перекатилась через плечо. Трава хлестнула по лицу, холодный ком земли вжался в ладонь. Сеть прошла в дюйме над головой, зацепила край капюшона - ткань взвизгнула, расплзаясь.

Теперь надо мной нависала не чья-то воля, а реальность, в которой у меня было секунд десять до следующего удара.

Я вскочила на ноги, прижалась к стволу старой яблони - той, с которой в детстве содрала коленку, пытаясь достать кислый, червивый плод.

- Вы уверены, что хотите это делать? - крикнула я. - Я очень громко кричу. И очень долго помню обиды.

Ответом был второй удар.

Они били не заклиниванием, а вещами - камнями, ветками, комьями земли, которые превращались в снаряды. Телекинез. Грязный, неуклюжий, но оттого не менее смертоносный.

Первый камень просвистел у виска. Второй врезался в плечо - боль вспыхнула, прокатилась по руке обжигающей волной. Я зашипела сквозь зубы. Глушитель на шее замерцал - короткой, багровой вспышкой.

- Хватит, - сказала я.

Не им. Себе.

Тьма внутри поднималась - неспешно, лениво, как зверь, которого разбудили слишком рано. Она не хотела драться. Она хотела стереть их в порошок. Разницу между этими состояниями я осознавала, но не могла остановить.

Пальцы потянулись к лицу. Кровь - тёплая, липкая - текла из рассечённой брови.

Я увидела их взгляды. Не страх. Удивление. Они не ожидали, что я ударю первой. Никто в этой Академии не ожидал от меня первого шага.

- Сожалею, - сказала я и позволила тьме коснуться периферии зрения.

Мир потерял цвет. Остались только они - четыре серые фигуры на сером фоне, пульсирующие узлами чужой воли. Я видела их магию - не лиц, не тел. Узлы. Там, где заклинание соединялось с телом. Там, где можно было ударить, чтобы рассыпать всю конструкцию.

Я шагнула вперёд.

Первого взяла на себя - не магией, а весом. Рванула к нему, уходя под руку, вцепилась в край балахона, дёрнула вниз. Он потерял равновесие, и в этот момент я позволила крошечной капле тьмы скользнуть к его виску, мягко отключить сознание. Не убила. Просто выключила.

Он рухнул, даже не вскрикнув.

Второй ударил телекинезом - в меня полетел обломок ветки, острый, как копьё. Я ушла в сторону, но недостаточно быстро - край зацепил бедро, разодрал ткань, оставил на коже жгучую полосу.

Я ответила камнем. Не магией - настоящим булыжником, который подвернулся под ногу. Тяжёлый, с острым краем. Кость хрустнула. Он врезался второму в плечо - звук был отвратительным и сладким одновременно.

- Ты... - прохрипел он, хватаясь за руку.

- Я сказала, что долго помню обиды.

Третий и четвёртый переглянулись. Их маска синхронности дала трещину.

- Бежим, - сказал один.

- Нельзя, - ответил другой. - Приказ.

- Приказ?! Она - ...

Он не договорил. Потому что из леса, ломая кусты, как бумагу, вышел Себастьян.

На нём не было магической мантии, только тёмная куртка, брюки, сапоги, зашнурованные до колен. В руке - клинок, не магический, старый, с потёртой рукоятью. Он выглядел так, будто всю дорогу бежал. Дышал рвано, с хрипом.

Увидел меня - и побелел. Не от страха. От ярости.

- Марго, - сказал тихо. - Жива?

- Почти. - Я вытерла кровь с лица ладонью. - Опоздал на вечеринку. Гвоздь программы уже убили.

Он перевёл взгляд на четвёрку.

- Кто послал?

- Мы молчим, - ответил тот, с хрипотцой.

- Молчите, - согласился Себастьян и шагнул вперёд.

Никто из них не двинулся с места. Потому что он был не просто магистром. Он был тем, кого боялся даже Совет. Себастьян Валор с лицом, вырезанным из ледяной коры, и клинком в руке, который он явно умел использовать не только для украшения.

- Вы напали на адептку. На территории, прилегающей к Академии. Это тридцать лет каторги.

- Мы исполняли приказ.

- Чей?

Молчание.

- Я спросил. - Голос стал тише. - Чей?

- Верхний уровень, - выдавил тот, у которого я сломала плечо. Лицо под капюшоном было мокрым от пота. - Мы не знаем имён.

Себастьян посмотрел на меня.

- Веришь?

- Ни единому слову. - Я покачала головой. - Но они действительно не знают. Чувствую.

Он кивнул, опустил клинок.

- Убирайтесь. Передайте тому, кто вас послал: следующий раз я не спрошу разрешения.

Они уползли в кусты - трое на своих ногах, четвёртого тащили волоком. Я смотрела им вслед, чувствуя, как дрожат колени, как жжёт царапина на бедре, как глушитель давит на грудину.

- Ты ранена, - сказал Себастьян, подходя ближе.

- Царапины.

- Это не царапина.

Он коснулся моего плеча, там, где ткань мантии пропиталась кровью. Под его пальцами кожа покрылась мелкими, злыми мурашками - не от холода, от узнавания. Я отшатнулась.

- Марго.

- Не надо.

Он убрал руку. Отошёл к яблоне, прислонился спиной к

стволу, закрыл глаза.

- Это Торн.

- Думаешь?

- Уверен. Он единственный, кто мог узнать про твой побег так быстро. Сегодня утром я сказал охране, что нашёл тебя. Через час за тобой уже пришли.

- Значит, он прослушивает.

- Или у него есть человек в моём ближнем круге.

Мы молчали. Ветер шевелил траву, поднимал мелкий мусор, кружил его в воздухе. Где-то далеко прокричал петух - надрывно, неуверенно.

- Я не вернусь, - сказала я.

- Куда?

- В Академию. Пока не решу эту проблему.

Он открыл глаза. Посмотрел на меня - не как магистр на адептку, а как человек, который только что видел, как на моих глазах едва не погиб последний, кто знает правду.

- Проблему, - повторил он. - Ты собралась убить главу Совета Светлых?

- Нет. - Я покачала головой. - Я собралась доказать, что он нечист на руку. А убить - это слишком жирно для моего послужного списка. Пока.

Он усмехнулся - коротко, безрадостно.

- Мне идти с тобой?

- Не можешь. Они сразу поймут.

- Значит, я остаюсь. Притворяюсь, что ты сбежала. Заме-

таю следы.

- А если они решат, что ты помог мне?

Он пожал плечами.

- Пусть решают.

Я посмотрела на дом. Стены, которые помнили моё детство, мать, её вязание, запах яблочного пирога по воскресеньям. И Тьму, которая росла во мне, как сорняк, который не вытравить.

- Я справлюсь, - сказала я.

- Знаю.

- Тогда уходи. Я не люблю долгие прощания.

- Это и не прощание. - Он отлепился от ствола. - Это «до завтра».

Он ушёл. В лес. Не оборачиваясь.

Я смотрела ему вслед, пока чёрная фигура не растворилась в серых стволах. Потом прислонилась к калитке, закрыла глаза. В горле встал ком - горький, как прошлогодняя пыль.

Глушитель на груди пульсировал - ровно, как второе сердце. Метка на ладони горела. Горгульи, которые следили за Лионелем, передавали: он покинул территорию Академии час назад. Направился к восточному лесу. Туда же, где на карте было то самое пятно.

Я развернулась. Шагнула в дом - за новым плащом, за ножом, который оставил дед, за остатками решимости, которые у меня ещё остались.

Неважно, что Торн охотится на меня. Он сделал это слишком поздно. Я уже знала слишком много. И сегодня ночью я узнаю всё.

Глава 29. Гнев Пепла

В дом я зашла затемно - а вышла, когда солнце уже поднялось над верхушками деревьев. Серый, воспалённый диск висел низко, почти касаясь макушек сосен. Он не грел - только тускло подтверждал: день наступил.

Плащ отца обвисал на мне мешком - широкий, грубый, пропахший табаком и забытыми угрозами. Нож деда я засунула за голенище сапога - лезвие холодило лодыжку. К счастью, дед не верил в магию и затачивал сталь по-старинке. Против заклинаний такой клинок бесполезен. Против человеческой шеи - вполне.

Метка на ладони пульсировала тревожно, с перебоями. Горгульи нервничали.

Я шагнула на тропу, ведущую к восточному лесу.

Ветра не было, но ветки над головой шевелились - кто-то крупный пролетал наверху, слишком быстро для птицы. Я не стала вглядываться. В Академии Светлых у каждой твари своя цена.

Каждые десять шагов я останавливалась, прислушивалась. Тишина не врала - она выжидала. Ветер не шевелил ветки. Птицы молчали. Даже мои собственные шаги казались чужими - слишком громкими, слишком живыми.

Глушитель на груди нагрелся - не предупреждение, а согласие. Камень чувствовал магию в воздухе и пытался её за-

глушить. Пока получалось.

Лес встретил меня запахом прелой листвы. Где-то внутри, за первыми стволами, что-то гудело. Низко, вязко.

Я свернула с тропы. Ноги утопали в мягком мху, чёрном, рыхлом - он проминался под подошвой с влажным чавканьем. Ветки цеплялись за капюшон, норовили сорвать, открыть лицо. Я не сбавляла шага.

Карта, которую я выучила наизусть, вела меня к оврагу. Тому самому, где на схеме пульсировало чёрное пятно.

Пятно приближалось. Я чувствовала его кожей - не тепло, не холод, а давление. Будто кто-то навалился на воздух, сплющил его, превратил в одеяло, которое натянули слишком туго.

Я опустилась на корточки за упавшим стволом.

Трава здесь не зеленела - серела. Мёртвая. Она крошилась в пальцах, как пепел.

- Изысканное местечко для пикника, - прошептала я. - Жаль, забыла плед и корзину с отравой.

Гул стал громче. Он доносился из оврага - широкой, пологой впадины, заросшей кустами. Между ветками мелькало что-то тёмное, подвижное. Двое. Нет - трое.

Я прижалась к земле. Сквозь плащ проступила влага, холодная, с привкусом гниющих корней. Пальцы сами нашупали рукоять ножа.

- ...она не придёт, - голос принадлежал мужчине. Низкий, уверенный. - Валор её спрятал.

- Придёт. - Второй был тише, осторожнее. - Касс - как собака. Чует, где мясо.

Я узнала этот голос. Лионель.

Он стоял ко мне спиной - в чёрном, без опознавательных знаков. Рядом с ним - двое в серых балахонах, таких же, как те, что напали у дома, только без кровавых следов на лицах.

- Торн сказал, что она опасна, - продолжал второй. - Что её магия... нестабильна.

- Торн говорит много чего, - Лионель повернулся, и я увидела его лицо. Бледное, осунувшееся. Теневая зараза под повязкой на груди просвечивала чернотой даже сквозь ткань. - Он же сказал, что тварь меня не тронет. А она чуть не сожрала.

- Вы живёте, милорд.

- Благодаря кому? - Лионель усмехнулся. - Не ему.

Я замерла. Дыхание пришлось задержать - слишком громко, слишком заметно в этой мёртвой тишине. Пальцы на рукояти ножа побелели.

- Значит, так, - продолжил принц. - Когда Касс придёт - а она придёт, потому что она идиотка, которая лезет туда, куда не просят, - вы её берёте. Без шума. Живую.

- А если будет сопротивляться?

- Вырубите.

- А если применит магию?

Лионель помолчал.

- Не применит. У неё браслет. Ну, был. Но даже без него

она не рискнёт. Слишком умная.

Я чуть не рассмеялась. Умная. Он назвал меня умной. Семь лет знакомства, одна смерть, один побег - и только теперь он заметил.

- Вы уверены? - спросил третий, тот, что молчал до этого.

- Абсолютно.

- Тогда чего дрожите?

Лионель резко обернулся. Его рука взметнулась - не магия, а чистая злость. Он схватил говорившего за ворот, притянул к себе:

- Потому что мёрзну. Потому что эта долбаная зараза высасывает из меня жизнь. Потому что Торн обещал, что всё пройдёт гладко, а сейчас у меня под боком беглая темная, которая знает то, чего не должна знать, и Валор, который шушукается с ней за моей спиной. У тебя ещё есть вопросы?

- Нет, милорд.

Он отпустил балахон, отступил.

- Ждём.

Я выдохнула. Тихо. Сквозь зубы. Ждут. Значит, ловушка. А я в неё почти шагнула.

Надо уходить. Предупредить Себастьяна. Найти другой способ.

Я начала отползать назад - медленно, по сантиметру, боясь хрустнуть веткой.

И в этот момент метка на ладони взорвалась болью. Не пульсация - вспышка. Горгульи кричали - беззвучно, но я

чувствовала этот крик всем телом: «Беги! Он здесь!»

Я вскочила.

Трава под ногами вспыхнула - не огнём, а холодом. Иней расплзся по стеблям, покрыл их серебряной коркой.

Лионель обернулся. Увидел меня.

- Касс, - сказал он, и в голосе не было удивления. Только усталое, горькое удовлетворение. - Я знал.

- Ты ничего не знаешь, Лео. - Я не стала прятаться. Бесплезно. - Ты даже не знаешь, кто тебя на самом деле использует.

- Торн? - он усмехнулся. - О, я знаю. Но Торн - это власть. А ты - просто грязь под ногами, которая вздумала брыкаться.

Двое в сером двинулись ко мне.

- Стойте, - сказала я.

Они не остановились.

Тогда я позволила себе то, чего не позволяла никогда в этой петле.

Я сняла глушитель.

Камень упал на землю - глухо, без звона. В ту же секунду тьма внутри меня растеклась, потеряв вязкость, сонную тяжесть. Она выпрямилась. Потянулась. Выдохнула.

Я сделала.

На языке распустилась горечь - не травяная, а металлическая, будто я лизнула лезвие.

Воздух вокруг загудел - не так, как раньше, а низко, надрывно. Мои тени, те, что всегда прятались где-то на перифе-

рии, вдруг обрели форму. Они вытянулись из-под ног, поползли по земле, отделяясь от меня, становясь самостоятельными.

Один из серых замер.

- Что это? - прошептал он.

- Это, - я сделала шаг вперёд, - называется «ты ошибся адресом».

Тьма не ударила. Она просто растеклась по оврагу, заполнила его, как ртуть затекает в щели. Она пахла не гарью. Сухим, старым пеплом. Таким, который остаётся после пожара, где сгорело не дерево.

Где сгорело само время.

Она коснулась первого серого - и он осел на колени, хватая воздух открытым ртом. Не заклинание, не паралич - просто потеря воли. Его магия, светлая, правильная, столкнулась с моей пустотой и не нашла точки опоры.

- Не подходите к ней! - крикнул Лионель. - У неё...

- Что у меня? - я шагнула к нему. - Закончилась маска?

Правильно, Лео. У меня закончилось терпение.

Второй серый попытался ударить телекинезом - в меня полетел корявый сук, острый, как пика. Я даже не уклонилась.

Тень, моя тень, взметнулась, поймала сук в воздухе и переломила его пополам. Сухой треск разлетелся по лесу, вспугнул тишину.

- Ты не можешь так, - Лионель попятился. - Браслет... ар-

тефакты...

- Я сняла браслет ещё вчера. - Я продолжала идти. - А глушитель - только что. Теперь я - та, кого вы боялись всё это время. Та, из-за кого Торн не спит ночами. Та, кого ты отправил на плаху в прошлой жизни.

Он замер.

- Что?

- Неважно. - Я остановилась в трёх шагах. - Ты не запомнишь. Потому что сейчас ты уйдёшь отсюда и забудешь этот разговор.

- Или?

- Или я покажу тебе, что такое настоящая тьма. Не та, которой пугают детей в Светлых семьях. А та, от которой умирают магистры.

Первый серый, тот, что упал на колени, вдруг закричал. Не от боли - от ужаса. Его аура - та самая, что я научилась различать по запаху и пульсации - начала гаснуть. Я не высасывала её. Я просто находилась рядом - и моя природа делала своё дело.

- Уводи их, - сказала я Лионелю. - Быстро.

Он колебался секунду. Потом рывкнул:

- Отходим!

Они побежали - двое серых, пригибаясь, Лионель - ломая кусты, не оглядываясь. Его плечо, то, что было перетянуто бинтами, почернело ещё сильнее. Теневая зараза реагировала на мою магию - не лечилась, а пульсировала в такт.

Я осталась одна посреди оврага.

Тьма вокруг меня не уходила. Она клубилась, сворачивалась в спирали, тянулась к деревьям, к земле, к небу. Во рту поселился привкус пепла - сухой, горький. Глушитель валялся в траве - серый, мёртвый камень.

Я опустилась на колени. Под коленями земля казалась слишком твёрдой - каждая песчинка впивалась сквозь ткань. Я подобрала камень. Надела обратно на шею.

Тьма нехотя, с сожалением, втянулась обратно - в пальцы, в грудь, в тот самый тёмный узел, который я носила в себе с первой смерти. Тени осели на свои места. Мир снова обрёл цвета - блёклые, осенние, умирающие.

Пальцы дрожали. Всё тело дрожало - не от холода, от перенапряжения. Временной резонанс царапал затылок изнутри. Я нарушила ещё одно правило: дала своей силе волю. Теперь придётся платить.

Я не плакала. Слезы - роскошь, которую я давно конфисковала у себя.

Встала. Перед глазами плыли чёрные точки. Ноги подкашивались. Но я сделала шаг. Второй. Третий.

Метка на ладони пульсировала слабо, устало. Горгульи больше не кричали. Они смотрели - я чувствовала их каменные, внимательные взгляды откуда-то сверху.

- Всё в порядке, - прошептала я. - Я в порядке.

Никто не ответил.

Лес провожал меня тишиной. И только в груди, под глу-

шителем, гудела отголосками моя собственная, настоящая магия - та, которую боялись даже те, кто её создавал.

Я шла к дому. И знала: Торн теперь не просто охотится. Он в панике. Потому что только что увидел то, что должен был уничтожить - и не смог.

А я - только начала.

Глава 30. Признание

Дом встретил меня темнотой. Свечи я не зажгла - пусть глаза привыкнут к сумраку. Запах здесь смешался - пыль, сушёные травы и ещё кое-что: мой собственный страх, въевшийся в плащ, в волосы, в потные ладони.

Я скинула отцовский плащ на пол, привалилась к дверному косяку, чувствуя, как под лопаткой пульсирует тупая, глубокая боль. Плечо саднило, бедро жгло, бровь запеклась так, что левый глаз почти не открывался. Глушитель лежал на груди холодной, мёртвой гирькой.

Тишина навалилась - не та, что бывает в пустых домах, а та, что приходит после того, как ты слишком громко напомнила миру о своём существовании.

Я прошла на кухню. Нащупала в темноте кружку, плеснула воды из кувшина. Выпила залпом, не отрываясь. Вода обожгла горло, лёгким стало не легче.

Метка на ладони затекла - горгульи замолчали, устали или просто не знали, что сказать.

- Ты здесь? - спросила я в пустоту.

Никто не ответил.

Я опустилась на табуретку, обхватила себя руками. Дрожь пробирала - не от холода, от отката. Магия, которую я выпустила, забрала своё. Каждая клетка помнила, как тьма текла по венам, как воздух вокруг превращался в пепел.

В дверь постучали. Не громко. Коротко - три удара. Я не вскочила, не схватилась за нож. Просто подняла голову и сказала:

- Открыто.

Себастьян вошёл бесшумно, хотя половицы под его сапогами должны были скрипеть. Он был в том же тёмном, что и утром, только куртка расстёгнута, рукава закатаны до локтей. В руке - магический фонарь, который он тут же погасил.

- Ты жива, - сказал он.

- Почти. - Я не шевельнулась. - Горгульи доложили?

- Доложили, что ты сняла глушитель. И что лес почернел на сотню шагов.

Я усмехнулась. Ничего себе «почернел». Но спорить не стала.

Он подошёл ближе. Остановился в двух шагах, разглядывая моё лицо в тусклом свете, который пробивался из окна.

- Ты ранена.

- Царапины, - повторила я свой любимый ответ.

- Ты в крови.

- Это не моя. - Я посмотрела на свои руки. - В основном.

Он молчал долго. Потом сел напротив - на вторую табуретку, такую же расшатанную, как и первая.

- Рассказывай.

- Что именно? Как я чуть не убила трёх человек своей тенью? Или как Лионель назвал меня идиоткой?

- Всё.

Я выдохнула. Посмотрела в окно. На подоконнике лежал сухой лист клёна - занесло ещё вчера, а я не заметила. Там, за мутным стеклом, чернело небо без звёзд.

- Он умрёт, - сказала я. - Лионель. Через два месяца. Если ничего не изменится.

Себастьян не дрогнул. Только пальцы на столешнице сжались - коротко, беззвучно.

- Ты говорила об этом раньше. В лазарете.

- Тогда ты не поверил.

- Поверил. - Он поправил невидимый рукав. - Просто не знал, что с этим делать.

- Теперь знаешь?

- Нет. Но хочу услышать детали.

Я закрыла глаза. Временной след ударил снова. За веками замелькали картинки: тронный зал, король с пустыми глазами, кинжал в руке Лионеля. И Себастьян - на коленях, с прижатым к горлу мечом.

- В прошлой петле, - начала я, - ты зачитал мой приговор. Я была тёмной, опасной, виновной. Лионель подставил меня, а ты поверил документам. Я умерла на плахе. А через два месяца после моей смерти Лионель убил своего отца. Тронный зал, бал в честь Зимнего Солнцестояния. Король выпил вино с ядом, который подавался в золотом кубке. Лионель стоял рядом и улыбался.

- Улики?

- Не нашли. Или нашли, но списали на сердечный при-

ступ.

- А ты откуда знаешь?

- Я была там. - Я открыла глаза. - Не в этот раз. В тот. Я видела его лицо, когда король упал. Видела, как он украдкой вытер руку о скатерть. Он не боялся. Он торжествовал.

Себастьян молчал.

- Ты уверена? - спросил он наконец.

- Абсолютно.

- Тогда почему ты думаешь, что он повторит это в этой жизни?

- Потому что я ничего не меняла, связанного с этим событием. Я изменила себя. Свою судьбу. Но Лионель... он тот же. Те же амбиции, та же жажда власти. И Торн за его спиной - тот же.

Себастьян поднялся. Прошёлся по кухне - три шага к плите, три обратно.

- Торн, - повторил он. - Глава Совета. Если он замешан...

- То мы не можем просто прийти и обвинить его. - Я закончила мысль. - Нам нужны доказательства.

- И где их взять?

- У Лионеля. Он не знает, что я помню ту жизнь. Он не знает, что я видела его лицо после убийства. Если он планирует то же самое, у него должны быть записи, артефакты, сообщения с Торном.

- Ты предлагаешь обыскать комнату принца?

- Я предлагаю тебе обыскать его комнату. У меня туда нет

доступа. А ты - магистр. Можешь придумать предлог.

Он остановился. Посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который только что предложил взломать казну прямо перед королём.

- Ты совсем обезумела, Касс.

- Возможно. - Я пожала плечами - и поморщилась от боли.

- Но это единственный шанс.

- Если меня поймают...

- Не поймают.

- Уверена?

- Нет. Но других вариантов нет.

Он вернулся к столу, сел. Теперь мы разделяли только дюймы - локти почти касались. Я чувствовала его тепло - живое, настоящее, не магическое. От него пахло ветром и мокрой корой - тем, что остаётся после долгого пребывания в лесу.

- Ты боишься? - спросил он.

- Чего именно?

- Что не успеешь.

Я посмотрела в его глаза - серые, почти прозрачные в темноте.

- Я уже не успела один раз. Второй - не хочу.

- Поэтому ты сняла глушитель сегодня? Чтобы спасти себя?

- Чтобы спасти всех. - Я помолчала. - Я не знала, что меня будут ждать. Но когда увидела Лионеля и этих... поняла: они

не отпустят. Торн будет охотиться, пока не убьёт. Или пока я не убью его.

- Тебе придётся это сделать?

- Не знаю. - Я покачала головой. - Я не убийца, Себастьян. Я всего лишь девочка с неправильной магией и слишком длинной памятью.

Он протянул руку. Коснулся моего подбородка - осторожно, будто боялся, что я рассыплюсь. Ладонь у него была шершавой - не магистр Света, а простой мужчина, который не боится мозолей. Я не отшатнулась. Усталость съела всю способность сопротивляться.

- Ты не девочка, - сказал он. - И не с неправильной магией. Ты - единственная, кто не врёт себе. И я... - он запнулся. - Я верю тебе.

- Веришь?

- Да. Но этого мало. Нужны факты.

- Тогда иди и найди их.

Он усмехнулся - первый раз за весь вечер. Уголки губ дрогнули, и на секунду я увидела не магистра Валора, а просто уставшего мужчину, который взял на себя слишком много.

- Оставайся здесь, - сказал он. - Я приду завтра утром.

- А если меня найдут?

- Не найдут. Я поставил защиту по периметру. Временную. Пока никто не войдёт.

- Ты умеешь ставить защиту?

- Я много чего умею, Марго.

Он направился к выходу, но на пороге замер.

- Тот разговор, в лазарете. Ты сказала, что через полгода этот замок превратится в руины. Что я буду смотреть, как тебе надевают петлю на шею. Это правда?

- Правда.

- Ты поэтому сбежала?

- Я поэтому вернулась. - Я поднялась, чувствуя, как ноют все кости. - Чтобы изменить конец.

Он кивнул. И ушёл - снова бесшумно, растворившись в темноте.

Я осталась одна. В кухне, пропахшей моим страхом и его присутствием.

Метка на ладони потеплела - горгульи вернулись, передавали: Лионель в Академии, заперся в своих покоях, никого не впускает. Элоиза строчит письма, Торн не ночевал в Совете.

Я подошла к окну. Там, за стеклом, чернело небо - беззвёздное, безжалостное. Где-то там, за горизонтом, ждал дворец. И золотой кубок с ядом.

- Два месяца, - прошептала я. - Успеем?

Никто не ответил. Только глушитель на груди пульсировал - ровно, успокаивающе, будто камень обещал: я не одна.

Я села на пол, прислонилась спиной к холодной плите. Закрыла глаза. И в темноте за веками увидела Себастьяна - живого, стоящего на пороге, с решимостью в глазах.

- Только не умирай, - прошептала я ему, хотя он не мог слышать. - Только не сейчас.

Я сжала глушитель в кулаке - холодный, как чужое обещание.

Тишина. И где-то далеко - первый утренний петух.

Рассвет ещё не наступил, но уже не был таким далёким, как раньше.

Глава 31. Игра в две руки

Рассвет пришёл не с петухами - с сыростью. Она просочилась - через щели в рамах, через выбоины в подоконнике. Осела на столешнице, на моих плечах, на затекшей шее. Я так и просидела на полу, прислонившись к плите, всю ночь. Шея затекла, колени онемели.

Я смотрела, как серый цвет за стеклом медленно выедает черноту.

Стук в дверь: не вчерашний, короткий, а настойчивый, с паузами - будто человек за дверью разучивал азбуку Морзе на нервах. Я не вздрогнула. Поднялась, хрустнув позвонками, и пошла открывать.

Себастьян стоял на крыльце, и выглядел он так, будто ночь вычерпала его до дна. Та же куртка, те же сапоги. Только под глазами залегли лиловые тени - глубокие, как трещины на старом льду.

- Ты чего так рано? - спросила я, прислоняясь к косяку.

Он шагнул внутрь, стряхнул капли с воротника. На улице моросило - мелко, противно, с каким-то бесконечным терпением.

- План такой, - начал он без предисловий, проходя на кухню. - Ты возвращаешься в Академию.

- Я в розыске.

- Уже нет. Я уладил. Сказал Совету, что нашёл тебя в лесу,

что ты сбежала из-за нервного срыва. Торн не поверил, но публично спорить не стал. Слишком много свидетелей.

Я села напротив. Глушитель тяжело лёг на столешницу между нами - серый, царапанный, будто переживший не одно падение.

- И что дальше?

- Дальше - двойная игра. - Он посмотрел на меня. - Ты притворяешься раздавленной, загнанной в угол, согласной на любую милость. Я - твой строгий куратор, который держит тебя на коротком поводке.

- А на самом деле?

- На самом деле мы ищем доказательства. Ты - в студенческой среде. Я - среди магистров.

- Ты хочешь, чтобы я шпионила за Лионелем.

- И за Элоизой. И за теми, кто с ними связан.

Я откинулась на спинку. Табуретка жалобно скрипнула.

- А если меня раскусят?

- Не раскусят. Ты хорошая актриса.

- Ты сам говорил, что я плохая.

- В прошлой жизни. В этой - научилась.

Я хотела возразить, но в горле застряло.

- Значит, я возвращаюсь. Играю послушную девочку. Собираю сплетни. А ты?

- А я - делаю вид, что веду расследование по факту твоего побега. Буду ходить, задавать вопросы, сверяться с отчетами. Никто не заподозрит.

- Кроме Торна.

- Кроме Торна. - Он кивнул. - Но он будет следить за мной.

Не за тобой. Слишком занят, слишком уверен в своих людях.

- А если нас поймают?

- Ты спрашиваешь это каждый раз.

- Потому что каждый раз риск увеличивается.

Он протянул руку через стол. Коснулся моего запястья - там, где раньше был браслет. Его пальцы были сухими и горячими - такими горячими, что я почувствовала, как под кожей зашевелилась усталая, сонная тьма. Теперь кожа была чистой, только бледный след от «Слёз» остался - как память о том, кем я была.

- Не поймают, - сказал он.

- Уверен?

- Нет. - Он убрал руку. - Но выбора у нас нет.

Я встала. Прошла по кухне - вчерашний маршрут Себастьяна: три шага к плите, три обратно. Плита давно остыла, от неё тянуло только сажей.

- Когда возвращаемся?

- Сегодня. Через час. Я подожду, пока ты соберёшься.

- Мне нечего собирать. - Я посмотрела на себя. Плащ в крови, мантия в грязи, лицо в ссадинах. - Дай полчаса привести себя в порядок.

- Да.

Я вышла в сени. Умылась холодной водой из ведра - обжигающе ледяной, она вернула ясность. Перевязала плечо чи-

стой тряпицей, которую нашла в шкафу. Рваный край мантии подвернула, спрятала под плащ. Из зеркала смотрела чужая девушка: бледная, осунувшаяся, с чёрными провалами под глазами.

- Идиотка, - сказала я своему отражению. - Вляпалась по самую макушку.

Отражение не спорило.

Себастьян ждал у калитки. В руках он держал два поводка - нет, верёвки. Обычные, пеньковые.

- Это ещё зачем? - спросила я, выходя.

- Для правдоподобия. Ты - беглая адептка, которую поймали и ведут под конвоем.

- Ты не наденешь на меня это.

- Надену. - Он шагнул ближе. - И ты будешь упираться. Для зрителей.

Я посмотрела на верёвки. Потом на него.

- Ты получаешь извращённое удовольствие от этого, магистр?

- Получаю. - Уголки его губ дрогнули. - Не каждый день можно связать самую опасную аномалию Академии.

Я протянула руки. Он накиннул петли - свободно, почти церемониально. Верёвка пахла конюшной и дождём.

- Сильно не затягивай, - предупредила я. - А то обижусь.

- Не затяну.

Он повёл меня по тропе к Академии. Верёвка между нами провисала, но я шла сзади, опустив голову, изображая

смирение. Навстречу попались двое крестьян - уставились, зашептались. Себастьян не обратил внимания.

- Ты хорошо играешь, - сказал он тихо, не оборачиваясь.

Ворота Академии встретили нас стражами. Четверо в золотых мантиях, с кристаллами на поясах. Один шагнул вперёд.

- Магистр Валор. Вы нашли беглянку?

- Нашёл. - Себастьян дёрнул за верёвку, я сделала шаг вперёд, изображая покорность. - Касс, покажите лицо.

Я подняла голову. Страж уставился на царапины, на запёкшуюся кровь.

- Приводили в чувство?

- Пришлось. Она сопротивлялась.

- Похоже на неё. - Страж сплюнул в сторону. - Проходите.

Совет ждёт отчёт.

Мы вошли.

На ступенях главного входа ещё остались лужи после вчерашнего дождя - в них отражалось серое небо.

Коридоры Академии показались мне чужими - слишком белыми, слишком громкими после тишины старого дома. Адепты шарахались от нас, шептались. Я ловила обрывки фраз: «Касс...», «сбежала...», «Валор её...». Никто не смотрел в глаза.

- В кабинет, - коротко бросил Себастьян.

Мы поднялись на третий этаж. Дверь в его покои закрылась за нами с глухим стуком. Верёвки он снял тут же - дёр-

нул за узел, и они упали на пол.

- Теперь ты официально под моим надзором, - сказал он.
- Жить будешь в гостевой комнате. Выход только с разрешения.

- То есть ты мой тюремщик?

- Твой партнёр. - Он поправил. - Который следит, чтобы тебя не убили.

Я прошла в глубь кабинета. Здесь всё было по-другому: не чёрный мрамор, а тёплое дерево, книги на полках, окна выходят не на плац, а в сад.

- А Лионель?

- В лазарете до конца недели. Теневая зараза не отступает.
- Значит, у нас есть время.
- Неделя. - Себастьян сел в кресло. - Потом он выйдет, и начнётся самое интересное.

Я опустилась на диван. Пружины жалобно скрипнули.

- Расскажи мне обо всех, кто может быть с ним связан,
- попросила я. - Не только Торн. Другие магистры, адепты.
Все, кому выгодна смерть короля.

- Смерть короля выгодна многим. - Он поднял бровь. - Но конкретно сейчас - тем, кто хочет власти. В Совете пятеро. Торн - первый. Второй - магистр Арминий, он хранитель печати. Третий - леди Вэллс, она заведует финансами.

- Кто из них может быть с Лионелем?

- Торн точно. Арминий - под вопросом. Вэллс - вряд ли, она слишком дорожит своим местом.

- А магистры помоложе?

- Есть ещё Аланд. Он куратор боевого факультета. Дружил с отцом Лионеля, но после смерти королевы отошёл от дел.

Я запомнила имена. Они пригодятся.

- Ты будешь работать в библиотеке, - продолжал Себастьян. - Я договорился. Твой доступ ограничен, но ты можешь приходить туда в любое время. Это хорошее прикрытие.

- Библиотека, - я усмехнулась. - Книги, тишина, пыль. Мечта беглой преступницы.

- Идеальное место, чтобы встречаться с теми, кто знает секреты.

- С горгульями?

- С горгульями тоже. - Он кивнул. - Они помогут.

Я провела рукой по подлокотнику дивана. Дерево было тёплым, гладким - ухоженным.

- А если меня кто-то увидит там с тобой?

- Увидят. - Он пожал плечами. - Мы будем делать вид, что я проверяю твои успехи, читаю нотации, заставляю переписывать конспекты.

- Скука смертная.

- Безопасность.

Я посмотрела на него. В сером утреннем свете, падающем из окна, он выглядел старше - морщины у глаз стали глубже, на скулах легли тени.

- Ты боишься, - сказала я.

- Да. - Он не стал отрицать. - Не за себя. За тебя.

- Почему?

- Потому что если тебя поймают, я не смогу тебя защитить. Не потому что не захочу. Потому что Торн сильнее.

Я хотела ответить что-то язвительное - про его героизм, про то, что он зря переживает. Но слова застряли в горле.

- Спасибо, - выдавила я вместо этого.

- Не за что.

Он поднялся, подошёл к окну. По ту сторону стекла сад казался серым, мёртвым - только вороны сидели на голых ветках.

- Сегодня вечером - первое задание, - сказал он. - Лионель в лазарете, но его комната пуста. Я достал ключ.

- Ты хочешь, чтобы я обыскала его комнату сейчас?

- Я хочу, чтобы мы обыскали её вместе. Вдвоём быстрее.

Я встала. Глушитель на груди пульсировал тише - кажется, соглашался.

- Когда?

- Через час.

Когда мы вышли из кабинета в коридоре никого не было - только дежурные стражники в конце галереи. Себастьян шёл впереди, я - за ним, на шаг отставая, как положено покорной адептке.

Крыло Лионеля находилось в северной части Академии. Комната принца - отдельные апартаменты: гостиная, спаль-

ня, кабинет. Дверь была заперта, но ключ, который достал Себастьян, подошёл с первого раза.

Внутри пахло не только парфюмом - под ним угадывалась сладковатая гнильца, будто под половицей кто-то спрятал прошлогодние яблоки. Мебель тёмного дерева, ковры с золотым тиснением, на стенах - портреты королевской семьи. В проёме высокого окна серебрилась паутина, по стеклу стекали капли утренней измороси.

- Ищи всё, что связано с Торном, - сказал Себастьян, закрывая дверь. - Письма, артефакты, записи о встречах.

Я прошла в кабинет. Стол был завален бумагами, но не беспорядочно - каждая стопка перевязана шнурком. Я принялась перебирать.

Через десять минут нашла.

Письмо, спрятанное между страницами старого фолианта. Бумага плотная, с гербом королевской канцелярии. Подпись - Л. Г. Адресат - «Лорду Торну, Главе Совета».

Я пробежала глазами. «План в силе. Дата - Зимнее Солнцестояние. Кубок будет подан, как договаривались. Ваш человек во дворце подтвердил лояльность. Ждите сигнала.»

- Себастьян.

Он подошёл, взял письмо. Читал молча, и я видела, как на его лице медленно гаснет цвет.

- Это прямое доказательство, - сказал он. - Если мы покажем это королю...

- Лионель скажет, что письмо подделано. А я - что я его

нашла. Мои показания ничего не стоят.

- Тогда спрячем. До Солнцестояния осталось два месяца.

Мы можем подготовиться.

Я кивнула. Он сложил письмо, засунул во внутренний карман куртки.

- На сегодня хватит. Уходим.

Мы выскользнули из комнаты так же бесшумно, как вошли. Коридоры пустовали - только тени от магических светильников дрожали на стенах.

В кабинете Себастьяна я рухнула на диван и закрыла глаза.

- Мы нашли то, что искали, - сказала я. - Почему мне не легче?

- Потому что теперь мы знаем, что должны это остановить.

- Он сел рядом. - А знание - не всегда облегчение.

- Ты философ, магистр.

- Нет. Просто устал.

Я открыла глаза. Повернула голову. Он сидел вполоборота, уставившись в окно.

- Себастьян.

- М?

- Спасибо, что не сдал меня Совету.

Он усмехнулся.

- Не благодари. Я ещё могу передумать.

- Не передумаешь.

- Почему ты так уверена?

Я села. Посмотрела на него - прямо, в упор.

- Потому что ты в этой игре так же глубоко, как и я. И пути назад нет и не будет.

Он молчал. Потом кивнул.

- И назад дороги нет, - повторил. Помолчал. - Наверное, это называется доверием.

- Или глупостью, - добавила я. - Не разберу.

За окном начинался новый день. Серый, холодный. Но в груди, под глушителем, теплело что-то, чему я наконец решилась дать имя.

Глава 32. Званный ужин у тёти

Четыре дня в Академии под надзором Себастьяна прошли как под дурманом: всё серо, тягуче, без единой зацепки за живое. Там хотя бы не приходилось делать вид, что я переписываю конспекты по этике Света.

Письмо Лионеля лежало в сейфе Себастьяна. Мы ждали. Торн не предпринимал открытых действий, Лионель залечивал теневую заразу, а Академия гудела слухами о моём «нервном срыве». Тильда присылала записочки с яблочными огрызками - единственный намёк на нормальную жизнь.

В пятницу вечером Себастьян опустил на мой стол приглашение. Герб семьи Касс, витиеватые буквы, запах лаванды. Тётя Гертруда вызывала меня на выходные - «для восстановления репутации».

- Я поеду с тобой, - сказал он.

- В смысле?

- В прямом. Ты моя поднадзорная. Я должен следить, чтобы ты не сбежала. - Он помолчал. - И твоя тётя уже полгода пытается пристроить тебя замуж. Если я появлюсь в роли жениха, это отвлечёт её от расспросов.

- Ты хочешь притворяться моим женихом? - Я подняла бровь. - Перед тётей Гертрудой?

- Хочу. - Он сказал это так, будто речь шла о подписании годового отчёта.

Я усмехнулась.

- Ты хоть знаешь, на что подписываешься?

- Знаю. Это называется «полевая работа».

- Это называется «спектакль для одной зрительницы с неустойчивой психикой».

Он не ответил. Только достал из шкафа тёмный костюм - официальный, с серебряным шитьём.

- Во сколько выезжаем?

Я вздохнула.

В экипаже я всю дорогу молчала. Глушитель грелся на груди - неровно, будто волновался. Себастьян сидел напротив, листал какой-то фолиант. Стук колёс отбивал ритм: «сдуру-сдуру-сдуру».

- Ты нервничаешь? - спросила я.

- Нет.

- Врёшь.

Он поднял глаза. В темноте экипажа их почти не разглядеть - только отсвет магического фонаря, дрожащий на щеке.

- А ты? - спросил.

- Я всегда нервничаю перед встречей с тётей. Это рефлекс.

Он закрыл книгу.

- Расскажи о ней.

- Тирания в кружевах. Святая убеждённость в своей правоте. И умение делать из любого разговора допрос.

- Звучит как описание Совета Светлых.

- Тётя Гертруда в Совете не служит. Если бы служила, я

бы сбежала из страны.

Дом тёти встретил нас запахом жареной индейки и полироля. В прихожей пахло не только этим - в воздухе стояла едва уловимая сладость, похожая на привкус старой, забытой молитвы. Магия? Или просто ладан? Те же розовые обои, те же рюши, те же портреты предков с лицами, напоминающими застывшие маски для купания. Свечи в хрустальных канделябрах вились агрессивно-ярко, выжигая тени по углам.

- Маргарита! - Голос тёти прокатился по прихожей, как камень по металлической лестнице. - Ты опоздала, как всегда. И что это на тебе? Я просила приличное платье.

Я посмотрела на свою мантию - тёмно-синюю, строгую, закрытую до горла. Единственное, что Себастьян разрешил мне надеть без споров.

- Добрый вечер, тётя. Это Себастьян Валор, магистр Академии. Мой... куратор.

- И жених, - добавил он спокойно, выходя из-за моей спины.

Тётя Гертруда замерла. Рот приоткрылся, глаза округлились.

- Что?

- Ваша племянница согласилась принять моё предложение. - Себастьян взял меня за руку. Пальцы у него оставались холодными - или это у меня горели ладони? Я почувствовала, как под его пальцами напряглись сухожилия на моём запястье - произвольно, будто тело знало то, что разум от-

рицал. - Мы планируем объявить о помолвке после Нового года.

Я смотрела на него. Он смотрел на тётю. Тётя смотрела на наши переплетённые пальцы так, будто увидела там приговор судьбы.

- Магистр Валор... - её голос сел на полтона. - Вы же... вы же не могли...

- Мог. - Он улыбнулся. Улыбка у него была редкой и оттого пугающей - идеальные зубы, идеальный изгиб, ни капли искренности. - Марго - удивительная девушка. Сильная, умная, с характером. Именно такие женщины нужны нашему роду.

Я чуть не поперхнулась. Нашему роду? У Валора был род? И он решил, что я туда впишусь, как клык в белоснежную улыбку?

Тётя перевела взгляд на меня.

- Ты... ты это серьёзно?

- Абсолютно, - выдавила я.

- Почему я ничего не знала?

- Сюрприз, - сказала я. - Мы любим сюрпризы.

Пять минут я сидела на диване в гостиной и слмотрела, как тётя пытается переварить новость. Себастьян стоял у камина, разглядывал портрет моего деда и делал вид, что ему интересно.

- Вы не можете жениться на ней, - наконец выдала тётя. - Она... у неё нет приданого. У неё даже репутации нет.

- Ужин, - сказала она наконец. - Ужин готов. Пройдёмте в столовую.

Стол прогибался под тяжестью. Индейка, запечённая с яблоками, картофель в сливках, три вида соусов, вино в хрустальном графине. Тётя пыталась задавить нас изысканностью блюд - классический приём. Я помнила его с детства: когда тётя злилась, она кормила.

Себастьян сел напротив меня. Свет свечей падал на его лицо, делая его мягче, почти человеческим.

- Ты хорошо играешь, - шепнула я, когда тётя вышла за добавкой.

- Учусь у лучших.

- Ты повторяешь мои фразы.

- Это комплимент.

Вернулась тётя, и мы продолжили - говорить о погоде, об урожае, о новом королевском указе о магических пошлинах. Себастьян подливал вино, улыбался, шутил. Тётя таяла. Я смотрела на неё и чувствовала, как внутри поднимается кислая, противная жалость. Она не знала, что её «идеальный жених» - мой сообщник в заговоре против наследника короны. Не знала, что я носила браслет-ограничитель, сбегала из Академии, высвобождала тьму, от которой чернеет лес. Не знала ничего.

- Марго, ты плохо ешь, - заметила тётя.

- Я на диете.

- От диет худеют мозги.

Себастьян кашлянул. Тётя покраснела.

- Извините, магистр. Я не то хотела сказать.

- Понимаю, - кивнул он. - Марго действительно слишком худа. Я слежу за этим.

- Вы следите? - Тётя посмотрела на него с новым, пугающим интересом.

- Он следит за моим питанием, - влезла я. - Как куратор. Это входит в его обязанности.

- Ах, да. Куратор.

Тётя опустила взгляд в тарелку. В её голосе поселилась странная, тягучая нотка - разочарования? Или чего-то более сложного?

После ужина мы перешли в гостиную. Себастьян сел в кресло, я - на диван, тётя устроилась напротив - в позе сфинкса, готовая к атаке.

- Расскажите о вашей семье, магистр, - начала она.

- Отец служил при дворе. Мать занималась благотворительностью. Оба - светлые маги первой ступени.

- И они одобряют ваш выбор?

- Они умерли.

Тётя замерла.

- Мои соболезнования.

- Не нужно. - Его голос стал жёстче. - Это было давно.

Я смотрела на него. Про «умерли» он говорил вскользь, будто не о родителях, о забытых вещах. На секунду мне показалось, что я вижу трещину в его ледяной броне - и тут же

она затянулась.

- Марго, ты нальёшь чай? - спросила тётя.

Я пила чай, смотрела на огонь в камине и думала о том, что тётя, наверное, единственный человек в моей жизни, кто искренне желает мне добра. Даже если её добро - это корсет, рюши и выгодное замужество.

- Я могу показать магистру сад? - спросила я, когда стало невмоготу сидеть под перекрёстными взглядами.

- На улице темно и сыро.

- Я возьму фонарь.

Тётя вздохнула.

- Не долго.

Мы вышли на крыльцо. Холод ударил в лицо, сбил чайный туман. Звёзд не было - только серая, низкая тяжесть.

- Твоя тётя... - начал Себастьян.

- Невыносима. Я знаю.

- Забавная. Она искренне заботится о тебе.

- Забавная? - Я повернулась к нему. - Она пыталась выдать меня замуж за Лионеля.

- И не вышло. - Он достал папиросу, закурил. Огонёк лизнул его лицо - усталое, сосредоточенное. - Она рада, что ты нашла другого.

- Ты не «другой». Ты - притворство.

- Для неё - нет.

Он выпустил дым вверх. Тот смешался с туманом, стал невидимым.

- Ты хорошо играешь роль заботливого жениха, - сказала я.

- Я не играю.

Я замерла.

- Себастьян...

- Договор есть договор. - Он повернулся ко мне, и в свете папиросы его глаза казались чёрными, бездонными. - Я сказал, что мы вместе. И я не собираюсь врать твоей тётке больше, чем необходимо.

- То есть ты собираешься врать ей ровно столько, сколько необходимо.

- Именно.

Я хотела спросить - о чём он? О какой правде? - но в дверях показалась тётя.

- Вы замёрзли? - спросила она. - Проходите в дом. Я приготовила гостевую спальню.

- Спасибо. - Себастьян погасил папиросу о перила. - Мы скоро.

Тётя кивнула, скрылась.

Я смотрела на дверь, за которой исчезла её тень.

- Она будет гадать всю ночь, что мы делали в саду.

- Пусть гадает.

- Ты жесток, магистр.

- Я честен.

Он взял меня за руку - и повёл в дом. Не в спальню - в гостиную. К чаю, к разговорам, к притворству.

Тётя смотрела на наши сплетённые пальцы и улыбалась.

Я улыбалась в ответ. Потому что если уж врать - то до конца. И чтобы никто не догадался, что внутри, под глушителем, у меня сейчас пульсировала совсем другая правда. Та, которую я боялась назвать. Даже мысленно.

Но здесь, в розовых обоях, под портретами предков, я вдруг поняла: притворяться - не так тяжело, когда рядом есть кто-то, кто притворяется вместе с тобой. И даже если это заговор - он уже перестал быть просто заговором.

Ночью, лёжа в своей старой детской постели, я смотрела в потолок. На подоконнике там, где когда-то стоял горшок с геранью, теперь лежал слой пыли - тонкой, бархатистой, нетронутой. Я хотела сказать что-то ещё - о страхе, о времени, о том, что притворство перестало быть притворством, - но не решилась.

- Глупая, - прошептала я в темноту. - Глупая, глупая.

Глушитель промолчал. Но мне показалось, что он пульсирует чуть теплее, чем надо.

Глава 2. Дорога, портал и первый ступор принца

Завтрак в доме Касс всегда напоминал поминки по здравому смыслу.

Тётя Гертруда сидела во главе стола, прямая, как спица, и смотрела в мою сторону так, будто вместо овсянки ей подали личное оскорбление.

Когда я вошла в столовую в дорожном костюме, ложечка в её руке звякнула о фарфор и замерла.

Клара у стены даже вздрогнула.

— Маргарита, — сказала тётя тихо. И это было хуже крика. — Что это на тебе?

Я спокойно отодвинула стул и села.

— Одежда, в которой можно дышать, тётя. Редкая вещь, но полезная.

Она прищурилась.

— Где твоё нежно-зелёное платье с кружевами? Ты похожа на конюха, решившего поиграть в аристократа.

Я взяла тост и откусила кусок.

Прошлый круг научил меня простой вещи: если тетка начинает с кружев, значит, дальше пойдёт унижение, а потом — контроль. В этот раз я не собиралась участвовать в спектакле.

— В Академии Светлых, насколько я помню, ценят готовность к трудностям, — сказала я.

— Ты позоришь фамилию, — отрезала она. — Лионель Галлант увидит тебя в этом недоразумении и решит, что у нас не хватает средств даже на приличный гардероб для сироты.

Я медленно подняла взгляд.

В прошлой жизни я бы смутилась. Может, даже расплакалась. Сейчас же я просто вспомнила одну маленькую деталь: через три месяца тётя проиграет в карты фамильное кольцо моей матери. Колье, которое сейчас вполне мирно лежало у неё в шкатулке.

— Кстати о средствах, тётя, — я чуть наклонила голову. — Надеюсь, вы не забыли положить в мой сундук те векселя, что оставил отец на моё обучение?

Лицо тётки не изменилось сразу. Но я заметила, как у неё дёрнулась щека.

— Какие ещё векселя?

— Те самые, — спокойно сказала я. — Или мне уточнить их судьбу у королевского стряпчего на порталной станции? Там сегодня будет достаточно официальных лиц.

Тётя поперхнулась чаем.

Клара отвела глаза, чтобы не выдать себя. Она-то знала, что я не блефую.

— Хамка, — выдохнула тётя, уже заметно тише. — Всё будет на месте. Ступай. И надень хотя бы шляпку.

Я улыбнулась.

— Обязательно. Чёрную. Она лучше всего подходит к моему настроению.

Дорога до портала оказалась слишком длинной для слишком тесной кареты.

Меня угораздило оказаться внутри с Элоизой де Мор и её братом, который был похож на хорошо откормленного поросятка не только лицом, но и манерами.

Элоиза любила меня ещё с прошлого круга. То есть ненавидела.

— Посмотрите-ка, — протянула она, прикрывая рот веером. — Маргарита Касс решила, что едет на охоту, а не в приличное учебное заведение. Дорогая, ты не перепутала карету с телегой для сена?

Её брат хрюкнул от смеха.

Я не ответила.

Смотрела в окно и ждала.

Сейчас.

Прямо за поворотом был старый вяз. Левое колесо кареты должно было попасть в глубокую выбоину.

Удар потрянул нас так, что Элоиза взвизгнула. Веер вылетел из её рук и спрятался под сиденьем.

Её брат ударился лбом о раму и заорал.

— Проклятье!

Я чуть повернула голову.

— Осторожнее, Элоиза. Судьба иногда подкидывает ямы

в самый неподходящий момент. Главное — не терять лица.

Она побледнела. Брат замолчал.

А я, поправив перчатку, почувствовала знакомое, почти забытое дежавю. Внутри артефакт отозвался острой колющей болью. Временной резонанс.

Тело напоминало мне, что я здесь чужая. Ошибка. Сбой. Лишняя строка в чужой магической формуле.

Ничего.

Ошибки тоже умеют выживать.

Площадь перед порталом гудела.

Сотни адептов, родители, слуги, горы сундуков и саквояжей — всё сияло белизной, золотом и тем особым пафосом, которым Светлые умели покрывать даже банальную суету.

И посреди этого великолепия стоял он.

Лионель Галлант.

Светлый принц. Надежда короны. Улыбка, от которой таяли девичьи сердца и, наверное, половина льда в королевстве.

В прошлый раз я, выйдя из кареты, споткнулась о собственный подол и почти влетела ему в объятия. Он подхватил меня, улыбнулся и сказал что-то красивое и очень правильное. Я покраснела. Потом влюбилась. Как последняя дура.

Сейчас я вышла ровным шагом, с саквояжем в руке и без единого лишнего движения.

Лео заметил это сразу.

Его взгляд скользнул по толпе, по одеждам, по привычному набору восторгов — и вдруг споткнулся об меня.

Он подошёл с той самой улыбкой, которую, наверное, репетировал перед зеркалом.

— Леди Марго, — произнёс он громко, чтобы услышали все. — Я едва узнал вас в этом... необычном наряде. Вы выглядите так, будто собрались сразиться с драконом, а не грызть гранит науки.

Я медленно повернула голову и посмотрела ему прямо в глаза.

Память услужливо подкинула другое лицо. Тот же мужчина. Та же вежливая интонация. И те же слова в камере: «Ты — дефект, Марго».

Драгоценное воспоминание, ничего не скажешь.

— Драконы нынче измельчали, ваше высочество, — ответила я. — В основном попадают змеи, мимикрирующие под благородных существ. С ними штаны гораздо практичнее.

Лео моргнул.

Всего на миг, но этого хватило.

Улыбка на его лице дрогнула. Он явно не ожидал такого тона от тихой Марго Касс.

Толпа вокруг заметно притихла.

Портал загудел глубже, напиваясь силой.

Магистр-распорядитель объявил начало посадки, и всё пришло в движение. Слуги потащили баулы, кто-то прощал-

ся, кто-то уже плакал, кто-то делал вид, что ничего особенного не происходит.

Лео быстро вернул себе самообладание и сделал шаг ко мне.

— Позвольте проводить вас к арке.

Он протянул руку ладонью вверх.

Жест был красивый.

И очень ловкий.

Если бы я взяла его за руку, я бы признала его ведущим. Становилась бы той самой девушкой, которую ведёт принц. В его картине мира это, наверное, значило бы многое.

Для меня — почти ничего хорошего.

Я посмотрела на его ладонь.

Красивая, ухоженная рука человека, который умеет убивать вежливо.

— Благодарю, ваше высочество, но я справлюсь сама.

Я перехватила саквояж двумя руками, нарочно отрезая ему любой шанс коснуться моих пальцев.

— К тому же, — добавила я, — у вас там Элоиза, кажется, вот-вот потеряет сознание от избытка чувств. Лучше займитесь ею.

И прошла мимо.

Портальная арка встретила меня вихрем искр.

На другом конце площади, у колоннады, мне на миг почудилась высокая фигура в чёрном и золоте. Себастьян Валор.

Я не остановилась. Только сильнее сжала ручку саквояжа.

В прошлой жизни он смотрел на меня как на проблему, которую нужно убрать. В этой — наверняка будет смотреть так же.

Я шагнула в серебристое марево.

За спиной кто-то ахнул.

Потом послышался шёпот:

— Она ему отказала?

— Та самая Марго Касс?..

Да. Я. Та самая.

Тьма внутри меня довольно и почти сыто шевельнулась, словно предвкушая игру.

Глава 3. Первый порог

Академия магии Этерния встретила меня белым мрамором, от которого хотелось щуриться и ругаться. Стерильная, сияющая, слишком правильная — здесь даже воздух казался выстиранным до хруста.

Моя Тьма, запертая глубоко внутри, отозвалась холодом в кончиках пальцев. Браслет «Слёзы Справедливости» на запястье едва заметно дрогнул, словно тоже почувствовал чужую магию.

Я не стала ждать, пока Лионель закончит изображать благородного спутника и выслушивать жалобы Элоизы на тяжесть чемоданов. Просто подхватила саквояж и пошла к лестнице.

Быстро. Прямо. Без лишнего жеманства.

Внутри холл напоминал храм Света. Потолки уходили так высоко, что роспись растворялась в дымке. Очередь на регистрацию тянулась через весь зал, и я встала в хвост, стараясь не выделяться.

В Этернии это было почти невозможно.

— Смотрите, это же Марго Касс, — прошептал кто-то за спиной слишком громко. — Та самая, что отказалась ехать в одной карете с Лионелем.

— Говорят, она совсем свихнулась от ревности, — отозвался другой голос.

Я не обернулась.

Пусть говорят. Мне было важнее другое: балкон второго этажа.

Там, опершись на перила, стоял Себастьян Валор.

Холодный. Неподвижный. Опасно внимательный.

Тот самый человек, который в прошлой жизни зачитал мне смертный приговор. Его взгляд медленно прошёлся по толпе и вдруг остановился на мне.

Браслет на руке стал горячим.

Я заставила себя дышать ровно.

«Ты для него никто. Просто ещё одна посредственность»,
— приказала я себе.

Очередь двигалась мучительно медленно. Когда я наконец добралась до стола секретаря, старик в роговой оправе даже не поднял головы.

— Фамилия, имя, направление? — проскрипел он.

— Касс. Марго. Общее целительство.

Старик замер и всё-таки посмотрел на меня.

— Целительство? Лорд Артур подавал документы на факультет Боевого Света.

— Лорд Артур может подавать что угодно, — отрезала я.

— Мой дар — целительство. И я собираюсь развивать именно его.

— Но ваш магический индекс...

— Проверяйте.

Я сама пододвинула к себе Кристалл Истины.

Секретарь нахмурился.

— Положите правую руку. Кристалл реагирует на ложь, скрытую Тьму и истинный уровень резерва. Не пытайтесь его обмануть, девочка. Это артефакт Высшего порядка.

Я положила ладонь на холодную грань.

Кристалл был похож на застывший вихрь. Моя Тьма внутри взвилась, учуяв чужую магию. Она хотела ударить, сломать, разнести эту красивую побрякушку в пыль.

Я мысленно схватилась за единственное, что всегда спасало меня от лишнего внимания.

Овсянка.

Серая. Вязкая. Пресная. Без соли. Без вкуса. Без смысла.

Я заполнила этим образом всё сознание, пока не стало почти тошно. Я была не ведьмой. Не угрозой. Не загадкой. Просто скучной серой овсянкой на воде.

Кристалл под рукой вспыхнул багровым — Тьма успела лизнуть его грань.

Секретарь ахнул.

Но в ту же секунду свет мигнул снова и ровно погас в тускло-жёлтом.

— Магический индекс — сорок единиц, — объявил старик с нескрываемым презрением. — Чуть выше уровня кухарки. Для целителя-недоучки сойдёт.

— Благодарю.

Я забрала пропуск, стараясь не показать, как у меня дрожат пальцы.

Уже развернулась, чтобы уйти, когда сверху раздался голос, от которого по спине пробежал ледяной ток:

— Адептка Касс. Задержитесь.

Валор спускался по лестнице.

Каждое его движение было точным, выверенным и хищно спокойным. Он остановился в нескольких шагах от меня, и воздух между нами стал плотным, почти тяжёлым.

— Магистр Валор? — я склонила голову, изображая подобающее смущение.

— Кристалл показал сорок единиц, — сказал он. — Но минуту назад, когда вы входили в зал, вы не выглядели на сорок единиц.

— Не знала, что уровень магии можно определить по походке, — рискнула я.

— Уровень магии — нет. Уровень самоконтроля — да. Вы слишком прямо держите спину для человека, чей резерв едва теплится.

Он сделал ещё шаг.

— И вы что-то уронили.

Он указал на пол.

У моих ног лежал крошечный лоскут чёрного шёлка. Обгоревшая лента от платья для казни. Она прошла вместе со мной сквозь петлю времени и теперь выглядела как очень неприятное доказательство того, что я здесь лишняя.

Я быстро наклонилась и подхватила обрывок.

Он тут же рассыпался в пепел.

— Просто мусор, Магистр. Зацепился за сумку на площади.

— Мусор? — Валор чуть прищурился. — Он пахнет жжёной Тьмой. Очень старой. Очень горькой.

Я подняла взгляд.

— Наверное, это от портала. Сегодня он работает с перебоями.

Несколько секунд мы молчали.

Это была не беседа. Это была проверка. Он пытался продавить меня взглядом, а я держалась на одном упрямстве и половине дыхания.

Браслет на запястье начал жечь кожу.

Слишком много злости. Слишком много лжи.

— Идите, адептка Касс, — наконец произнёс Валор. — Но помните: в Академии Этерния Свет видит всё. Даже то, что пытаются спрятать за овсяными мыслями.

Я вздрогнула.

Он понял? Или просто бросил наживку?

— Я буду помнить, Магистр, — ответила я и почти бегом направилась к жилому корпусу.

В пустом коридоре я наконец позволила себе опереться спиной о стену.

Дыхание сбилось. Под браслетом кожа горела. Я посмотрела на запястье: остался чёткий красный след.

— Первый день, а я уже у самого опасного человека в королевстве на прицеле, — прошептала я. — Отлично, Марго.

Просто блестяще.

Я опустила взгляд на пропуск.

Факультет целительства.

Мой путь к изменению будущего только начинался. И легким он точно не будет. Впереди был замер физического резонанса, и я почти не сомневалась: Валор там тоже окажется. Он не отстанет, пока не вывернет меня наизнанку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.